K35 5/18

К 35 5/18

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ.

ПРУДОНЪ И ЛУИ БЛАНЪ.

СИСТЕМА ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ПРОТИВОРѢЧІЙ.— СПОРЫ СЪ БАСТІА.—СИСТЕМА ЛУИ БЛАНА.—РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ 1848 ГОДА И НАРОДНЫЙ БАНКЪ.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
2187/8

Ю. ЖУКОВСКАГО.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
8309

С.-ПЕТЕРБУ
1866

Петръ-Іосифъ Прудонъ родился 15 января 1809 г. около Безансона (Франшъ-Конте). Онъ происходилъ отъ горныхъ поселянъ стариннаго рода и гордился этимъ. Однажды онъ сразилъ одного легитимиста слѣдующимъ обращеніемъ: „У меня 14 прадѣдовъ мужиковъ,—назовите хоть одно семейство, которое бы насчитывало столько благородныхъ предковъ“.

До двѣнадцати-лѣтняго возраста мальчикъ жилъ частію въ деревнѣ въ качествѣ подпаска, частію въ мастерской своего отца бочаря. Описаніе его пастушеской жизни можно найти въ его сочиненіе: „De la justice daus la revolution et dans l'église“ Съ гордостью приводитъ онъ то обстоятельство, что отецъ его былъ бочаремъ, а мать кухаркой; они имѣли пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ Прудонъ, былъ старшій. Съ помощью благотворительности нѣкоторыхъ гражданъ мальчику удалось поступить въ гимназію въ Безансонѣ гдѣ онъ пробылъ до девятнадцати-лѣтняго возраста. Оторванный отъ занятій вслѣдствіе крайней бѣдности своего семейства, молодой Прудонъ поступилъ въ наборщики,

потомъ въ корректоры и начальники типографіи. Это продолжалось 15 лѣтъ. Такъ какъ литературныя потребности провинціи ограничивались почти исключительно теологіею, то черезъ руки молодаго человѣка прошла вся теологическая литература провинціи и этимъ объясняется его изумительная начитанность по части теологіи. Выучился онъ и еврейскому языку.

Въ 1830 году ему предложили редакцію либеральнаго листка въ Безансонѣ; но онъ не принялъ ее. Мысли его были направлены въ это время еще въ другую сторону, онъ хлопоталъ объ изданіи „Eléments primitifs des langues“ ученаго аббата Бержэ, къ которому присоединилъ свое собственное „Essai d'une grammaire générale“ (1837). Этотъ опытъ трактуетъ о происхожденіи всѣхъ языковъ отъ одного—отъ священнаго языка.

Позже это сочиненіе было представлено въ отдѣльномъ отпечаткѣ парижской академіи, которая почтила его своимъ похвальнымъ отзывомъ. Авторъ не пустилъ его однако въ продажу, такъ какъ это сочиненіе уже не соотвѣтствовало въ ту пору его воззрѣніямъ; въ 1853 году одинъ спекулянтъ по ходатайству духовенства отпечаталъ его съизнова съ именемъ Прудона. Прудонъ, возсталъ противъ подобнаго поступка и протестовалъ въ судѣ. Коммерческій судъ въ Безансонѣ приговорилъ неуполномоченнаго издателя къ уничтоженію всѣхъ экземпляровъ. Но аппеляціонный судъ, по проискамъ духовенства, разрѣшилъ издателю продавать схоластическія тирады Петра Прудона, противъ желанія автора.

За это его первое ученое сочиненіе академія

въ Безансонѣ назначила Прудона своимъ пансіонеромъ въ 1838 году, и назначила ему трехлѣтнюю стипендію въ 1,500 франковъ, основанную вдовою академика Сюара. Но въ скоромъ времени мысли Прудона получили уже другое направленіе. Въ 1842 году онъ находился въ ассизахъ въ Безансонѣ за „письмо къ Консидерану“, но былъ освобожденъ. Изъ Парижа, еще типографщикомъ, отправилъ онъ въ Безансонскую академію, къ патронату которой онъ уже относился съ ироніей, брошюру „de la celebration du dimanche“ и первую брошюру о собственности. Въ 1843 году онъ еще разъ перемѣнилъ свое призваніе и вступилъ въ Ліонѣ въ качествѣ прикащика въ домъ братьевъ Готье, владѣльцевъ огромнаго транспортнаго предпріятія. Въ теченіе пяти лѣтъ до самой революціи съ большимъ усердіемъ и удачею занимался онъ дѣлами дома Готье и въ тоже время составилъ нѣсколько чисто практическихъ записокъ „О конкуренціи между желѣзными дорогами и водяными путями“, въ которыхъ уничтожалъ манію къ желѣзнымъ дорогамъ финансовыми доводами, а въ концѣ сороковыхъ годовъ незадолго до той революціи издалъ свое капитальное сочиненіе „Systeme des contracidtions èconomiques“. Съ 24 февраля 1848 года начинается его журнальная и политическая карьера и онъ становится общественнымъ дѣятелемъ. Рѣдко приходилось кому возбудить столько ненависти, страха и любви въ столь непродолжительный промежутокъ времени. И еслибъ въ настоящее время его сочиненія не были на лицо для опроверженія всѣхъ нелѣпыхъ и презрительныхъ о немъ отзывовъ и свидѣ-

тельства о его высокомъ дарованіи, то вѣроятно и теперь явились бы охотники на слово повѣрить чьей то остротѣ, что Прудонъ иногда спускаетъ пистолетъ изъ окошка для того, чтобы привлечь на себя вниманіе. 1 апрѣлѣ 1848 года Прудонъ сдѣлался редакторомъ „Representant du peuple", и тутъ началъ жестокій бой противъ всѣхъ политическикъ партій, его окружавшихъ. 4 іюня городъ Парижъ выбралъ его большинствомъ 77,094 голосовъ своимъ представителемъ.

Три журнала долженъ онъ былъ похоронить съ ноября 1848 года до октября 1850: „Le peuple", отпечатывавшійся ежедневно отъ 60—70,000 экземпляровъ, въ то время какъ главный редакторъ бралъ только по 5 франковъ въ день изъ кассы и тотчасъ же возвращалъ издателю конфискованныя 24,000 франковъ залога; журналъ этотъ издавался отъ 23 ноября 1848 до апрѣля 1849. Второй органъ назывался „La voix du peuple",— отъ 1 октября 1849 до 16 мая 1850; третій— „Le peuple 1850", отъ 15 іюня до 13 октября 1850 г. Всѣ три органа постоянно подвергались денежнымъ штрафамъ. которые народъ съ готовностію взносилъ посредствомъ складчины.

31 января 1849 года Прудонъ выступилъ съ своимъ „Народнымъ банкомъ", о которомъ мы скажемъ ниже. 28 марта былъ присужденъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію за „оскорбленіе президента", но успѣлъ бѣжать сначала въ Бельгію, а оттуда отправился въ Швейцарію выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ. Но онъ соскучился тамъ по своей возлюбленной; тайно, не предупредивъ друзей, пробрался въ

Парижъ, гдѣ думалъ испросить руки ея и обвѣнчавшись бѣжать съ ней въ Швейцарію. На станціи желѣзной дороги въ Парижѣ онъ былъ узнанъ и арестованъ, а на слѣдующій день представленъ въ консіержери. Во время своего заточенія онъ успѣлъ однако жениться на своей возлюбленной, дѣвицѣ Пидгаръ, нормандскаго происхожденія, въ которой нашелъ вѣрную, преданную жену; и такъ какъ Прудонъ допускалъ только въ женщинѣ слѣдующую альтернативу: „ou menagére ou courtisane“, то она вполнѣ удовлетворяла его какъ хозяйка. Онъ говорилъ о ней: „она не понимаетъ меня, но за то вѣритъ въ меня“. У него осталось теперь двѣ дочери отъ этого брака. Въ заключеніи Прудонъ написалъ свои „Confessions d'un revolutionnaire“, также „Actes de la revolution“, и отсюда велъ свой споръ съ Бастіа въ „Voix du peuple“ о правѣ процентнаго капитала. Послѣ государственнаго переворота онъ еще въ тюрьмѣ писалъ: „La revolution sociale démontrée par le coup d'Etat“, сочиненіе появившееся въ 1852 году и свободно пропущенное въ печать только послѣ письма автора къ президенту республики.

4 іюня 1852 г. по истеченіи трехлѣтняго заключенія Прудонъ былъ выпущенъ на свободу; но вскорѣ всѣ его сочиненія были подвергнуты запрещенію. Подъ своимъ именемъ онъ издалъ только за границей: „Philosophie du progres un programme. „Manuel du spéculateur à la bourse“ появилось въ двухъ анонимныхъ изданіяхъ и только третье передѣланное и дополненное подъ его именемъ въ 1857 году. Къ этому же промежутку времени относится сочиненіе „Des réformes à operer dans l'exploitation des chemins de fer“. Никакія невзгоды не останав-

лпвали однако Прудона. Въ это время Прудонъ началъ заниматься критикой какъ религіознаго, такъ и политическаго католицизма, плодомъ которой было его сочиненіе „de la justice dans la revolution et dans l'eglise", за которое, едва освободившись изъ тюрьмы, онъ былъ приговоренъ вновь къ годовому тюремному заключенію, и къ уплатѣ 4,000 франковъ и уничтоженію остальныхъ экземпляровъ. Императорская полиція восемь дней не рѣшалась на конфискацію, такъ что въ это время успѣло разойтись уже 10,000 экземпляровъ, и когда наконецъ процессъ получилъ силу по требованію духовенства, то зло уже совершилось. Аппеляціонный судъ въ Парижѣ утвердилъ только въ ноябрѣ 1858 года приговоръ первой инстанціи; но Прудонъ уже давно находился въ Бельгіи, гдѣ развивалъ прежнія мысли и преслѣдовалъ новые планы. Печатная аппеляція его противъ парижскаго приговора первой инстанціи „La justice poursuivie par l'église", написана имъ уже въ Брюсселѣ. Къ послѣднимъ сочиненіямъ его относятся — сочиненіе о „Налогѣ" (de l'impot), о литературной собственности, о федеративномъ началѣ и посланіе къ опозиціонной партіи, les democrates assermentés, а послѣ смерти его изданы: De la capacité politique des classes ouvriéres, и de l'Art.

Въ послѣднее время Прудонъ получилъ возможность возвратиться въ Парижъ, гдѣ и умеръ въ концѣ 1864 года.

Вотъ почти все, что извѣстно намъ о его жизни. Остается надѣяться, что поздніе біографы когда нибудь пополнятъ этотъ недостатокъ; мы же, пока не имѣя подъ рукой подробныхъ данныхъ, можемъ огра-

ничиться лишь крайне общими указаніями на основныя черты этого замѣчательнаго характера.

Этотъ человѣкъ, который самъ выразился о себѣ, что рѣдко кому удавалось столь глубоко взволновать совѣсти своихъ современниковъ, не разъ имѣвшій въ рукахъ всѣ средства для того, чтобы обезпечить себѣ все, изъ-за чего ненасытно бьются другіе люди, родился и умеръ простымъ работникомъ. Какого бы кто ни былъ мнѣнія о его литературной дѣятельности, но ни одинъ голосъ не рѣшился заподозрить ни при его жизни, ни послѣ, его рѣдкаго презрѣнія къ личному благополучію, доказательствомъ котораго была вся жизнь этого человѣка. Грубые, невѣжественные нападки, которымъ подвергалась литературная его дѣятельность, останавливались тамъ, гдѣ начиналась личность писателя, и черная злоба и зависть смолкали передъ величіемъ характера. Человѣкъ который могъ предложить передъ лицомъ цѣлаго народнаго собранія такой поединокъ другому, какой Прудонъ предложилъ Тьеру — разсказать публично свою жизнь съ тѣмъ, что-бы противникъ его сдѣлалъ тоже въ свою очередь, долженъ былъ имѣть дѣйствительно мало упрековъ на совѣсти. Но за то на сколько оставалось неприкосновенною для всѣхъ честность намѣреній этого писателя, на столько же всякій считалъ себя въ правѣ кидать грязью и съ непростительной, наглой безцеремонностью относиться къ его ученымъ трудамъ. Именемъ Прудона въ теченіи всей его дѣятельности пугали дѣтей и еще болѣе пугали взрослыхъ, и пугали притомъ столь успѣшно, что масса образованнаго общества представляла себѣ этого писателя крайнимъ отри-

цателемъ и разрушителемъ, требовавшимъ анархіи въ политикѣ и одинаково подрывавшимъ гражданскіе основы быта. Время однако привело къ нѣкоторому смягченію первоначальныхъ рѣзкихъ приговоровъ и къ нѣкоторому просвѣтленію въ этомъ хаосѣ представленій.

Едва закрылась свѣжая могила и позднее раскаяніе искало кругомъ всевозможныхъ путей примириться съ тѣнью великаго мыслителя, признавъ за несправедливую ложь по крайней мѣрѣ половину тѣхъ страныхъ обвиненій, которымъ не переставали подвергать мысли этого писателя при его жизни. Литературные органы спѣшили хоромъ смягчить другъ передъ другомъ рѣзкость прошлыхъ преслѣдованій, наперерывъ завѣряя, что общественное мнѣніе было постоянно обманываемо той угловатой, парадоксальной формой, въ которой Прудонъ высказывалъ мысли—въ сущности вовсе не страшныя и не парадоксальныя. Мы приведемъ на выдержку одинъ изъ подобныхъ посмертныхъ примирительныхъ отзывовъ, которыми были въ прошломъ году полны французскіе журналы.

Вотъ что писалъ одинъ изъ серьезныхъ органовъ по поводу его смерти:

„Генварь мѣсяцъ, читаемъ мы въ „Revue Germanique“, принесъ намъ двѣ потери — смерть Прудона и черезъ нѣсколько дней послѣ него смерть Шараса. Прудонъ былъ писатель породистый и съ характеромъ; мало того, онъ былъ неутомимый искатель истины. Онъ часто встрѣчался съ парадоксомъ, но парадоксъ никогда не проникалъ въ его сердце. Человѣкъ и его совѣсть никогда не были доступны софизму... Среди

слишкомъ извѣстныхъ изрѣченій, среди преувеличеній въ его трудахъ сказываются двѣ основныя идеи—это улучшеніе быта работниковъ при посредствѣ кредита и децентрализація въ правительствѣ.“ Въ доказательство безгрѣшности мыслей Прудона вслѣдъ затѣмъ приводится парафраза самыхъ устрашающихъ повидимому изъ всѣхъ изреченій этого писателя: „Начало собственности заключается въ простомъ актѣ занятія. Кредитъ долженъ сдѣлаться общедоступнымъ. Право приводится въ дѣйствія при посредствѣ силы.“ Подобныя стереопипныя объясненія сопровождаются столь же стереотипными упреками въ исключительномъ критицизмѣ, въ склонности къ парадоксу, къ преувеличенію, въ ложности экономическихъ взглядовъ, противъ которыхъ съ другой стороны будто бы особенно удачно протестовалъ Бастіа. Все это въ переводѣ на простой языкъ значитъ ничего болѣе, какъ то, что Прудонъ былъ человѣкъ честный въ частной жизни, а въ литературѣ краснорѣчивый фразеръ, въ мысляхъ котораго царствовалъ постоянный безпорядокъ и сила мысли котораго никакъ не можетъ идти въ уровень съ какимъ нибудь Бастіа; а такъ какъ сила мысли Бастіа очень невелика, то остается какъ будто сдѣлать тотъ лишь выводъ, что Прудонъ ниже самой посредственности. Вотъ весь смыслъ подобныхъ примирительныхъ отзывовъ и ничего другаго не выставила иностранная пресса пока для оцѣнки Прудона. Еще меньше могли мы узнать отъ русской журналистики, а потому понятіе объ этомъ писателѣ остается пока еще весьма смутно. Но время, приносящее всему заслуженную оцѣнку, едва ли не свяжетъ съ именемъ Прудона

нѣсколько иного представленія, едва ли не научитъ въ немъ видѣть одного изъ немногихъ двигателей, которыми можетъ гордиться современное экономическое знаніе, и которые служатъ настоящими представителями этого знанія въ нашу эпоху.

Мы думали поэтому, что лучше было бы оставить въ сторонѣ похвалы и порицанія, но за то остановиться подробнѣе на самомъ содержаніи практической и литературной дѣятельности писателя, дать прежде всего читателямъ въ сжатомъ видѣ тотъ матеріалъ, который только можетъ служить ему средствомъ для пріобрѣтенія отчетливаго понятія объ этомъ писателѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы считаемъ нужнымъ предупредить что все наше вниманіе сосредоточилось исключительно на однихъ экономическихъ трудахъ и взглядахъ Прудона и мы некасались другихъ его трудовъ и взглядовъ нравственныхъ, юридическихъ и философскихъ представляющихъ вообще мало самобытнаго и далеко невселявшихъ тѣхъ предубѣжденій какъ его экономическіе взгляды.

Наконецъ излагая экономическую систему Прудона, не могли оставить въ сторонѣ системъ Луи Блана, такъ какъ оба эти писателя тѣсно вяжутся и по времени и по роду своей дѣятельности.

ПРУДОНЪ

И ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПРОТИВОРѢЧІЙ.

ГЛАВА I.

Общая характеристика Прудона какъ писателя. — Философія нищеты, или система экономическихъ противорѣчій и ея содержаніе.

Русскій читатель привыкъ прежде всего видѣть въ Прудонѣ какое-то воплощенное противорѣчіе, которое жертвовало послѣдовательностью ради страсти къ отрицанію. Въ силу этой страсти, думаетъ русскій читатель, Прудонъ, много старавшійся разрушить, не оставилъ въ наслѣдство наукѣ ни одной послѣдовательной идеи, ничего не создалъ, кромѣ разрушительнаго краснорѣчія. Нѣтъ ничего ошибочнѣе такого взгляда. Прежде всего мы убѣдимся, что Прудонъ не только не былъ такимъ страшнымъ разрушителемъ, но что онъ даже былъ до извѣстной степени консерваторъ, что онъ не только оставилъ кой-какую идею въ наслѣдство людямъ, но даже цѣлую стройную самостоя-

тельную систему, и что система эта не ограничилась у него предѣлами книги, а проникала въ частную и политическую дѣятельность этого человѣка. Въ результатѣ даже трудно сыскать болѣе цѣльное, гармоническое воплощеніе самой послѣдовательности, чѣмъ то, которое представляетъ этотъ писатель. Частный человѣкъ, философъ и гражданинъ, Прудонъ вездѣ одинъ и тотъ же. Его система только хотѣла стать шире существующихъ. Поставленный среди борьбы идеализма и реализма въ политической сферѣ, среди рутины и новаторства, будучи реалистомъ по своимъ послѣднимъ стремленіямъ и цѣлямъ относительно общественныхъ задачъ, онъ не хотѣлъ примкнуть совершенно ни къ тѣмъ ни другимъ, а признавая ошибки и достоинства за тѣми и другими, стремился построить свою собственную независимую систему. Въ этой системѣ онъ думалъ примирить и тѣхъ и другихъ и уничтожить ту бездну, которая лежала между крайними воззрѣніями, между экономической рутиной и соціализмомъ. Онъ думалъ найти свою положительную сторону въ томъ и другомъ мірѣ, доказывая, что достиженіе реальныхъ цѣлей невозможно безъ признанія тѣхъ самыхъ экономическихъ началъ, которыя уже существуютъ въ обществѣ, что ошибка кроется не въ самыхъ началахъ, а въ ихъ несовершенной постановкѣ, что всѣ нападки соціалистовъ направлены въ сущности не противъ самыхъ началъ, а только ихъ переходныхъ послѣдствій, которыя измѣнятся, разъ будутъ поставлены иначе самыя существующія начала. Отсюда опредѣляется все, чего должна была искать новая система, это—окончательной формулы для постановки прежнихъ уже готовыхъ началъ; матеріаломъ же для этой формулы должны были служить тѣ же самыя начала, которыя дѣйствовали уже въ экономической исторіи, и за которыя стоятъ и идеалисты или экономисты рутинеры.

Это показываетъ уже отчасти, что Прудонъ не могъ быть

исключительнымъ отрицателемъ; по взгляду на человѣческую личность, по собственному характеру, по методу отношенія къ самымъ реальнымъ вопросамъ, онъ былъ не только до извѣстной степени идеалистъ, но даже метафизикъ. Но нужно было уже слишкомъ поверхностно относиться къ вещамъ, чтобы смѣшивать его съ соціалистами. Онъ самъ не разъ протестовалъ противъ такого смѣшенія, и если взвѣсить противъ кого болѣе воевалъ Прудонъ, противъ ли старой рутины понятій или противъ такъ называемыхъ утопій, то можетъ быть даже трудно будетъ рѣшить, съ какимъ строемъ понятій у этого человѣка было менѣе общаго.

Дѣйствительно, всю свою жизнь Прудонъ одинаково протестовалъ, какъ противъ рутины, такъ и противъ реализма въ его господствовавшей формѣ. Онъ старался выдѣлить себя одинаково, какъ отъ той, такъ и другой стороны, но этого мало. Онъ выдѣлялъ себя не во имя новой какой либо партіи, новой коллективной силы единомышленниковъ, которой бы искалъ, и на которую думалъ бы опираться. Нѣтъ, у него никогда не было ни школы, ни кружка, ни партіи, и онъ весьма далекъ былъ отъ желанія организовать подобную партію. Выдѣляя себя, онъ выдѣлялъ въ прямомъ смыслѣ только самого себя. Весь протестъ его окружающему заключался въ его собственной личности; на однихъ своихъ плечахъ онъ хотѣлъ вынести всю войну, которую вызывалъ своимъ отрицаніемъ, такъ что, говоря о прудонизмѣ, мы только можемъ разумѣть самого Прудона и никого болѣе. Во всей борьбѣ идей, которую представляла до сихъ поръ исторія текущаго вѣка на французской почвѣ, онъ стоитъ совершенно одиноко, въ противоположность цѣлымъ коллективнымъ полчищамъ партій и школъ.

Такое положеніе радикальнымъ образомъ уединяетъ личность этого писателя отъ всего остальнаго и указываетъ само собой

ту пропасть, которая отдѣляетъ его одинаково отъ всѣхъ лагерей.

Въ то время, какъ всѣ партіи, не исключая и послѣднихъ реалистовъ, полагали главную свою опору въ коллективной силѣ и организаціи, онъ искалъ всей силы въ себѣ самомъ. Вотъ объясненіе, почему никто не былъ предметомъ столь общихъ нападокъ; но вотъ первый признакъ между прочимъ, почему Прудона нельзя было никогда считать такимъ страшнымъ разрушителемъ.

Личность, и прежде всего личность, стояла для него на первомъ планѣ; въ этомъ началѣ личности видѣлъ онъ всю силу. Ему случилось показать правда, что можетъ эта личность въ минуту общаго замѣшательства и потери кредита всѣми наличными, господствовавшими до того времени партіями; но въ то же время его примѣръ могъ служить доказательствомъ и тому также, что какъ бы ни сильна была эта личность, она имѣетъ шансы выступить на первый планъ не ранѣе, чѣмъ ей очистятъ поле дѣйствія коллективныя партіи своими ошибками, что личность эта, выступая безъ коллективной опоры, можетъ не на долго овладѣть этимъ полемъ.

Въ силу такого взгляда никто не былъ менѣе способенъ къ интригѣ, къ оправданію поступковъ благою цѣлью, къ половиннымъ сдѣлкамъ, уступкамъ и компромиссамъ; безукоризненность личной дѣятельности онъ ставилъ въ первый законъ политической и гражданской дѣятельности—самую личность, если хотите, ставилъ поэтому выше дѣла, и вотъ причина, по которой онъ долженъ былъ остаться въ сторонѣ отъ всѣхъ партій и кончить свою жизнь столь же одиноко, какъ и началъ. Ту идеальную чистоту личности, которую идеалисты проповѣдывали только на словахъ, онъ хотѣлъ сдѣлать закономъ самаго дѣла. По началамъ, которыя онъ исповѣдывалъ, съ этой стороны онъ былъ

чистый идеалистъ; но онъ хотѣлъ быть только немного лучшимъ идеалистомъ, чѣмъ сами идеалисты. Съ рѣдкой послѣдовательностью онъ хотѣлъ отстоять права и чистоту личности во всѣхъ сферахъ ея дѣятельности и во всѣхъ положеніяхъ. Вотъ почему онъ остался столь же бѣденъ деньгами, какъ немногіе друзья его и единомышленники. Но такая послѣдовательность его идеалистическому взгляду простиралась далѣе,—она отражалась на всей системѣ его теоретическихъ воззрѣній, сказывалась во всѣхъ частныхъ вопросахъ науки, которые онъ пробовалъ рѣшать, чувствовалась на каждомъ отдѣльномъ трудѣ.

Главная доля литературной дѣятельности Прудона была посвящена разбору вопросовъ хозяйственныхъ и экономическихъ. И здѣсь онъ являлся защитникомъ того же личнаго начала, признавая личную конкуренцію за основаніе экономическаго движенія и протестуя противъ асоціаторовъ, будто бы стремящихся подчинить эту личность и даже стушевать ее вовсе во имя коллективныхъ интересовъ. Точно на такомъ же основаніи въ вопросахъ политическихъ онъ являлся защитникомъ децентрализаціи и самоуправленія. Взглядъ свой на экономическія отношенія, кромѣ мелкихъ предварительныхъ брошюръ, онъ изложилъ довольно полно въ первый разъ не за долго до февральской революціи въ большомъ сочиненіи объ экономическихъ противорѣчіяхъ.

Позже тѣ же мысли развивалъ онъ въ отдѣльныхъ брошюрахъ и наконецъ въ краткой энциклопедіи нравственныхъ, политическихъ и общественныхъ вопросовъ, которая носитъ названіе „de la Justice“. Вездѣ и всегда кончая совѣтами нынѣшней опозиціонной партіи во Франціи, въ брошюрѣ „les democrates assermentés“ являлся онъ защитникомъ личнаго начала и во имя его же дѣйствовалъ на политическомъ поприщѣ въ 1849 году.

Такимъ образомъ вся дѣятельность этого человѣка представляетъ крайнюю вѣрность одной и и той же основной идеѣ и послѣдовательность, стараніе примирить выразившееся уже достаточно противорѣчіе между крайними школами, стать выше тѣхъ и другихъ и указать тотъ настоящій методъ, которому надлежитъ слѣдовать для рѣшенія экономическаго вопроса.

Этотъ взглядъ, впервые нами указываемый въ противность всему тому, что писала о немъ европейская и русская литература, мы намѣрены подтвердить теперь, изложивъ самое содержаніе его дѣятельности какъ литературной, такъ и практической— для того, чтобъ положить конецъ разнообразнымъ и ложнымъ представленіямъ, которыя господствуютъ на счетъ этого писателя, благодаря поверхностности его критиковъ.

Прудонъ жилъ въ такое время, когда теоретическая дѣятельность сколько нибудь живаго мыслителя публициста силою вещей должна была сосредоточиваться на экономической сторонѣ жизни. Выступая на литературное поприще, Прудонъ засталъ уже въ самомъ разгарѣ теоретическую борьбу, съ одной стороны, между защитниками экономической рутины, позитивистами въ экономическихъ вопросахъ и идеалистами по отношенію къ философскимъ началамъ, гибкость которыхъ была весьма съ руки для оправданія всякаго позитивизма, и съ другой—между реалистами. Борьба эта вращалась преимущественно около экономическихъ вопросовъ, и въ этомъ смыслѣ прежде всего предстояло выказаться Прудону.

Первые его труды, которыми онъ обратилъ на себя вниманіе, были посвящены анализу экономическихъ отношеній, и ранѣе всего сдѣлалась извѣстной, въ этомъ отношеніи, его брошюра о „собственности,“ которою не переставали его преслѣдовать всю жизнь, толкуя смыслъ ея совершенно произвольно. Въ этой брошюрѣ Прудонъ уже не только протестовалъ противъ рутины,

экономическихъ понятій, но вмѣстѣ съ тѣмъ старался дать своему протесту нѣсколько отличную форму отъ тѣхъ протестовъ, которые были уже въ ходу.

Въ одномъ изъ позднѣшихъ своихъ трудовъ онъ совершенно опредѣленно выражаетъ тотъ смыслъ и тѣ намѣренія, которыя имѣла его первая брошюра о собственности. Отсюда мы видимъ, какъ дурно онъ былъ понятъ первоначально. „Вопросъ собственности находился, говоритъ онъ, въ крайне смутномъ положеніи, когда я предпринялъ его разсмотрѣніе въ свою очередь. Разсматривая всѣ предложенныя объясненія, я старался доказать, что онѣ неудовлетворительны, — что фактъ завладѣнія есть только фактъ, а не принципъ, что авторитетъ законодателя заслуживаетъ уваженія, и что закону конечно слѣдуетъ повиноваться, но что это еще не объясняетъ сущности закона; что трудъ даетъ право на вознагражденіе, но этимъ и ограничиваются его послѣдствія, и т. д. Изслѣдуя поэтому глубже вопросъ, я съ своей стороны не нашелъ въ его основаніи ничего, кромѣ факта завоеванія, признаннаго позже закономъ. Слѣдовало ли изъ этого, что я противъ ренты, какъ послѣ хотѣли вывести. Конечно нѣтъ; слѣдовало отсюда только то, что вопросъ оказывался не яснымъ и подлежащимъ новому разсмотрѣнію.

«Вмѣсто того, чтобы сдѣлать выводъ, по примѣру предшественниковъ, я призналъ всѣобъясненія отъ объясненій схоластиковъ до послѣднихъ доктринеровъ, одинаково непослѣдовательными, и протестую вновь противъ всякаго гувернментализма, коммуназма и феодализма; я стоялъ за свободу индустріи, конкурренцію, семейство и наслѣдственность, и — повторяю съ удвоенной энергіей, тѣмъ же голосомъ, тѣмъ же перомъ, что я врагъ монополіи, что рента — установленіе, которое ждетъ еще научнаго объясненія, но которое вовсе не слѣдуетъ уничтожать. Поэтому, сколько было безсмыслицы во всѣхъ испробо-

ванныхъ объясненіяхъ, столько же было бы глупости уничтожать теперь вещь, которой мы даже не поняли.

„Таковъ настоящій смыслъ моего взгляда, крайне консервативный и долженствующій привлечь на мою сторону много симпатій послѣ всего скандала, поднятаго моими негодными толкователями. Но есть вездѣ люди, для которыхъ всякое сужденіе о предметѣ кажется святотатствмъ. Для этихъ людей говорить о рентѣ то же, что ходить съ горящимъ факеломъ по пороховому погребу;—что, я говорю впрочемъ, это значитъ отвращать глаза публики отъ отъ ихъ шарлатанскихъ лепешекъ, предупреждать ее, чтобы она наблюдала за своими карманами. Сколько негодяевъ, обогатившихся ажіотажемъ, рекламами, водкой, ждетъ приближенія полиціи, лишь только зайдетъ разговоръ о рентѣ; я не встрѣтилъ до сихъ поръ ни одного рантье — честнаго человѣка, которому были бы свойственны подобныя опасенія; я не знаю большаго стыда для цѣлой націи, какъ этотъ терроризмъ, овладѣвающій мыслью и обличающій конечно не уваженіе къ установленію, а только лицемѣріе совѣстей.“

Разъ, однако, Прудонъ успѣлъ вызвать противъ себя такое сильное предубѣжденіе брошюрой не заключавшей, какъ онъ самъ показываетъ, ничего особенно смѣлаго и радикальнаго, нечего удивляться тѣмъ чувствамъ, съ которыми должны были встрѣтиться всѣ его послѣдующіе труды. Не испугавшись однако подобныхъ обвиненій Прудонъ издалъ въ сороковыхъ годахъ большое сочиненіе Philosophie de la misére ou systéme des Contradictions economiqees. Здѣсь то въ первый разъ окончательно и полно высказалась экономическая система Прудона и содержаніемъ этого-то сочиненія мы должны заняться по возможности подробно, потому что въ немъ-то заключается настоящій ключъ отъ всего теоретическаго возрѣнія на экономическій порядокъ, который оставилъ намъ Прудонъ. Узнаемъ же этотъ взглядъ и систему.

„Я признаю существованіе экономической науки, хотя можетъ быть это самое дерзкое изъ новыхъ положеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю ее самой чистой и понятной изъ наукъ самой логической, такъ начинаетъ Прудонъ изложеніе своей системы противорѣчій — для меня это и есть настоящая логика фактовъ, внѣшнее конкретное выраженіе,—метафизика въ дѣйствіи; всякаго, кто только занимается законами обмѣна и труда я называю настоящимъ метафизикомъ. Но я спѣшу сказать, что я не признаю за экономическую науку разнообразный сбродъ теоріи, носящій оффиціальное названіе экономической науки. Недостаточность политической экономіи въ этомъ ея видѣ всегда поражала созерцательные умы, которые, составили школу оппозиціонную настоящему порядку и рутинѣ. Но они въ свою очередь были слишкомъ склонны къ мечтательности для того, чтобы углубляться въ дѣйствительность и найти истинную точку зрѣнія; и едва ли нужно поэтому оговаривать, прибавляетъ Прудонъ, что въ одной стороны логическія заблужденія какъ той, такъ и другой партіи совершенно равносильны, а съ другой на сторонѣ и той и другой школы есть своя доля правды, и только узкость и нетерпимость были главными причинами продолжающаго разногласія и вражды между обѣими. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, стало быть, съ двумя школами: — съ школами экономистовъ и утопистовъ. Что такое первые и что — вторые? — Экономія есть сборникъ фактовъ, наблюденій и феноменовъ, относящихся къ производству и распредѣленію богатствъ, въ ихъ позитивной и случайной формѣ, изложеніе хозяйственныхъ обычаевъ—преданія и рутины въ той формѣ, въ какой они наиболѣе акредитованы и распространены въ настоящемъ обществѣ“.

Противоположная сторона, критикуя рутину, признаетъ ее за источникъ безпорядковъ и вражды, и переходя отъ отри-

цанія къ утвержденію, предлагаетъ асоціацію, какъ настоящую, форму экономическихъ отношеній, въ противность личной формѣ хозяйства, на которой, настаиваетъ рутина. Одна ведетъ къ освященію эгоизма, другая доводитъ до экзальтаціи начало коллективности и жертвуетъ ей личностью. Противорѣчіе между обѣими сторонами кажется радикальнымъ; обѣ поэтому въ открытой борьбѣ, обѣ упрекаютъ другъ друга въ безплодности. И если одна требуетъ у другой отчета во всѣхъ невзгодахъ, которыя терпитъ человѣчество, то другая преслѣдуетъ реформаторовъ сарказмами по поводу несостоятельности всѣхъ сдѣланныхъ ими попытокъ вывести общество изъ среды тѣхъ понятій формъ и учрежденій, которыя они критикуютъ.

Мы имѣемъ такимъ образомъ съ самаго начала дѣло съ съ двумя противорѣчіями. Но вѣдь современная критика доказала, продолжаетъ Прудонъ, что въ такомъ случаѣ истина заключается не въ одной изъ крайностей, взятой исключительно, а въ соглашеніи ихъ обѣихъ между собою, ни въ правомъ, ни въ лѣвомъ полюсѣ, а въ соглашеніи противорѣчія между двумя понятіями въ какомъ либо въ высшемъ понятіи. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствительность приведетъ насъ когда нибудь къ тому высшему термину, который согласитъ въ себѣ указанное противоречіе, а пока не слѣдовало ли бы людямъ смысла приготовиться покрайней мѣрѣ встрѣтить такое соглашеніе, изучая добросовѣстно свойства каждой изъ борящихся силъ. Такое изученіе было бы уже полезно съ той стороны, что оно указало бы намъ тѣ требованія, которыя должны быть соглашены для рѣшенія задачи, и удержало бы насъ на сторожѣ отъ утопій. Отсюда читатель можетъ уже видѣть, что въ самомъ приступѣ къ дѣлу у Прудона какъ будто лежитъ метафизическая Гегелевская тріада, при посредствѣ которой онъ à priori опредѣляетъ свое отношеніе къ утопистамъ и рутинерамъ, и рѣшаетъ заранѣе споръ

мѣжду тѣми и другими въ пользу извѣстнаго средняго положенія. Но нужно прибавить, что все это метафизическое вступленіе есть не болѣе, какъ случайная внѣшняя рамка, въ которую авторъ вставилъ послѣ выводы, добытые вовсе не апріористическимъ путемъ, а чистымъ анализомъ фактовъ. Мы убѣдимся изъ дальнѣйшаго изложенія, что изслѣдованіе всякаго отдѣльнаго вопроса Прудонъ производилъ путемъ чистаго наблюденія—разложенія, индукціи, что онъ слѣдовалъ въ сущности реальному методу изслѣдованія, и только послѣ переплелъ все въ метафизическую форму. Метафизическая форма является у него просто механической приставкой къ независимому отъ нея содержанію: она не руководитъ изслѣдованіемъ и можетъ быть даже совершенно отброшена. Въ этомъ отношеніи Прудонъ самъ заблуждается, считая себя метафизикомъ. Гораздо важнѣе для насъ въ этомъ вступленіи то отношеніе, въ которое онъ ставитъ себя къ борющимся школамъ, — мы видимъ, что онъ столь же мало высказываетъ привержнности къ соціализму, какъ и ко всякой другой школѣ.

Для того, чтобы дать еще болѣе осязательное понятіе о точкѣ, на которую онъ становится относительно той и другой партіи, Прудонъ беретъ частный примѣръ,—вопросъ объ устройствѣ труда. Соціалисты, говоритъ онъ, какъ пророкъ въ пустынѣ, ведутъ на нашихъ глазахъ свою проповѣдь, повторяя однообразно—„устраивайте трудъ, устраивайте трудъ“. Противники отвѣчаютъ имъ, что трудъ этотъ устроенъ и болѣе устраивать нечего, Но несомнѣно однако, что столь же трудно устроить этотъ трудъ, какъ и согласиться, чтобы онъ былъ въ самомъ дѣлѣ устроенъ въ настоящую минуту. Мы не скажемъ поэтому, говоритъ Прудонъ, что трудъ этотъ слѣдуетъ устроить, не скажемъ. что онъ устроенъ уже, а скажемъ вѣрнѣе, что онъ устраивается, т. е. что онъ идетъ къ организаціи и долженъ придти

къ ней. Экономисты разсказываютъ намъ собственно исторію прошлаго экономическаго дѣла. Имъ слѣдовало бы на этомъ остановиться, а они пошли далѣе и хотѣли возвести историческій матеріалъ въ теорію. Заслуга соціалистовъ состояла въ томъ, что они показали безразсудство этого послѣдняго стремленія, но въ то время, когда первые отказываются вовсе отъ всякаго движенія впередъ, вторые бросаются въ химеры. Вотъ почему въ настоящее время довольно людей одинаково не довольныхъ какъ тѣми, такъ и другими, и вотъ почему Прудонъ считаетъ самымъ современнымъ дѣломъ отнестись критически къ тѣмъ и другимъ.

Такому критическому отношенію слѣдуетъ онъ и во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи своей теоріи экономическихъ противорѣчій. Указавъ противорѣчіе между двумя школами, которыя дѣлятъ науку, онъ естественно отыщетъ такое же противорѣчіе между отдѣльными частями каждой школы, т. е. по каждому частному вопросу, который входитъ въ составъ науки, и вотъ въ двухъ словахъ вся система, все содержаніе его „философіи нищеты“.

Понятіе о цѣнности есть краеугольный камень экономическаго зданія, говоритъ онъ, и потому прежде всего обращается къ вопросу о цѣнности. Экономія, говоритъ онъ, различаетъ два рода цѣнности, — цѣнность внутреннюю (Valeur en usage) и мѣновую „Valeur en change.“

Экономисты очень хорошо поняли, до извѣстной степени, существующее различіе между двумя терминами, но они не указали открывающагося при этомъ болѣе существеннаго противорѣчія, на которое намъ предстоитъ обратить вниманіе. Условія мѣновой цѣнности таковы, что для того, чтобы получать взамѣнъ нашихъ продуктовъ какъ можно болѣе другихъ продуктовъ, для того — словомъ, чтобы быть богаче, мы должны стараться производить какъ можно болѣе. Но вѣдь съ другой сто-

роны, чѣмъ болѣе мы производимъ, тѣмъ болѣе роняемъ черезъ это цѣнность того продукта, который производимъ. Дороговизна такимъ образомъ ростетъ сообразно рѣдкости, а не пользѣ продукта, и въ результатѣ два вида цѣнности,—цѣнность внутренняя, измѣряемая пользой вещи, и цѣнность мѣновая оказываются въ обратномъ содержаніи другъ къ другу.

„Я вызываю теперь любаго изъ экономистовъ сказать мнѣ, почему же дороговизна растетъ несообразно съ внутреннею цѣнностью продукта, почему дороговизна не есть синонимъ пользы, а рѣкости продукта“.

„Если бы мы продолжали тѣмъ же путемъ разсуждать далѣе, то мы бы пришли къ тому крайнему предѣлу, гдѣ предметы наиболѣе полезные, увеличиваясь все болѣе и болѣе въ количествѣ, дошли бы въ мѣновой цѣнности до нуля, и наоборотъ, предметы, какъ менѣе полезные, но какъ болѣе рѣдкіе, возрасли бы въ мѣновой цѣнѣ выше всякой мѣры и тогда противорѣчіе было бы разрѣшено. Но къ вящему затрудненію практика не допускаетъ такихъ крайнихъ результатовъ, никакое производство не можетъ достичь безконечности, съ другой же стороны, предметы рѣдкости, чтобы цѣниться, должны во всякомъ случаѣ заключать въ себѣ какую либо долю пользы, поэтому мѣновая цѣнность и внутренняя остаются роковымъ образомъ связанными другъ съ другомъ, хотя по своей природѣ и стремятся повидимому къ взаимному исключенію“.

Я не буду, прибавляетъ Прудонъ, утомлять читателя попытками рѣшить это противорѣчіе. Фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, не подлежитъ анализу—это фактъ первичный, коренной, равносильный дуализму между матеріей и мыслью. Вмѣсто того, чтобы искать объясненія этого противорѣчія, мы лучше остановимся на доказательствѣ его неизбѣжности.

Въ самомъ дѣлѣ, что же мы сдѣлаемъ, чтобы предупредить

его. Фактъ этотъ проистекаетъ очевидно изъ свободы каждаго производить что угодно и покупать также,—станемъ ли мы ограничивать производство, налагать таксы, соединять людей въ общую мастерскую или даже общину потребительную? Но въ такомъ случаѣ вы уничтожите личную свободу, уничтожите лицо;—очевидно, что только уничтожая человѣка, вы уничтожите это противорѣчіе, т. е. уничтожите вмѣстѣ съ тѣмъ самую свободу. Поэтому, думаетъ Прудонъ, фактъ этотъ составляетъ неизбѣжную категорію экономическаго порядка. Каждая изъ двухъ противуположныхъ школъ вывела изъ этого факта два совершенно различныхъ заключенія — для однихъ онъ послужилъ поводомъ къ нападкамъ на экономистовъ, для другихъ—поводомъ къ признанію несоизмѣримости цѣнностей за экономическій законъ.

Я утверждаю, говоритъ Прудонъ, что тѣ и другіе заблуждались.

Противорѣчія между двумя понятіями о цѣнности не произошли вслѣдствіе ложнаго взгляда на дѣло или ложной терминологіи, и такъ какъ это понятіе служитъ началомъ всей экономической науки, то неудивительно, что мы встрѣчаемъ во всѣхъ частяхъ этой науки по каждому вопросу такой же рядъ соотвѣтствующихъ антиномій.

Но съ другой стороны на столько же были не правы и экономисты, останавливаясь на невозможности найти какую либо болѣе прочную и настоящую мѣру цѣнности, кромѣ шаткаго отношенія между спросомъ и предложеніемъ. Напротивъ, все намъ доказываетъ, что цѣна изъ зыбкаго и неопредѣленнаго явленія можетъ идти къ тому, чтобы стать постояннымъ и опредѣленнымъ, и что такъ или иначе, а слѣдутъ искать мѣру цѣнности.

Чтобы ни говорили поэтому, я отвѣчаю, пишетъ Прудонъ, на право и на лѣво, и экономистамъ и соціалистамъ: 1) что

такъ какъ нѣтъ такого факта, который бы не имѣлъ своей причины и закона, то если мы не знаемъ закона обмѣна или цѣнности — виновата въ этомъ не цѣнность, а наука, 2) что пока человѣкъ будетъ работать свободно, справедливость будетъ главнымъ основаніемъ общественнаго сожительства; а до опредѣленія закона или мѣры цѣнности справедливость будетъ невозможна.

Эта то искомая мѣра общая для всѣхъ цѣнностей по мнѣнію Прудона есть трудъ. Измѣрять цѣнность вещей значитъ сравнивать ихъ въ отношеніи къ труду, котораго стоило ихъ производство.

Затѣмъ не трудно показать, что и теперь указываемая нами мѣра цѣнности отчасти чувствуется на практикѣ.

Всякій продуктъ служитъ для насъ и теперь представителемъ извѣстной суммы труда. Отнимите у него это качество, вещи теряютъ всякій экономическій характеръ, и вы имѣете передъ собой рядъ полезностей, несоизмѣримыхъ между собой. Съ этой стороны деньги точно также служатъ для насъ представителемъ такой же суммы труда, какъ и всякій продуктъ. Спрашивается, почему же деньги пользуются преимуществомъ служить измѣрителями цѣности. На этотъ вопросъ экономисты отвѣчали разными болѣе литературными и художественными объясненіями, чѣмъ научными — они ссылались на удобство и т. д. Но настоящая экономическая причина такого явленія была совершено упущена ими изъ вида. Они недосмотрѣли, что цѣнность металла была первая изъ всѣхъ, которая успѣла установиться и неподлежитъ постоянной и случайной депреціаціи, какъ прочіе товары. То, чего достигла монета, тоже остается сдѣлать и для прочихъ продуктовъ — нужно словомъ, чтобы всѣ они и каждый порознь достигли свойства монеты, т. е. были принимаемы вездѣ и на всѣхъ рынкахъ по столь же общему и однообразному курсу, какъ

серебро и золото. Словомъ, монета служитъ лишь просто прототипомъ тѣхъ качествъ, которыми экономическій прогресъ долженъ снабдить всѣ остальныя цѣнности. Понятно, что только въ этомъ послѣднемъ случаѣ, когда трудъ станетъ единицей, измѣряющей отношенія между всѣми цѣнностями, когда трудъ будетъ обмѣниваться на трудъ, а не вещи на вещи, когда начало труда станетъ закономъ обмѣна, можно будетъ высказать то общее правило, что трудъ служитъ источникомъ богатствъ не въ отвлеченномъ смыслѣ, а источникомъ богатствъ для каждаго трудящагося, что всякій трудъ творитъ для каждаго трудящагося извѣстный избытокъ; тогда только богатство будетъ распредѣляться пропорціонально труду. Къ такому-то опредѣленію или балансу цѣнностей неотразимо стремится по мнѣнію Прудона экономическій прогрессъ, и чтобы дать осязательное понятіе о томъ несовершенномъ положеніи, въ которомъ находится большинство цѣнностей въ настоящую минуту, Прудонъ считаетъ достаточнымъ слѣдующій примѣръ. „Представимъ себѣ, говоритъ онъ, что крестьянинъ платитъ нотаріусу 12 фран. за какой либо контрактъ — для ноторіуса этотъ контрактъ стоитъ часъ работы, а 12 фр. изображаютъ нѣсколько дней крестьянской работы — стало быть, допустить такую сдѣлку тоже самое, что сказать, что крестьянинъ платитъ нѣсколько дней труда за часъ другой работы. Ясно, что отношеніе цѣнностей, повѣренное на основаніи единственной мѣрки, которая можетъ ему служить для этого, на основаніи количества труда, оказывается еще неустановившимся, — что въ то время, когда одна работа доставляетъ избытокъ, другая не даетъ необходимаго. Такимъ образомъ въ вопросѣ о цѣнности заключается вопросъ устройства всѣхъ экономическихъ отношеній. И если силою вещей отношеніе между цѣнностями стремится установиться по началу труда, то всѣ отдѣльныя задачи найдутъ овое рѣшеніе, разъ естественный

ходъ вещей приведетъ къ достиженію равновѣсія цѣнностей". Прудонъ принимаетъ всю исторію за постепенный процессъ къ такому равновѣсію. Мы и насъ окружающія явленія занимаемъ извѣстную переходную точку въ этомъ ходѣ къ равновѣсію и съ этой стороны всякій оптимизмъ экономистовъ представляется конечно отрицаніемъ прогресса и защитой безпорядка. Но не правы также и тѣ, которые бросаются въ визіонерство вмѣсто того, чтобы искать въ текущихъ фактахъ данныхъ для дальнѣйшаго улучшенія отношеній.

Разсмотрѣніе цѣнности привело Прудона къ тому умозаключенію что источникомъ всякой цѣнности и мѣриломъ ея служитъ трудъ. Дальнѣйшее развитіе этой мысли приводитъ къ разсмотрѣнію самаго труда, какъ источника богатства или цѣнности — и здѣсь открываетъ онъ рядъ такихъ же новыхъ противорѣчій, какъ и прежде относительно цѣнности. Въ развитіи труда участвуетъ, говоритъ Прудонъ, рядъ элементовъ. Иначе— трудъ усовершается различными условіями и прежде всего: раздѣленіемъ труда, машинами и соревновеніемъ или конкурренціею и проч. Продолжая разсматривать трудъ, какъ источникъ богатства, мы убѣждаемся прежде всего, что производительность, а слѣдовательно и обогащающая сила труда, возрастаетъ вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда, и мы приходимъ, стало быть къ раздѣленію труда, какъ закону возрастанія богатствъ; но съ другой стороны практика въ тоже время показываетъ, что раздѣленіе труда служитъ въ свою очередь для рабочаго вовсе не источниковъ богатства, а обѣдненія и даже умственнаго отупленія, — работникъ становится роковой жертвой, рабочей силой и ничего болѣе. Вотъ это новое противорѣчіе.

Всѣ системы, предложенныя для противодѣйствія этому противорѣчію, сводятся, пишетъ Прудонъ, на дѣлѣ къ двумъ слѣдующимъ: 1) поднять работника нравственно черезъ уве-

личеніе его достатка, и 2) на оборотъ приготовить его освобожденіе черезъ его образованіе. Представителемъ одной можно принять Бланки—другой Мишеля-Шевалье. Посмотримъ же на сколько они помогаютъ дѣлу. По мнѣнію Прудона Бланки защитникъ ассоціаціи, другъ пролетарія—либералъ. Нашъ вѣкъ, провозгласилъ онъ, увидитъ на свѣтѣ коллективнаго работника. Неизвѣстно навѣрно, какой формой ассоціаціи Бланки думаетъ достигнуть своей цѣли, говоритъ Прудонъ, но во всякомъ случаѣ вся его система сводится на увеличеніе рабочей платы, черезъ участіе ли работника въ прибыляхъ, или иначе; посмотримъ же, насколько это поможетъ. Прядильная фабрика изъ 300 рабочихъ можетъ принести самое большое 20,000 фр. дохода; раздѣляя эту сумму на 300 рабочихъ и 300 дней, мы найдемъ увеличеніе платы для каждаго на 18 сантимовъ въ день, т. е. ровно на то что стоитъ кусокъ хлѣба. Есть ли же тутъ изъ-за чего подымать дѣло и хлопотать объ экспропріяціи? Допустимъ однако увеличеніе платы—допустимъ его конечно для всѣхъ работниковъ, чего же мы достигнемъ черезъ это? Мы подымемъ только цѣнность на всѣ продукты, достигнемъ общей дороговизны, которая поглотитъ весь придатокъ рабочей платы и уравняетъ его нулю. Система Шевалье ставитъ вопросъ на изнанку, онъ хочетъ начать съ воспитанія, т. е. приготовлять ученыхъ и образованныхъ людей, которые затѣмъ никогда не съищутъ себѣ занятій или должны будутъ очутиться за тѣмъ же станкомъ, за какимъ бы очутились и безъ образованія, только теперь они будутъ вдвое несчастнѣе. Словомъ, вопросъ, думаетъ Прудонъ, не можетъ быть разрѣшенъ ни тѣмъ, ни другимъ путемъ. Какъ же слѣдуетъ рѣшить на самомъ дѣлѣ вопросъ?

Прежде чѣмъ рѣшить его, Прудонъ предпринимаетъ дальнѣйшее разсмотрѣніе фактовъ. Второй элементъ въ устройствѣ труда составляютъ машины. Какую же роль играютъ машины

по отношенію къ труду? Машины, отвѣчаетъ Прудонъ, играютъ роль противоположную раздѣленію труда, они составляютъ антитезисъ раздѣленія труда. Въ самомъ дѣлѣ, что такое машина? Это орудіе соединяющее вмѣстѣ тѣ части, на которыя раздѣляетъ трудъ—„раздѣленіе труда". Стало быть черезъ посредство машины будетъ возстановляться раздробленный трудъ, облегчаться машиной намъ дана рабочая сила, достигаться дешевизна. Кромѣ того вмѣстѣ съ власть человѣка надъ природой.

Но вѣдь съ другой стороны съ сокращеніемъ при посредствѣ машинъ человѣческаго труда убываетъ стало быть и количество спроса на текущій трудъ, а безъ труда нѣтъ средствъ существовать рабочему и потому машина является также въ свою очередь источникомъ пауперизма. Нѣтъ, говорятъ защитники машинъ, продолжаетъ Прудонъ, со времени машинъ возрасло производство, возрасли суммы сборовъ съ косвенныхъ налоговъ, возрасло, стало быть, потребленіе, возрастаетъ число капиталовъ въ сберегательныхъ кассахъ, наконецъ, стала длиннѣе средняя жизнь. Все это можетъ быть совершенно вѣрно—но все-таки ничего не доказывать, замѣчаетъ Прудонъ. Производство могло увеличиться и потребленіе также, но за то сколько лицъ осталось вовсе безъ работы и потребленія,—намъ этого не говорятъ. Мы допускаемъ, что производство и косвенные налоги могли возрасти вмѣстѣ съ удешевленіемъ, но намъ не говорятъ, не произошло ли это удешевленіе на счетъ фальсификаціи, поддѣлки и выдѣлки гнили. Примѣромъ этому лучше всего можетъ служить исторія виннаго производства. Прежде Франція пользовалась дорогимъ, рѣдкимъ виномъ, его расходилось мало—теперь она пользуется имъ въ избыткѣ; но все это вино поддѣльное, испорченное ради дешевизны, и прежняго хорошаго вина болѣе нѣтъ. Точно также и относительно средней жизни.

Представимъ себѣ населеніе въ 10 милліоновъ: средняя жизнь одного милліона могла продолжиться; раскладывая эту часть на

все населеніе, мы получимъ на бумагѣ и большую среднюю цифру жизни для всего населенія, значитъ ли это, что остальные 9 милліоновъ не умираютъ по прежнему. Въ суммѣ стало быть машина исполнила свое слово, она увеличила наше богатство, но на столько же увеличила съ другой стороны и нищету. Какъ же помочь этому новому несчастію? Экономисты говорятъ, что придетъ время, когда машины удешевятъ производство до того, что сдѣлаютъ продуктъ общедоступнымъ; но ясное дѣло, что она лишитъ только извѣстную часть людей заработка; а тамъ гдѣ нѣтъ заработка, намъ не на что пріобрѣтать продукта, какъ бы дешевъ онъ ни былъ.

Реформаторы отвѣчаютъ воззваніемъ къ братству, къ общинности; но это значитъ забѣгать впередъ, злоупотреблять времменемъ. Между такими типами и группами личностей, какія произвели въ обществѣ раздѣленіе труда и машина, не можетъ быть ничего общаго,—по крайней мѣрѣ не время теперь ждать разрѣшенія вопроса съ этой стороны. Леонъ Фоше предлагаетъ правительству вознаграждать, остающихся безъ работы—откуда же ему вознаграждать? Изъ суммъ налога — но это тогда такса на бѣдныхъ; если же на счетъ работы и эксплуатаціи какого либо производства, то вѣдь нужно, чтобы это производство само окупало трудъ, а руки остаются безъ работы и безъ того, потому только, что такого производства не оказывается. Гдѣ же найдетъ его правительство?

Третій элементъ въ вопросѣ объ устройствѣ труда есть конкурренція.

Рейбо, излагатель новѣйшихъ реформаторскихъ системъ, романистъ по профессіи — экономистъ по случаю, началъ съ полнаго расположенія къ ассоціаціамъ и кончилъ тѣмъ, что смягчая все болѣе и болѣе свое рвеніе, сталъ защитникомъ конкурренціи. — Если Рейбо случилось сказать да и нѣтъ по одному и тому же вопросу, то это не безъ причины.

Еслибъ я могъ, пишетъ Прудонъ, имѣть съ нимъ дѣло, тогда я бы ему сказалъ: „говорите да, вы будете неправы, говорите нѣтъ, вы будете еще неправѣе. Это значитъ, что вы и въ томъ и другомъ смучаѣ совершенно правы. Конкурренція необходима съ одной стороны, потому что безъ нея не можетъ выясниться цѣнность вещи, и всякая привиллегія производства губительна для общества.—Объявите, что съ 1 января 1847 г. трудъ и рабочая плата будутъ гарантированы для всѣхъ, и вы увидите застой въ индустріи, продукты вздорожаютъ, цѣнность денегъ падетъ. Если бы я даже допустилъ вмѣстѣ съ соціалистами, что трудъ можетъ быть привлекателенъ самъ по себѣ, устраняя стимулъ личной выгоды, то и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ вспомнить то время, въ которое мы живемъ; такое условіе требовало бы во всякомъ случаѣ высшаго нравственнаго развитія какъ самаго работника, такъ и вообще высшаго экономическаго развитія, а общество только еще стремится къ этому. Мы же хотимъ принять за рычагъ, за средство, въ настоящее время то, что во всякомъ случаѣ составляетъ только цѣль и чего у насъ нѣтъ, стало быть, въ рукахъ. Это нелѣпо. Но я отрицаю, чтобы когда нибудь и въ лучшія времена человѣкъ сталъ трудиться изъ одной любви къ дѣлу безъ эгоистическаго мотива, ибо это было бы искусство для искусства,—а разъ мы допустили начало личнаго интереса, то не можемъ отрицать конкурренціи. Конкурренція, стало быть, оказывается съ одной стороны неотразима, а между тѣмъ мы сейчасъ же видимъ, что она съ другой стороны никуда не годится. Она отнимаетъ точно также работу у цѣлой массы работниковъ которые ее имѣли прежде, она тоже вызываетъ упадокъ и возвышеніе цѣнъ и лишаетъ даромъ страну капиталовъ, которые лопаются въ предпріятіяхъ, она вводитъ въ принципъ игру и ажіотажъ. Опять, стало быть, новое противорѣчіе“.

Въ концѣ концовъ, говоритъ Прудонъ, конкурренція уби-

ваетъ конкурренцію и неужели еще нужно ждать тридцать вѣковъ, чтобы убѣдиться, что, чѣмъ болѣе развивается конкурренція, тѣмъ болѣе она сокращаетъ число конкуррирующихъ, тѣмъ болѣе подходитъ къ монополіи. Спрашивается, какимъ образомъ среди порядка, основаннаго на юридической свободѣ и равноправности, могла оказаться въ результатѣ привиллегія и наравноправность?

Какія же есть средства противъ конкурренціи. Должна ли она быть уничтожена? Тоже было бы требовать уничтоженія личной свободы, личной отвѣтсвенности.

Утописты ошиблись, взявъ за прототипъ общества семейство.—Семейство есть форма патріархальная и потому деспотическая, въ немъ одно лицо, одна жизнь, одна душа и даже одно тѣло. Настоящій прототипъ общества это мастерская—здѣсь два интереса, двѣ жизни, интересъ общій коллективный и частный—они то должны быть соглашены.

Ассоціація здѣсь очевидно идетъ рядомъ съ конкурренціей, одна вяжется съ другой, одна безъ другой невозможна. Вопросъ не въ томъ, чтобы исключать конкурренцію, а въ томъ, чтобы найти ей равновѣсіе — предѣлъ, я скажу даже, найти ея полицію. — Какъ же дать ей эту устойчивость, опредѣлить ее? Очевидно, что если предоставить конкурренцію себѣ самой, то она никогда не придетъ къ равновѣсію, точно также какъ не установится сама собой и цѣнность вещей.—Какъ для опредѣленія цѣнности мы искали мѣрила внѣ самой цѣнности, точно также и для опредѣленія конкуренціи слѣдуетъ отыскать такое же мѣрило внѣ конкуренціи. Экономисты, которые ничего не предлагаютъ въ этомъ отношеніи кромѣ самой конкуренціи, безсильны сдѣлать тутъ что нибудь, ихъ наука недостаточна.—Луи Бланъ самый счастливый изъ ихъ противниковъ и наиболѣе популярный заключаетъ прямо къ уничтоженію конкурренціи и прави-

тельственному вмѣшательству. Вся система сводится къ тремъ положеніямъ.

1) Предоставить весь экономическій вопросъ въ руки власти.

2) Устроить и содержать на счетъ правительства работниковъ и

3) Подавить частную индустрію индустріей національной.

Но я утверждаю, говоритъ Прудонъ, что указывая такое средство Луи Бланъ представляетъ нѣчто въ родѣ математической точки, никакъ не болѣе.

Спрашивается, рѣшилъ ли онъ затѣмъ вопросъ цѣнности и распредѣленія—уничтожилъ ли противорѣчіе, порожденное раздѣленіемъ труда, машинами и т. д., словомъ, весь итогъ тѣхъ вопросовъ, за разрѣшеніемъ которыхъ только и стоитъ дѣло. Нѣтъ, всѣ эти противорѣчія онъ освящаетъ подъ покровомъ власти,—что же хочетъ онъ, чтобы дѣлало съ ними правительство. Оно точно также принуждено будетъ рѣшать ихъ тогда, какъ и теперь, а отъ того, что онъ, не зная что сказать о нихъ, захочетъ свалить ихъ на чужую шею, разрѣшеніе ихъ нисколько еще не подвигается.

Стало быть рѣшенія пока нѣтъ, и если нѣтъ рѣшенія, то конкурренція продолжаетъ свое дѣло и кончаетъ тѣмъ, что уничтожая сама себя, ведетъ къ монополіи. И такъ въ вопросѣ о трудѣ является еще новый элементъ—это монополія. Монополія стало быть неразрывна съ конкурренціей и если конкурренція является закономъ необходимости, то и монополія также. Всякое хозяйственное комерческое предпріятіе стремится въ самомъ дѣлѣ къ монополіи, и безъ нея нѣтъ ни продукта, ни обмѣна. Но монополія точно также въ свою очередь становится антисоціальна, вредна, стало быть опять противорѣчіе. Эта-то вредная сторона и проистекаетъ отъ злоупотребленія; стало быть нужно уничтожить это злоупотребленіе монополіей, заключаютъ

другіе. Но я стою на томъ, говоритъ Прудонъ, что вредная сторона дѣла здѣсь столь же неразрывно связана съ доброй, какъ и во всемъ остальномъ,—что зло вовсе не въ злоупотребленіяхъ и что уничтожить зло нельзя, не уничтоживъ самаго принципа. Монополія съ одной стороны ведетъ къ добру, потому что составляетъ главный стимулъ всякой дѣятельности. Въ ней начало капитала, собственности, открытій и нововведеній. Съ другой—она составляетъ послѣднее слово всѣхъ ужасовъ конкурренціи, и если послѣдняя съ этой стороны равносильна гражданскому междоусобію, то монополія съ той же стороны есть избіеніе военноплѣнныхъ.

Монополія коронуетъ какимъ образомъ для Прудона всю печальную повѣсть противорѣчій, входящихъ въ вопросъ труда, которую мы только что прослѣдили,—она становится въ результатѣ. Идти далѣе экономическому процессу некуда, ибо монополистъ остается совершенно доволенъ достигнутой цѣлью и даже чистъ передъ своею совѣстью, если онъ за весь этотъ путь, которой привелъ его къ монополіи, расплатился по условіямъ съ работниками. Онъ наивно воображаетъ, что оплатилъ вполнѣ трудъ, который создалъ эту монополію. Одно разсужденіе всего нужно, для того чтобы разоблачить передъ нимъ глубокое заблужденіе, въ которомъ онъ пребываетъ, и этого-то ему недостаетъ. Нужно сообразить, что 10 дней работы, взятые послѣдовательно, представляютъ вовсе не ту силу, какая заключается въ 10-ти рабочихъ, работающихъ колективно — что заплатить за десять отдѣльныхъ рабочихъ дней значитъ недоплатить еще той громадной силы, которую пріобрѣтаетъ трудъ вслѣдствіе своей колективности и которая достается предпринимателю, стало быть, совершенно даромъ: двѣсти гренадеръ подъ управленіемъ одного инженера поднимаютъ обелискъ,—думаете ли вы, что тоже могъ бы сдѣлать одинъ человѣкъ, работая двѣсти дней сряду?

На всемъ этомъ не достовало до сихъ поръ только легальной печати. Ее приложитъ на нашихъ глазахъ сей часъ фискальная сила.

Налогъ есть та сумма сборовъ, та часть продукта, которая идетъ на содержаніе полиціи и чиновниковъ, которую мы для краткости означимъ общимъ названіемъ фискальныхъ агентовъ. Экономическій характеръ ихъ совершенно противоположенъ тѣмъ дѣятелямъ, къ которымъ относится все, что до сихъ поръ было говорено.

Весь предшествовавшій экономическій анализъ имѣлъ дѣло съ агентами земледѣльческими, промышленными и ремесленными, т. е. производителями положительныхъ цѣнностей. Чѣмъ болѣе возрастаетъ число послѣднихъ тѣмъ болѣе возрастаетъ самое производство, увеличивается богатство; на оборотъ, возрастаніе числа фискальныхъ дѣятелей совершается на счетъ числа дѣйствительныхъ производительныхъ работниковъ и сокращенія производства. И если съ развитіемъ народнаго хозяйства и экономическихъ отношеній первымъ становится все болѣе и болѣе дѣла, то съ усовершенствованіемъ того же порядка число послѣднихъ должно все болѣе убывать.

Не производительные агенты оказываютъ пользу обществу различными путями, поддерживая общественный порядокъ и дисциплину и тотъ предварительной образъ солидарности, которой должны достигнуть современемъ отношенія. Я не отвергаю поэтому пользу этихъ агентовъ, говоритъ Прудонъ; я утверждаю только, что дѣятельность ихъ и число должны сокращаться по мѣрѣ приближенія отношеній къ равновѣсію. Мы имѣемъ, стало быть, здѣсь дѣло съ новымъ противорѣчіемъ съ противорѣчіемъ двухъ цѣлыхъ разрядовъ производителей положительныхъ и отрицательныхъ. И такъ какъ это противорѣчіе имѣетъ свою причину въ отсутствіи равновѣсія между интересами положи-

тельныхъ производителей, то ключъ къ разрѣшенію этаго новаго противорѣчія—заключается естественно въ экономическихъ данныхъ.

Слѣдуя этому основанному взгляду, Прудонъ считаетъ шагомъ впередъ и успѣхомъ всякій перевѣсъ въ числѣ производительныхъ агентовъ. Историческая роль непроизводительныхъ агентовъ представляетъ реакцію силы угнетающей слабаго; такой смыслъ скрывается за всякимъ шагомъ юридической исторіи, и вся исторія права есть рядъ предѣловъ, положенныхъ этой реагирующей силой, называемой публичной властію, противъ развитія частнаго угнетенія лицъ лицами.

Съ этой стороны точно также налогъ принимаетъ значеніе реакціи противъ монополіи. До сихъ поръ мы ничего не видимъ во всемъ явленіи кромѣ добра; но по закону антиномій и тутъ должна оказаться своя обратная сторона.

Въ силу этого условія оказывается прежде всего, что налогъ будучи по своей идеѣ реакціей противъ монополіи, долженствующей съ общаго согласія падать исключительно на богатыхъ, въ какомъ бы видѣ онъ ни былъ заданъ, обращается неизбѣжно на дѣлѣ на потребителя. Чего казалось бы лучше налога пропорціональнаго доходу, а между тѣмъ мы и тутъ увидимъ, что пропорція не достигаетъ своей цѣли,—она должна была бы быть пропорціанольной не всему доходу, а только избытку въ доходѣ, иначе у насъ выйдетъ прогрессія въ налогѣ, но прогрессія обратная достатку—что и есть теперь на самомъ дѣлѣ.—Условіе это, забытое разъ, ведетъ къ безконечнымъ непослѣдовательностямъ; для примѣра возмемъ хоть вопросъ о цензѣ, установленномъ сообразно налогу.—Извѣстнымъ лицамъ даются извѣстныя политическія права на томъ основаніи, что они платятъ извѣстные налоги; между тѣмъ на самомъ дѣлѣ налоги эти перебрасываются на потребителей, на бѣдную массу и платятся

въ концѣ концовъ людьми, которые только по формѣ не платятъ этихъ налоговъ и которые, разсуждая послѣдовательно, должны были прежде всего пользоваться этими правами. Такъ что, если есть въ сущности основаніе лишать кого либо этихъ правъ, то лишать слѣдовало бы совершенно обратно тѣхъ лицъ, которыя только повидимому платятъ этотъ налогъ, а въ сущности заставляютъ другихъ платить его.

Допустимъ же прогресивный налогъ въ его раціональной формѣ, и мы получимъ сейчасъ въ результатѣ конфискацію ренты и дохода съ капитала, уничтоженіе всѣхъ стимуловъ производства, низведеніе всѣхъ на 56½ сантимовъ и общую нищету, — значитъ ли это, что прогрессивный налогъ абсолютно никуда негоденъ? Нѣтъ, это значитъ, что его математическій ригоризмъ опередилъ наши экономическія отношенія. Онъ отказывается дѣлать различіе между человѣкомъ и человѣкомъ, и потому призываетъ насъ предварительно къ выполненію коренныхъ экономическихъ афоризмовъ,—по которымъ всякая цѣнность должна быть измѣрена трудомъ, и представлять обмѣнъ труда на трудъ. Всякій трудъ долженъ оставлять избытокъ, всякій капиталъ возвращается съ прибылью, всякая рабочая плата, или вознагражденіе труда, можетъ быть равна тому продукту, который трудъ этотъ произвелъ, а мы хотимъ пригнуть налогъ къ нашимъ непослѣдовательностямъ и несовершенствамъ,— это значитъ требовать слишкомъ много. Пока нами не выполнены основныя экономическіе афоризмы, до тѣхъ поръ что бы мы ни дѣлали съ налогомъ, послѣдствія будутъ совершенно одинаковы. Лучше всего поэтому оставить налогъ совершенно въ сторонѣ.“

„Точно таже исторія и относительно косвеннаго налога. Косвенный налогъ, говорите вы, поражаетъ массу. Онъ падаетъ на предметы первой необходимости: соль, говядину, и т. д., нужно

обратить его на предметы роскоши, добрая шутка почему же вы такъ хотите обратить его на предметы роскоши и чѣмъ вамъ не нравится эта роскошь.—Роскошь это прогрессъ, это новой не устарѣвшій видъ производства между предметами, которыя намъ вовсе не лишеніе — Взгляните на исторію и увидите, что каждый изъ предметовъ добываемыхъ трудомъ, былъ въ свою очередь предметомъ роскоши. Это самое показываетъ, что предметы роскоши составляютъ ничто иное какъ между предметами производства новизну; количество такихъ предметовъ роскоши поэтому должно быть ничтожно въ сравненіи съ прочими продуктами. Въ самомъ дѣлѣ, что же вы соберете съ этихъ предметовъ. Сумма косвенныхъ налоговъ составляетъ во Франціи 600 мил, франк. Соберите же эту сумму съ собакъ, каретъ и т. д. И въ самомъ дѣлѣ великое дѣло: производителю сахара уступятъ 20 франковъ на его производствѣ и возьмутъ съ него 40 на его удовольствіяхъ. Если разсуждать серьезно, то мы предложили бы уже лучше назначить maximum вознагражденія чиновниковъ въ Парижѣ и провинціяхъ,—но это вамъ не нравится.“

Въ такомъ случаѣ я утверждаю, заключаетъ Прудонъ что всѣ разсужденія объ уравненіи налоговъ и сокращеніи расходовъ фиска суть не болѣе, какъ ипокритство.

„Во Франціи, какъ говорятъ, милліонъ однихъ солдатъ, и не знаю, сколько другихъ непроизводительныхъ налоговъ. Они вамъ не нравятся, вы ихъ хотите уничтожить, но въ такомъ случаѣ скажите мнѣ, говоритъ Прудонъ, какъ вы обойдетесь безъ полиціи, монополіи, конкурренціи, машинъ и т. д. Одно не можетъ идти безъ другаго, одно предполагаетъ другое и налогъ роковымъ образомъ дополняетъ собой серію противорѣчій, серію экономическихъ явленій, разсмотрѣнныхъ вами выше, оказывающихся гибельными не потому, чтобы они были ложны по

самой своей природѣ и сущности, а потому что они такъ поставлены пока.“

„Всѣ демократическія воззванія къ власти, на которыхъ какъ на послѣднемъ средствѣ, за недостаткомъ настоящихъ рѣшеній, остановилось дѣло, я считаю совершенно ничтожными, потому что власть въ какихъ бы рукахъ она ни была, ничего не можетъ сдѣлать въ сущности, кромѣ того, что она дѣлаетъ и теперь, — отсюда безсиліе революціонныхъ правительствъ предъ тѣми задачами, за которыя они брались. Власть не можетъ браться за рѣшеніе экономическихъ вопросовъ, ибо человѣку не принадлежитъ право соединять то, что раздѣлено Богомъ, то есть самой сущностью вещей. Я отвѣчаю поэтому демократамъ: если вы такъ ясно представляете себѣ то употребленіе, которое вы сдѣлали бы изъ власти, еслибы она была въ вашихъ рукахъ, для достиженія общаго согласія, то вы владѣете секретомъ экономическаго порядка и экономическихъ противорѣчій; а если это такъ, то вамъ вовсе не нужно власти, чтобы ихъ перестроить: вы съ вашимъ секретомъ сильнѣе всякой власти. Но я знаю, что у васъ нѣтъ этого секрета въ рукахъ, слѣдовательно съ властью въ рукахъ вы не будете знать, что съ ней дѣлать.“

Анализомъ налога Прудонъ заканчиваетъ разсмотрѣніе одной серіи экономическихъ противорѣчій и теперь для насъ уже должна быть ясна та совершенно отчетливая мысль, которая лежитъ у него въ основаніи всего анализа. Почти цѣлая система общества въ ея элементахъ была подвергнута имъ уже разсмотрѣнію. Мы знаемъ уже его отвѣтъ по самымъ щекотливымъ и критическимъ вопросамъ, изъ-за которыхъ люди дѣлятся между собой на двѣ крайнія школы, и можемъ видѣть, на сколько въ самомъ дѣлѣ онъ былъ консервативенъ въ сущности и какъ мало заслуживалъ названіе разрушителя. Всѣ вещи, всѣ учрежденія онъ оставляетъ совершенно откровенно на своихъ мѣ-

стахъ и признаетъ ихъ явленіемъ неизбѣжнымъ, безъ котораго не могло обойтись развитіе. Мало того, онъ доходитъ до признанія пользы дисциплинарныхъ ученій, въ томъ смыслѣ, что они учили человѣка покоряться судьбѣ и смиренію и тѣмъ избавили его онъ напрасныхъ и безплодныхъ протестацій. Внѣшнія средства и силы безсильны, говоритъ онъ, дать намъ порядокъ, котораго мы желаемъ и къ которому стремимся, потому что условія, отъ которыхъ онъ зависитъ, не зависятъ отъ посторонней силы; этого порядка нельзя поэтому сдѣлать, но онъ сдѣлается силою тѣхъ самыхъ экономическихъ условій, противъ которыхъ мы протестуемъ. Самый протестъ нашъ противъ нихъ поэтому не имѣетъ смысла и мы даже не отдаемъ себѣ въ немъ яснаго отчета. Думая протестовать противъ самыхъ условій — мы протестуемъ собственно противъ тѣхъ послѣдствій, которыми сказываются въ настоящее время эти условія и только ради этихъ послѣдствій.

Но самое благое начало можетъ имѣть самыя дурныя послѣдствія въ результатѣ. Воздержимся же отъ протестаціи противъ самыхъ началъ потому только, что результаты ихъ не всегда согласны съ нашими желаніями. Не будемъ кассировать ни конкурренціи, ни машинъ, ни обмѣна, а станемъ изучать ихъ, говоритъ Прудонъ, независимо отъ результатовъ, виноваты въ которыхъ можетъ быть вовсе не самыя начала. Дѣйствительно, если оставить въ сторонѣ односторонніе результаты, то можно убѣдиться, что эти начала говорятъ на двое, они могутъ вести къ добру точно также, какъ и къ безпорядку. Они составляютъ, стало быть, неизбѣжный законъ, путь тѣхъ условій, которыми ведется роковымъ образомъ общество къ своему устройству и которыхъ устранить невозможно. Все, что можно, что слѣдуетъ сдѣлать, это поставить эти условія, эти начала въ такое положеніе, въ которомъ они выразятся уже иными по-

слѣдствіями, чѣмъ теперь, и они неизбѣжно придутъ къ такому соглашенію между собой, къ такой постановкѣ, которая разрѣшится общимъ порядкомъ. Самая повальная ихъ гибельность, которая бросается намъ въ глаза при наблюденіи оныхъ въ насущной формѣ, доказываетъ только, что онѣ не случайны, что между ними существуетъ необходимая послѣдовательность и зависимость, цѣлая система, зависящая отъ какой либо коренной причины, коренного условія, которое будучи поставлено такъ,— дастъ одно направленіе этой системѣ, однѣ практическія послѣдствія, будучи поставлено иначе—дастъ и совершенно иные результаты. Въ этой-то коренной причинѣ и слѣдуетъ искать ключа отъ всего порядка и всѣхъ послѣдствій, какъ утверждаетъ Прудонъ. И этотъ ключъ указываетъ Прудонъ. Онъ не въ формѣ правленія, не въ собственности, семействѣ, монополіи, конкурренціи и т. п. Все это только внѣшнія проявленія; настоящая причина лежитъ въ коренномъ экономическомъ актѣ—актѣ обмѣна. Смотря потому, какъ будетъ поставленъ обмѣнъ, у насъ получаются и различные результаты. Пока онъ стоитъ такъ какъ былъ поставленъ первоначально, и стоитъ большею частью до сихъ поръ, то есть, пока цѣнность вещей не пріобрѣла опредѣленной и постоянной мѣры, и процессъ обмѣна не сведенъ къ обмѣну равныхъ суммъ труда на равныя, до тѣхъ поръ, пока цѣнность вещей не пришла къ равновѣсію, а колеблется безпорядочно, до тѣхъ поръ и центръ тяжести всѣхъ зависящихъ отъ обмѣна явленій будетъ на сторонѣ безпорядка, и на оборотъ; а цѣнность составляетъ родовое понятіе всѣхъ экономическихъ категорій и потому въ этой постановкѣ весь узелъ вопроса. Когда колеблющаяся до сихъ поръ величина цѣнности придетъ къ устойчивости или когда мы найдемъ средство сообщить ей опредѣленность и устойчивость, тогда весь вопросъ разрѣшится самъ собою. Въ силу этого то, Прудонъ заканчиваетъ обзоръ раз-

смотрѣнной до сихъ поръ серіи противорѣчій слѣдующими словами.

„О! трудящійся народъ. Не перестанешь ты развѣ когда нибудь слушать ораторовъ! Твоя судьба загадка, которой не рѣшитъ ни физическая сила, ни мужество, ни экзальтація и увлеченія. Тѣ, которые тебѣ говорятъ другое, тебя надуваютъ, и всѣ ихъ фразы отдаляютъ только часъ твоего благополучія, Что такое чувство и энтузіазмъ, суетная поэзія рядомъ съ необходимостью. Необходимость поражается только необходимостью.

„Такъ противорѣчіе между цѣнностью внутреннею и мѣновой можетъ быть побѣждено только пропорціональностью цѣнности труду, которая выйдетъ какъ необходимость изъ предварительнаго безпорядочнаго колебанія цѣнностей. Но для того, чтобы трудъ понялъ самъ свое значеніе и сталъ мѣрою цѣнности, нужно было обществу пройти цѣлый періодъ колебаній и безпорядка. Нужно было во первыхъ, чтобы трудъ для того, чтобы его сила могла возрасти, раздѣлился, и отъ раздѣленія труда ухудшилось положеніе рабочаго.

„Нужно было, во вторыхъ, чтобы этотъ, первоначально раздѣлившійся трудъ достигъ сочетанія въ машинахъ, а положеніе рабочаго еще ухудшилось. Нужно было, чтобы пришла конкурренція и изъ нея вышло торжество капитала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пролетаріатъ.—Мы найдемъ по дорогѣ еще новыя необходимости, которыя изчезнутъ одинаково съ предыдущими необходимостями до послѣдней и верховной необходимости, которая, смѣняя всѣ прочія, утвердитъ господство труда, Но это послѣднее рѣшеніе не можетъ быть плодомъ ни политическаго переворота, ни сдѣлки.

„Достигнуть ассоціаціи труда и капитала по моему мнѣнію, пишетъ Прудонъ, столь же невозможно, какъ производить безъ труда и капитала, столь же невозможно создать экономическое равенство

силою власти, какъ и обйтись безъ власти, и создать общество безъ народа и полиціи. Нужно, я повторяю, чтобы какая либо болѣе прочная сила овладѣла данными экономическими формами, чтобы трудъ народа, а не храбрость его, посредствомъ извѣстнаго научнаго, отчетливаго и введеннаго въ положительный законъ сочетанія подчинили капиталъ труду".

Послѣ такой краткой остановки надъ общимъ направленіемъ и основной идеей книги объ „экономическихъ противорѣчіяхъ" намъ легче будетъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ серіи противорѣчій. Намъ предстоитъ пройти вмѣстѣ съ Прудономъ еще пять ступеней развитія противорѣчій, пять фазисовъ развитія экономической мысли, все болѣе и болѣе усложняющихъ и исчерпывающихъ экономическое начало, въ его практическомъ развитіи, — чѣмъ предыдущіе. Коммерческій балансъ, кредитъ, собственность, общинность и наконецъ Мальтусовъ законъ.

Въ этомъ порядкѣ мы и будемъ продолжать излагать мысли Прудона.

Обманутое въ успѣшности регламентаторскихъ способовъ, потерявъ надежду найти средство отъ пролетаріата внутри самаго себя, общество начинаетъ искать его внѣ себя, создаются двѣ теоріи: свободной торговли и протекціонизма, — которыя приводятъ къ знаменитой формулѣ о коммерческомъ балансѣ.— Нѣтъ ничего законнѣе и благодѣтельнѣе съ перваго взгляда для работника внѣшней торговли. Лишенный предыдущими противорѣчіями работы на свое собственное общество, онъ можетъ разсчитывать, что открытіе иностранныхъ рынковъ увеличитъ спросъ и слѣдовательно производство дастъ ему работу на другія общества. Но монополія въ силу своего собственнаго интереса противится свободѣ торговли и ставитъ таможни.

Изъ всѣхъ вопросовъ, однако, которыхъ касались эконо-

мисты, ни одинъ не былъ ими рѣшенъ столь либерально, какъ этотъ. Защитники монополіи, привиллегіи, собственности и консерваторы внутри государства, они вдругъ измѣнили себѣ во внѣшнемъ вопросѣ и стали здѣсь противъ монополіи; правда, что несмотря на всѣ ихъ возгласы, запретительная система, остается до сихъ поръ столь же жива на дѣлѣ, какъ и во времена Кольбера, такъ что рѣчи экономистовъ, въ этомъ отношеніи, принимаются съ тѣмъ недовѣріемъ, какъ и разговоры новаторовъ о внутренней реформѣ.

Я докажу, поэтому, пишетъ Прудонъ:

1) противъ протекціонистовъ, что свобода торговли есть начало неотвратимое, и

2) что не смотря на кажущуюся пользу для пролетарія, внѣшняя свобода торговли только дополняетъ въ свою очередь торжество монополіи.

Въ сущности свобода торговли есть только прежнее начало конкурренціи, перенесенное изъ сферы частной въ сферу международную, и потому столь же необходима, какъ тамъ, такъ и здѣсь, и доказать пользу ея съ одной стороны вовсе не трудно. То, чего мы достигаемъ въ трудѣ, раздѣляя трудъ, того же мы достигаемъ въ потребленіи, раздѣляя потребленіе. Раздѣляя трудъ, соединенный во всемъ своемъ разнообразіи въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ мы его усиливаемъ, мы придаемъ ему ту силу, которой онъ не имѣетъ, — одинъ человѣкъ производитъ иголку положимъ въ данную единицу времени; въ ту же единицу времени, раздѣленную на нѣсколькихъ рабочихъ, изъ которыхъ каждый производитъ только часть этой иголки, при раздѣленіи труда произведется нѣсколько иголокъ. Точно также двѣ страны, потребляющія каждая данную единицу внутренняго продукта, вступающія въ торговлю, потребятъ кромѣ внутреннихъ произведеній потреблявшихся ими прежде, извѣстную часть чужаго продукта.—

Сумма потребленія, стало быть, возрастетъ для каждой страны, а слѣдовательно возрастетъ и производство каждой. Можно опредѣлить поэтому обмѣнъ, говоритъ Прудонъ, какъ примѣненіе къ потребленію закона раздѣленія, отъ котораго точно также усиливается потребленіе, какъ и производительная сила труда; какъ раздѣленіе труда есть рычагъ, увеличивающій разнообразіе и количество продукта, точно также раздѣленіе или разнообразіе потребленія, черезъ обмѣнъ, содѣйствуетъ наибольшему поглощенію продукта потребленіемъ.

Запретительная система, говорятъ экономисты, есть налогъ, взыскиваемый со всѣхъ въ пользу нѣкоторыхъ.

Все это можетъ быть справедливо, но мы сейчасъ увидимъ, что начало конкуренціи, допущенное здѣсь въ его полнотѣ, должно привести съ другой стороны къ совершенно тому же результату, которымъ разрѣшилась на нашихъ глазахъ и внутренняя конкурренція; здѣсь дѣло пришло къ внутренней монополіи между классами и индивидуумами; во внѣшнихъ отношеніяхъ, такое начало неизбѣжно приводитъ къ монополіи государства надъ государствомъ.

Экономисты защитники свободной торговли, и между прочимъ Сэ, исходятъ изъ той мысли, что продукты обмѣниваются только на продукты, и потому заключаютъ даже, что чѣмъ больше ввозитъ страна чужаго продукта и менѣе вывозитъ, тѣмъ въ большей прибыли остается она. — Такъ, — говоритъ Прудонъ, когда нибудь это будетъ даже совершенно такъ — продукты будутъ обмѣниваться на продукты, но пока это справедливо только на половину, и эта-то половина рѣшаетъ дѣло. — Пока продукты обмѣниваются не только на продукты, но и на деньги; деньги, говорятъ экономисты, это такой же продуктъ. Да, продуктъ, говоритъ Прудонъ; но еще при этомъ особый продуктъ, имѣющій премію передъ всѣми остальными продуктами:

Единственный продуктъ, цѣнность котораго установилась и который имѣетъ поэтому силу покупать всѣ прочіе продукты, тогда какъ цѣнность другихъ продуктовъ бродитъ въ безпорядкѣ и потому не имѣетъ этой покупательной силы относительно прочихъ продуктовъ. Когда прочіе продукты пріобрѣтутъ такую установившуюся цѣнность и покупательную силу относительно прочихъ продуктовъ, когда четверть ржи будетъ покупать прямо, а не посредственно все, что угодно, какъ деньги и на томъ же основаніи, тогда допускайте свободный обмѣнъ.

Пока же отсюда выходитъ вотъ что. Если мы поставимъ рядомъ двѣ страны, изъ которыхъ одна будетъ выпускать товаръ, а другая деньги, то дѣло придетъ къ тому, что послѣдней не на что будетъ болѣе покупать товара, или что тоже самое, если мы допустимъ, что ввозъ товара съ одной стороны превышаетъ вывозъ, то мы придемъ къ тому же, т. е. покупательная сила или деньги будутъ постоянно скопляться въ рукахъ одной страны.

Экономисты утверждаютъ, что деньги, скопившись въ одной странѣ, пойдутъ обратно какъ всякій товаръ; да, дѣйствительно они пойдутъ обратно, только вѣдь не даромъ же. Прежде всего страна, нуждающаяся въ деньгахъ, станетъ занимать ихъ—вотъ первый путь, которымъ она получитъ деньги обратно; она, стало быть окажется въ долгу у той, гдѣ деньги окажутся въ изобиліи, и ея имущество окажется въ залогѣ у другой страны: она себя запродастъ, стало быть, наложитъ на себя ипотеку въ пользу другой страны, обязана будетъ платить извѣстный процентъ другой странѣ, обяжется платить ей ренту, станетъ фермеромъ чужой страны у себя дома. — Гдѣ же тутъ выгода, гдѣ же тутъ даже равенство отношеній? Тутъ просто зависимость, монополія, и ничего болѣе. Пусть приходитъ послѣ этого Бастіа и утверждаетъ, что думая обмѣнивать вещи на вещи, мы обмѣниваемъ

трудъ на трудъ. Для того, чтобы это была правда нужно сперва, чтобы разрѣшились всѣ экономическія противорѣчія.—Въ этомъ видѣ обмѣнъ не можетъ имѣть ничего вреднаго и ложнаго; но для этого нужно сперва, чтобы трудъ сталъ дѣйствительно мѣрой цѣнностей, и чтобъ цѣнность получила черезъ это опредѣленную мѣру; пока же мы обмѣниваемъ внѣ, и внутри, не трудъ на трудъ, а монополію на монополію. Отсюда въ виду извѣстной доли потребителей протекціонизмъ можетъ быть и оказывается налогомъ въ пользу нѣсколькихъ мѣстныхъ производителей, но въ виду всей страны онъ оказывается въ послѣднемъ счетѣ спасеніемъ отъ запродажи одной страны другой, отъ монополіи страны надъ страною. Это логически неизбѣжно — одинъ и тотъ же законъ, въ какой бы средѣ онъ ни былъ допущенъ къ дѣйствію, долженъ дать одинаковые результаты. — Докажите сперва, что деньги такой же товаръ, какъ и все остальное, безъ преміи надъ другими товарами, или сдѣлайте такъ, чтобы всѣ продукты были равносильны деньгамъ — если же вы этого не можете сдѣлать, то молчите лучше.

Но этого мало—мало того, что свобода торговли раззоряетъ страну, которая ввозитъ, она обращается противъ той, которая богатѣетъ, въ томъ смыслѣ, что давая конечно возможность богатѣть монополистамъ и заставляя больше работать работниковъ, въ то же время возвышаетъ для нихъ, какъ потребителей, цѣну того туземнаго продукта, для котораго открывается свободный вывозъ — между тѣмъ какъ ввозимый продуктъ вслѣдствіе свободы ввоза все-таки не становится столь дешевъ, чтобы имъ могъ пользоваться рабочій. — Въ результатѣ страна, примирующая надъ другими должна представить внутри себя крайній контрастъ состояній — страшную бѣдность рядомъ съ страшными богатствами, и такая примирующая страна и есть Англія, по

которой мы можемъ повѣрить справедливость всѣхъ нашихъ умозаключеній. Нѣтъ, говорятъ экономисты, свобода торговли должна привести къ уравненію богатствъ, потому что, какъ утверждаетъ Бастіа, въ сущности во всякомъ обмѣнѣ трудъ обмѣнивается на трудъ и ничего болѣе.—Пусть же онъ скажетъ намъ, какимъ образомъ тотъ, кто производитъ въ Парижѣ одинъ апельсинъ въ день, будетъ въ результатѣ столь же богатъ, какъ португалецъ, который въ то же время производитъ ихъ цѣлый ящикъ. И какимъ образомъ французъ, обмѣнивая одинъ апельсинъ на одинъ же апельсинъ португальскій, не будетъ въ накладѣ и совершитъ обмѣнъ на сколько нибудь здравый, уравнительный и не раззорится въ концѣ концовъ. — Этотъ примѣръ вводитъ въ вопросъ всю теорію ренты и, припоминая естественное неравенство силъ природы, которое опредѣляетъ для каждой мѣстности свою сумму труда, поглощаемую производствомъ — невольно придешь къ вопросу, какъ сгладитъ это неравенство; свободный обмѣнъ, какъ приведетъ онъ къ тому, что апельсинъ французскій станетъ обмѣниваться на $^1/_{40}$ часть португальскаго апельсина, между тѣмъ какъ стоимость ихъ, измѣренная трудомъ, дѣйствительно можетъ быть требуетъ такой пропорціи. Понятно ли послѣ этого, какую роль играютъ таможни; онѣ сдерживаютъ хоть, на сколько нибудь, неуравнительность обмѣновъ. Если бы наши мыслители поэтому вмѣсто того, чтобы блуждать въ догадкахъ попробовали хоть обобщать принципъ протекціонизма, распространить его изъ международныхъ на отношенія частныя, внутреннія — облекли бъ его въ какую либо формулу, какой либо законъ, уравнивающій частные обмѣны сообразно единицамъ труда, они на много подвинули бы рѣшеніе вопроса.— Прудонъ конечно не хочетъ сказать этимъ, что мы должны поставить внутреннія таможни; онъ повторяетъ только еще разъ, что весь вопросъ сводится на уравненіе обмѣновъ и что формула этого

уравненія должна удержать всѣ существующія экономическія формы безъ пожертвованія какой либо изъ нихъ, что она существуетъ въ этихъ формахъ изъ поконъ вѣка и задача только въ томъ, чтобы найти ее, чтобы согласить существующія начала.

Протекціонная система находитъ наконецъ свою лучшую защиту въ вопросѣ кредита; разъ мы допускаемъ кредитъ мы логически признаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ разумность протекціонизма, говоритъ Прудонъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое кредитъ? — это стремленіе сообщить всѣмъ цѣнностямъ тѣ свойства опредѣленной мѣры и подвижности, которыми пользуются деньги. — Стараніе уподобить всѣ цѣнности деньгамъ само собою доказываетъ преимущество денегъ передъ всѣми прочими цѣнностями. Это торжество денегъ, а разъ мы видимъ необходимость придать всѣмъ цѣнностямъ свойства денегъ, мы соглашаемся, что это свойство для нихъ необходимо, и что всѣ продукты должны имѣть опредѣленную мѣновую цѣнность, что цѣнность ихъ должна быть измѣрена для того, чтобы обмѣнъ имѣлъ какую либо правильность и не совершался въ ущербъ которой либо изъ сторонъ. — Кредитъ стало быть подтверждаетъ необходимость того уравненія обмѣниваемыхъ цѣнностей, къ которому стремится собственно и запретительная система.—Конечно кредитъ въ своей текущей формѣ столь же мало помогаетъ дѣлу, какъ и таможня. Онъ приводитъ только къ размноженію знаковъ, выражающихъ деньги, увеличиваетъ сумму денежныхъ знаковъ и только искусственно роняетъ цѣнность денегъ, какъ товара, но въ немъ хранится, по мнѣнію Прудона, нѣкоторый задатокъ истины. — Можно не ограничивать роли кредитныхъ знаковъ представительствомъ денегъ или монеты—можно сдѣлать ихъ представителемъ всѣхъ существующихъ продуктовъ и цѣнностей. Такой планъ кредита задумавъ и изложенъ былъ Цієшковскимъ. Онъ предлагалъ именно оцѣнить всѣ общественныя движимыя и недвижимыя

имущества, и за вычетомъ, въ видѣ гарантіи, 1/2, 1/3 или 3/4 ихъ стоимости вручать владѣльцамъ на остальную сумму кредитные знаки, которые бы принимались въ уплату налоговъ и имѣли бы курсъ на рынкѣ, служа представителями дѣйствительныхъ цѣнностей. Это былъ бы шагъ къ уравненію съ деньгами всѣхъ цѣнностей. Судя по общему ходу и направленію кредитныхъ дѣлъ, Прудонъ предполагаетъ, что проэктъ, Ціешковскаго не будетъ выполненъ. И вотъ съ другой стороны я утверждаю, говоритъ Прудонъ, что кредитъ всегда беретъ болѣе, чѣмъ даетъ должнику—и потому только поможетъ въ сущности эксплуатаціи работника капиталомъ. И прежде всего кредитъ лжетъ, когда утверждаетъ, что онъ предлагается всѣмъ и каждому. Въ противность собственному названію, кредитъ означаетъ вовсе не кредитъ, не довѣріе, а недовѣріе, ибо тотъ, кто ничего не имѣетъ, не будетъ имѣть кредита. Кредитъ оказывается не лицу, а вещамъ.—Будемъ говорить поэтому не объ устройствѣ кредита, а объ устройствѣ залоговъ для кредита.

Этимъ самымъ работникъ кажется довольно категорически устраненъ отъ кредита. Для того, чтобы устроить кредитъ, нужно стало быть, чтобы работникъ имѣлъ что нибудь, чтобы богатства стали коллективны, — нужно, чтобы разрѣшены были экономическія противорѣчія; но въ такомъ случаѣ уже самый кредитъ становится вещью второстепенной.

И въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что кредитъ былъ бы устроенъ по началу Ціешковскаго или Рикардо, дѣло бы ни насколько еще не подвинулось. Если бы даже всѣ обмѣны совершались посредствомъ знаковъ, служащихъ представителями дѣйствительныхъ цѣнностей вмѣсто денегъ, премія послѣднихъ передъ всѣми остальными цѣнностями нисколько бы еще не устранилась черезъ это: изъ явной она стала бы только скрытой — деньги продолжали бы служить такой же исключительной поку-

пательной силой, подъ именемъ этихъ цѣнностей или продуктовъ, какъ и теперь. Цѣнности эти не были бы уравнены съ деньгами, онѣ были бы только поддѣланы подъ деньги.

Что бы сдѣлалъ Ціешковскій съ своимъ центральнымъ банкомъ? Онъ произвелъ бы громадный кадастръ. Цѣнности, необращающіеся, теперь пошли бы въ обращеніе и потому только увеличили бы цифру покупательной силы, которая вращается въ настоящую минуту на рынкѣ. Но въ это обращеніе имущества вошли бы значительно пониженныя въ курсѣ противъ номинальной цѣнности своей въ видахъ гарантіи ихъ дѣйствительной цѣнности относительно денегъ. Мы имѣемъ стало быть въ планѣ Ціешковскаго призракъ устроенной цѣнности, но не самое ея устройство.

Такой кредитъ съ такимъ учетомъ доказалъ бы только лишній разъ монополію и преимущество денегъ передъ всѣми другими цѣнностями и ничего болѣе.

Въ кредитѣ, какъ мы его видимъ, до сихъ поръ, поэтому, есть развѣ только половина дѣла и притомъ самая меньшая — это мобилизація цѣнностей, а совершенному дѣлу вредитъ учетъ; отъ этого-то учета и требуется отдѣлаться и достигнуть, чтобы цѣнности могли обращаться безъ учета, какъ обращаются деньги. Но вотъ этого-то послѣдняго шага и не можетъ къ несчастью сдѣлать кредитъ, не переставъ быть кредитомъ, не превратившись въ зависимость, товарищество, ассоціацію. Вопросъ состоитъ словомъ въ томъ, чтобы отдѣлаться отъ процента, ибо разъ мы допускаемъ процентъ, мы допускаемъ, что занимающій болѣе отдастъ, чѣмъ получитъ. И такъ какъ, доказано по правиламъ двойнаго процента, что занятый капиталъ удваивается каждые 14 лѣтъ, то отсюда ясно, что заемщикъ теряетъ каждые 14 лѣтъ тотъ капиталъ, который приводитъ въ дѣйствіе; а безъ процента нѣтъ кредита. Итакъ, кредитъ очевидно не можетъ

повести къ рѣшенію вопроса, а только дополняетъ систему тѣхъ противорѣчій, которыя мы разсмотрѣли до сихъ поръ. Вотъ кстати нѣсколько примѣровъ, которыми разрѣшается кредитъ, по мнѣнію Прудона, на практикѣ.

Народъ несетъ свое имущество въ monts de pieté и платитъ за это по крайней мѣрѣ 5%, а самъ отдаетъ деньги за 3% въ сберегательныя кассы, народъ стало быть въ потерѣ. Спрашивается далѣе, что дѣлается съ этити послѣдними деньгами? Если онѣ остаются безъ употребленія, то платя % и ничего не получая, сберегательная касса должна банкрутиться, поэтому фискъ займетъ эти деньги у сберегательной кассы въ свою очередь и заплатитъ ихъ изъ налога. Народъ опять внесетъ эти деньги стало быть дважды, и притомъ съ процентами. Еще далѣе, тотъ же фискъ займетъ на устройство канала, положимъ, одинъ милліонъ и потомъ назначитъ сборъ съ судовъ, плавающихъ по каналу на покрытіе издержекъ. Въ суммѣ страна заплатитъ за предпріятіе вдвое того, чего оно стоитъ.

У кредита является наконецъ свой постулатъ, утверждаетъ Прудонъ, какъ самъ кредитъ былъ постулатомъ свободы торговли; постулатъ кредита есть собственность. Мысль эту онъ подтверждаетъ слѣдующимъ разсужденіемъ. Монополія, говоритъ онъ, была конечнымъ результатомъ всѣхъ экономическихъ факторовъ, которые мы разсматривали. Кредитъ и свобода торговли вели только къ дальнѣйшему развитію монополіи. Но монополія сама по себѣ представляется вещью все-таки не постоянной, измѣнчивой, временнымъ, условнымъ владѣніемъ. Характеръ постоянства и законченности монополія получаетъ неизбѣжно при посредствѣ кредита. Превращеніемъ монополіи въ ипотеку, дозволеніемъ ее закладывать, мы сообщаемъ ей характеръ неотъемлемости, признаемъ собственность залогодателя надъ монополіей.

Первымъ послѣдствіемъ этого явленія становится прочная нравственная связь монополиста съ предметомъ монополіи, чувство привязанности, прикрѣпленности, чувство національности. Отсюда либръ-эшанжисты и экономисты рутины, защищая свободу торговли, космополитизируютъ трудъ и слѣдовательно одинаково работаютъ противъ національности съ тѣми, которыхъ они въ свою очередь упрекаютъ въ космополитизмѣ. Утверждаю поэтому, пишетъ Прудонъ, что превращая монополію въ собственность, общество въ то же время обезпечивало съ извѣстной стороны рабочаго въ томъ смыслѣ, что разсматривало рабочихъ, какъ составляющихъ одно семейное цѣлое съ монополистомъ, обязаннымъ заботиться объ ихъ обезпеченіи, и полагало извѣстный предѣлъ ажіотажу, извѣстную узду духу спекуляціи, возбуждая въ спекуляторѣ невольный интересъ сохранить то, чѣмъ онъ пользуется, не ставя всего на карту; этотъ интересъ закрѣпляется двумя учрежденіями, семействомъ и наслѣдственностью. Тѣ, которые возстаютъ противъ того и другаго, сами не знаютъ, противъ чего они возстаютъ.

Признаемся откровенно въ томъ, что ихъ возмущаетъ въ томъ и другомъ случаѣ: это имущественное неравенство; но причина этого неравенства вовсе не въ наслѣдственности, какъ мы должны уже знать, послѣдняя тутъ ни въ чемъ не виновата. Она отдаетъ вамъ только тотъ порядокъ, который находитъ. Если бы наслѣдственность встрѣчала иное распредѣленіе, она отдавала бы его будущимъ поколѣніямъ не нарушимо. Нечего поэтому возставать противъ собственности, созывать народныя собранія, вообще прибѣгать къ крутымъ политическимъ средствамъ тамъ, гдѣ вопросъ можетъ быть рѣшонъ однимъ устройствомъ обмѣна съ помощію нѣкоторыхъ банковыхъ соображеній. Мы видимъ такимъ образомъ, что собственность составляетъ учрежденіе, имѣющее свои основательныя стороны. Но

намъ извѣстны также и тѣ послѣдствія, которыя ставились ей въ упрекъ, и читатель, положа руку на сердце, не можетъ возражать противъ этихъ послѣдстій. Рента въ соединеніи съ замѣщеніемъ человѣческихъ рукъ въ земледѣліи работой машинъ, ведетъ къ совершенному исключенію работника изъ общества. Разсудокъ говоритъ: раздробленіе поземельныхъ владѣній увеличиваетъ расходы на производство; монополистъ говоритъ: я хочу быть хозяиномъ у себя; разсудокъ говоритъ: черезъ такой-то участокъ должна быть проведена дорога; монополистъ ставитъ свое veto. Разсудокъ говоритъ: улучшайте обработку земли, этимъ путемъ вы достигните того, что участокъ этотъ прокормитъ втрое большее число населенія; монополистъ отвѣчаетъ, что ему нѣтъ дѣла до этого, если такое улучшеніе увеличиваетъ расходы на рабочую плату. Словомъ, монополія съ другой стороны служитъ помѣхой общимъ интересамъ и выражаетъ собой такое же противорѣчіе добра и невыгоды, какъ и всѣ прочіе экономическіе факторы. „За то, что я имѣлъ смѣлость высказать когда-то такую мысль, меня прославили комунистомъ, говоритъ Прудонъ. Люди поняли дѣло такъ, что говорить противъ послѣдствій значитъ отвергать самый принципъ, требовать уничтоженія собственности. Я обязанъ поэтому дважды сказать теперь, что я думаю о комунизмѣ. Какъ собственность была для меня финальнымъ выраженіемъ монополіи, такъ и комунизмъ для меня крайнее выраженіе налога и ничего болѣе. Все дѣло комунизма, думаю я, состоитъ въ подставленіи лицу единичному лица коллективнаго, и такъ какъ такая замѣна не соглашаетъ ничего ровно, не предупреждаетъ ни одного изъ экономическихъ противорѣчій и ведетъ къ такому же слѣпому повторенію ихъ между коллективными единицами, какое замѣчается теперь между частными лицами, то комунизмъ въ моихъ глазахъ и неможетъ имѣть никакихъ преимуществъ передъ существующимъ порядкомъ.“

Комунизмъ по мнѣнію Прудона есть ноль. Всѣ комуническія и соціалистическія теоріи исходятъ изъ одного принципа братства, разсказываемаго на разные лады, но это-то и заставляетъ его сказать, что они ставятъ вопросъ, который думаютъ рѣшить, внизъ головою. Братство и тому подобныя основанія не могутъ быть экономическимъ принципомъ, они могутъ служить цѣлью, результатомъ, стало быть результатомъ вопроса, но не средствомъ, рѣшающимъ вопросъ. Послѣдній только въ томъ и заключается, чтобы найти такую постановку, такое сочетаніе экономическихъ факторовъ, результатомъ котораго былъ бы не антагонизмъ людей, а ихъ согласіе. Поэтому-то крайне дико начинать проповѣдывать общинность и согласіе, солидарность и любовь людямъ, которыхъ сила вещей вела и нудитъ къ раздѣленію. Если что ведетъ къ братству, такъ это именно чувство личной удовлетворенности, личнаго достатка и свободы, а общинность, которую можно наблюдать въ католическихъ монастыряхъ, развѣ вела къ братству?

Въ суммѣ что же такое общность комунистовъ, какъ не идея государства, доведенная до поглощенія личности. Они взяли за прототипъ государство и по его образцу захотѣли перестроить все общество; они думали, что государство содержитъ, одѣваетъ и обуваетъ войско и чиновниковъ и думали заставить государство содержать также, одѣвать и обувать землепашцевъ, ткачей и т. д. Такой взглядъ ведетъ къ уничтоженію всякой жизни въ обществѣ, къ инерціи. „Какъ человѣкъ прогресса и дѣла я протестую противъ него“.

Послѣ такого конечнаго приговора комунизму Прудонъ разсматриваетъ еще одинъ вопросъ—вопросъ о населеніи въ связи съ Мальтусовымъ закономъ, и это одна изъ самыхъ любопытныхъ главъ всего сочиненія.

Мальтусъ утверждаетъ, что народонаселеніе ростетъ въ гео-

метрической прогрессіи, а производство только въ ариѳметической. Отсюда выводитъ онъ, какъ извѣстно, что бѣдность и пролетаріатъ составляютъ неизбѣжное слѣдствіе этого отношенія между ростомъ населенія и ростомъ производства.

Прудонъ доказываетъ: 1) что прогрессія возрастанія производства опредѣляется экономистами совершенно вѣрно, что за основаніе этого разсчета приняты экономистами производительность труда въ ея первоначальной, грубѣйшей и простѣйшей формѣ и производительность труда единичная. Между тѣмъ какъ производительность труда на самомъ дѣлѣ возрастаетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ сумма рукъ—вслѣдствіе раздѣленія труда, машинъ и накопленія капитала, который работаетъ также, какъ человѣческія руки, но только не требующія пользы, и т. д. Это-то возрастаніе производительности труда было совершенно упущено экономистами изъ виду при ихъ разсчетѣ своей прогрессіи. Между тѣмъ въ силу этихъ-то условій должно оказаться, по мнѣнію Прудона, что если допустить даже возрастаніе населенія въ геометрической прогрессіи, то производительность труда должна возрастать какъ квадраты числа работниковъ. Но самая плодовитость человѣческаго рода, какъ бы она ни была велика первоначально, должна сокращаться по мѣрѣ цивилизаціи и интеллектуальнаго развитія индивидуума, и потому съ этой стороны человѣчество можетъ себя считать вполнѣ обезпеченнымъ отъ Мальтусова закона.

Такова сущность системы экономическихъ противорѣчій. Какой же выводъ слѣдуетъ изъ всего изложеннаго, какую идею хотѣлъ доказать авторъ? Какого бы мы ни были мнѣнія о разсужденіяхъ Прудона, о самой мысли, къ которой онъ хотѣлъ свести всѣ разсужденія, несомнѣнно, что такая мысль была у автора и что

онъ сдѣлалъ все для того, чтобы развить ее послѣдовательно. Заставимъ автора высказать эту мысль его собственными словами.

„Если я не ошибаюсь, пишетъ онъ въ заключеніе, читатель долженъ быть убѣжденъ въ одной вещи: это—что общественная истина не заключается ни въ утопіи, ни въ рутинѣ экономистовъ, что политическая экономія не есть наука общества, но что она содержитъ матеріалы для построенія этой науки, какъ хаосъ заключалъ въ себѣ всѣ элементы для построенія мірозданія. Для того, чтобы достигнуть конечной организаціи, которую намъ по всей вѣроятности суждено осуществить, нужно только найти общее уравненіе, рѣшающее всѣ экономическія противорѣчія. Какая же должна быть формула этого уравненія? Мы можемъ уже отчасти ее опредѣлить: это долженъ быть извѣстный законъ, извѣстная теорія взаимныхъ экономическихъ отношеній между лицами, которыя бы гарантировали каждому вознагражденіе за трудъ, равное продукту или производительности этого труда“... И въ другомъ мѣстѣ: „Не нужно организовать зависимости и полиціи на манеръ соціалистовъ. Сдѣлайте такъ, чтобы достатокъ каждаго зависѣлъ единственно отъ его труда, чтобы трудъ сталъ мѣрой личнаго достатка... Постройте лѣстницу или сравнительную таблицу цѣнностей въ ихъ прошлыхъ и будущихъ колебаніяхъ, по которой производитель могъ бы постоянно соразмѣрять свое производство. Дайте наконецъ всѣмъ цѣнностямъ общее выраженіе, выведенное изъ сравненія всѣхъ цѣнностей съ одной, которыя бы служили мѣрой для всѣхъ остальныхъ и основаніемъ всѣхъ обмѣновъ. Не ясно ли, что среди такихъ условій работникъ, предоставленный самому себѣ и пользуясь совершенной личной независимостью, былъ бы вполнѣ гарантированъ“. Наконецъ таже мысль повторяется еще категоричнѣе въ другомъ мѣстѣ. Возражая опять противъ соціалистовъ, онъ говоритъ: „Было впрочемъ средство выйти изъ затрудненія совер-

шенно легко и просто — вмѣсто распредѣленія въ натурѣ допустить систему распредѣленія эквивалентами. Пусть каждый работникъ, отдавая свой продуктъ, получаетъ взамѣнъ кредитивъ... на сумму постановленной цѣнности и становится черезъ это единственнымъ распорядителемъ и хозяиномъ своихъ вкусовъ въ вопросѣ потребленія—точно также, какъ и теперь всякій имѣющій въ карманѣ извѣстное количество покупательной силы. Этимъ путемъ достигнутся двѣ вещи: личная свобода не будетъ пожертвована и трудъ будетъ удовлетворенъ. Итакъ „пусть каждый работникъ взамѣнъ постановленнаго имъ продукта получаетъ кредитивъ на соотвѣтствующую сумму цѣнностей.“

Таково послѣднее слово всей книги, всей системы, всей теоріи, всего прудонизма, какъ ученія. Это слово, резюмирующее всего Прудона, произнесенное не задолго до экономическаго движенія сорокъ восьмаго года, заключало въ себѣ всю политическую программу, которую выработалъ Прудонъ и съ которою онъ выступилъ на политическое поприще.

Съ ней-то мы увидимъ его дѣйствующимъ крайне послѣдовательно себѣ самому послѣ февральскихъ событій.

ГЛАВА II.

Споръ съ Бастіа, статьи въ Voix du Peuple.—Дальнѣйшее развитіе мыслей высказанныхъ въ книгѣ объ экономическихъ противорѣчіяхъ.

Во время наступившаго въ концѣ сороковыхъ годовъ переворота, Прудонъ занялъ тоже одинокое мѣсто и отношеніе между боровшимися партіями и школами, которое приготовилъ себѣ и въ большомъ сочиненіи „объ экономическихъ противорѣчіяхъ", содержаніе коего было изложено нами въ прошлой главѣ. Дѣятельность его перешла только изъ книжной въ журнальную или газетную, а отчасти и чисто практическую. Онъ продолжалъ развитіе своей экономической системы съ того именно мѣста, на которомъ кончилъ анализъ въ книгѣ о системѣ противорѣчій. Здѣсь, онъ свелъ весь экономическій вопросъ на нахожденіе той формулы для обмѣна и взаимныхъ отношеній, которая бы опредѣлила и уравняла различныя суммы обмѣниваемаго труда, при каждой гражданской и экономической сдѣлкѣ. Онъ сказалъ уже, что эта форма равномѣрности обмѣновъ могла бы установиться сама собою, если бы нашлась возможность устра-

нить посредствующее значеніе капитала между работникомъ и потребителемъ, поставивъ ихъ въ прямыя сношенія, и черезъ то поставить и работника и потребителя внѣ зависимости отъ капиталиста, которому въ настоящее время, какъ тотъ, такъ и другой платятъ извѣстную дань въ видѣ процента. Сдѣлать это значило бы очевидно тоже, что сдѣлать капиталъ безпроцентнымъ, т. е. одинаково доступнымъ для всѣхъ. Ставя работника въ прямыя сношенія съ потребителемъ, Прудонъ думалъ, что этимъ самымъ работникъ въ состояніи будетъ трудиться, не нуждаясь въ предварительномъ и постороннемъ капиталѣ капиталиста, а можетъ получить нужный для производства капиталъ отъ заказчика или потребителя; черезъ это, думалъ онъ далѣе, долженъ самъ собою понизиться и даже совершенно пасть процентъ, взимаемый капиталистомъ, ибо процентный капиталъ не можетъ конкуррировать съ безпроцентнымъ; а такъ какъ все общество состоитъ съ другой стороны изъ лицъ, которыя въ то же время суть и потребители и производители, то отношенія между ними при прямомъ сношеніи тѣхъ и другихъ выразятся взаимнымъ кредитомъ. „Я буду ссужать васъ пилой и за это получать отъ васъ извѣстную сумму досокъ, вы будете ссужать меня рубанкомъ, и за это получите отъ меня нужную вамъ сумму выструганныхъ досокъ и т. д.; иначе, дѣлая мнѣ заказъ на извѣстную сумму, вы мнѣ вручите эту сумму, я вамъ сдѣлаю заказъ на туже сумму—оба мы получаемъ возможность работать, но намъ нечего передавать при этомъ другъ другу въ руки означенной суммы. Потребность въ звонкой монетѣ изчезаетъ и погашается при этомъ сама собою, и мы получаемъ другъ отъ друга только нужныя орудія труда. Для опредѣленія нашихъ взаимныхъ обязательствъ нужны только извѣстные векселя или кредитные знаки, которые бы означали, что вы, нуждаясь въ чужомъ трудѣ на такую-то сумму, сами обязуетесь уплатить предъявителю на такую же сумму продук-

товъ вашего собственнаго труда, тогда я предъявляю этотъ знакъ третьему и четвертоту лицу, которое не нуждается, можетъ быть, въ моемъ трудѣ и продуктѣ, но нуждается въ вашемъ, оно получаетъ отъ меня вексель на вашъ трудъ, а мнѣ даетъ взамѣнъ сырой матеріалъ или орудія, которыхъ у меня не достаетъ для того, чтобы произвести тотъ именно продуктъ, который вамъ нуженъ, и т. д. И такъ какъ въ обществѣ должно производиться столько именно метеріала, столько орудій производства и столько вещей потребленія, сколько требуетъ общественное потребленіе, то вексель на вашъ трудъ, не нужный, можетъ быть, третьему лицу, долженъ непремѣнно быть нуженъ четвертому, пятому или десятому лицу, словомъ, долженъ найти неизбѣжно своего потребителя, который его приметъ, а если это такъ, то приметъ его отъ меня и то лицо, къ которому я съ нимъ обращусь, прямо имѣя возможность обмѣнять его у четвертаго, пятаго или десятаго лица. Словомъ, вексель на свой трудъ, выданный каждымъ трудящимся, долженъ имѣть общій курсъ. Если же такой курсъ можетъ имѣть личный вексель, то есть возможность замѣнить личные векселя безличными, — векселями банка, если къ этому банку примкнетъ достаточное число разнообразныхъ производителей и потребителей, которые согласятся принимать эти векселя въ уплату за свои произведенія, на томъ условіи, чтобы получать по тѣмъ же векселямъ товары другихъ производителей, примкнувшихъ къ тому же банку. Такой банкъ станетъ звѣномъ, которое свяжетъ прямо производителей съ потребителями вмѣсто нынѣшняго капиталиста и будетъ взимать за такое сближеніе не тотъ процентъ, который взыскиваетъ теперь капиталистъ, а тотъ лишь, который потребуется на содержаніе самаго банка. Къ такому же учрежденію должны неизбѣжно примкнуть въ массѣ и производители и потребители, и учрежденіе это должно имѣть несомнѣнный успѣхъ потому, что каждый при

этомъ будетъ получать товаръ оцѣненный исключительно по стоимости его производства, въ которую не войдетъ процентъ, платимый нынѣ капиталу и купцу, будетъ получать его изъ первыхъ рукъ, для которыхъ онъ ничего не будетъ стоить кромѣ труда, и потому будетъ получать товаръ этотъ несомнѣнно дешевлѣ, чѣмъ теперь. Обмѣниваемыя суммы труда при этомъ будутъ ровно измѣрены и обмѣнъ установленъ на прочномъ основаніи, а между тѣмъ свобода личности останется по прежнему неприкосновенною.

Таковъ синтезисъ, къ которому Прудонъ пришелъ прямо путемъ предъидущаго анализа, и которымъ онъ думалъ теперь рѣшить рабочее дѣло. Въ основѣ его лежала одна задача — безпроцентность капитала при посредствѣ кредита, или вѣрнѣе, — при посредствѣ поставленія въ прямыя отношенія производителя и потребителя. Съ ней Прудонъ выступилъ на практическую почву вскорѣ послѣ начала рабочаго движенія. Но такъ какъ мысль Прудона изложена нами до сихъ поръ только въ въ самыхъ общихъ очертаніяхъ и заключаетъ въ себѣ много недосказаннаго, а съ другой стороны мы не имѣемъ нужды строго держаться хронологическаго порядка событій и преимущественно имѣемъ въ виду не біографическій очеркъ, а самую систему этого писателя, то мы подождемъ переходить къ изложенію практическихъ опытовъ Прудона къ осуществленію этой мысли. Мы остановимся подробнѣе на развитіи и объясненіи самой мысли объ усройствѣ безпроцентнаго кредита, какое находимъ у самаго Прудона въ позднѣйшемъ спорѣ, который велъ изъ за этой мысли Прудонъ съ Бастіа. Русскій читатель долженъ имѣть весьма смутное понятіе объ этомъ спорѣ, мы изложимъ его довольно подробно, ибо этимъ споромъ опредѣлится лучше всего, во первыхъ, то отношеніе, въ которомъ Прудонъ продолжалъ ставить себя къ экономистамъ и во вторыхъ, выяснится та простая связь по-

сылокъ и умозаключеній, которыми мысль Прудона связывалась съ дѣйствующими экономическими началами и основаніями и являлась прямымъ и неизбѣжнымъ результатомъ этихъ самыхъ началъ, лучшимъ ихъ признаніемъ, а не отрицаніемъ, какъ склонны были думать постоянно писатели, бравшіе объясненіе мыслей Прудона изъ третьихъ рукъ, а не искавшіе этого объясненія у самого Прудона.

Полемика, о которой мы говоримъ, началась въ октябрѣ 1849 года въ Voix du Peuple и продолжалась въ теченіи пяти мѣсяцевъ. Полемика была поднята Шеве, однимъ изъ редакторовъ этого органа, по поводу одной брошюры Бастіа, въ которой послѣдній защищалъ производительность и блага капитала. Критика Шеве была написана въ формѣ письма къ Бастіа. Но полемика приняла интересный характеръ только съ вступленіемъ Прудона на мѣсто Шеве, потому что съ аргументами Шеве Бастіа легко могъ справиться. Шеве обсуживалъ вопросъ болѣе съ религіозной точки зрѣнія и осуждалъ процентность капитала, какъ несправедливость, забывая, что процентность капитала, какихъ она ни заслуживала осужденій, все-таки составляла, такъ сказать, историческій элементъ въ развитіи человѣчества и принята была обществомъ какъ необходимый фактъ, что слѣдовательно не философствованіями нужно было оспаривать процентъ, а счетами. Шеве началъ съ того, что доказывалъ, какъ несправедливо со стороны заимодателя брать за вещь гораздо дороже, нежели она стоитъ, т. е. кромѣ возвращенной вещи брать еще другую вещь за оказанную услугу. Такимъ образомъ онъ упрекалъ Бастіа только за то, что тотъ смѣшивалъ двѣ различныя вещи: пользованіе и собственность, требуя вещественнаго вознагражденія за пользованіе. Самъ же требовалъ, чтобъ вещественная услуга возвращалась вещественною, а невещественная таковою же.

11 ноября 1849 года Прудонъ напечаталъ первую статью Бастіа по этому предмету въ Voix du Peuple при слѣдующемъ объявленіи: „Мы печатаемъ сегодня первую статью Бастіа по вопросу о процентахъ и о наймѣ капиталовъ... Такъ какъ въ этомъ вопросѣ заключается весь вопросъ объ устройствѣ судьбы рабочихъ классовъ, а вопросъ этотъ чисто теоретическій, то простое обсужденіе этого вопроса можетъ помочь рѣшиться рабочему дѣлу безъ помощи штыковъ“. Слѣдовала статья Бастіа, въ которой авторъ предлагалъ рѣшить два вопроса: — 1) Составляетъ ли процентъ съ капитала вещь, имѣющую законное основаніе? и 2) Противорѣчитъ ли этотъ процентъ интересамъ рабочаго класса?

„Я утверждаю, писалъ Бастіа, что тотъ, кто ссужаетъ мѣшокъ хлѣба или вообще какую либо цѣнность другому, оказываетъ ему услугу; на этомъ основаніи кредиторъ, по истеченіи срока, долженъ получить обратно капитальную сумму и еще придатокъ, какъ плату за услугу ему оказанную этимъ капиталомъ, которымъ могъ пользоваться самъ кредиторъ и которымъ онъ не пользовался, ссудивъ этотъ капиталъ другому. Вы соглашаетесь также, что кредиторъ долженъ получить нѣчто кромѣ ссуженнаго капитала, вы признаете стало быть правильность тѣхъ же положеній, которыя признаю и я, съ той только разницей, что я не приписываю важности тому, каково должно быть это добавочное вознагражденіе. Переходимъ далѣе къ тому различію, которое я будто бы при этомъ допускаю между передачей въ пользованіе и передачей въ собственность. Вы утверждаете, что получающій вещь въ займы получаетъ ее не въ собственность, а только въ пользованіе, и потому обязанъ возвратить кредитору такое же пользованіе. — Я спрашиваю, пишетъ Бастіа, какимъ образомъ вы запретите договаривающимся оцѣнить это пользованіе на деньги, выразить его какой либо

цѣнностью, которую должникъ и обяжется заплатить кредитору за оказанную ему услугу. Понимаете ли вы дѣло такъ, что не смотря на наше общее согласіе, отдавшій вамъ въ пользованіе домъ, единственно во имя науки долженъ согласиться получить отъ васъ за это такой же домъ въ пользованіе и ничего болѣе? Если недопустить поэтому, что всякая услуга имѣетъ цѣнность и можетъ измѣряться деньгами и всякой другой цѣнностью, то это убьетъ всякій обмѣнъ, всякія сношенія. И такъ мы согласились выше, что должникъ долженъ кредитору кое-что кромѣ занятаго капитала; не согласимся ли мы теперь, что это кое-что можетъ быть оцѣнено на деньги? — Посмотримъ далѣе, вредитъ ли процентъ интересамъ рабочаго. Вы должны знать, что процентъ входитъ въ стоимость производства каждой вещи и слѣдовательно въ составъ ея цѣнности; входитъ потому, что капиталъ дѣлаетъ также что нибудь для производства вещи: онъ облегчаетъ мускульный трудъ, облегчаетъ самое производство. Пильщикъ, который своими руками не сдѣлаетъ одной доски въ годъ, получаетъ отъ меня пилу, при помощи которой сдѣлаетъ нѣсколько досокъ въ день, и потому что я заставлю пильщика уступить мнѣ при этомъ двадцатую доску въ видѣ процента—вы утверждаете, что пильщикъ при этомъ будетъ въ накладѣ?"

Такія объясненія, съ которыхъ началъ Бастіа, уже показывали, что онъ не совсѣмъ понималъ точку зрѣнія Прудона. Онъ думалъ имѣть дѣло съ противникомъ, который отрицаетъ самыя начала, на которыхъ полагалъ основываться Бастіа, и не видѣлъ, что Прудонъ въ сущности не отвергалъ, а принималъ эти начала. Онъ думалъ, что эти начала, которымъ онъ выучился вѣрить, до того противорѣчили безпроцентности капитала, что съ уничтоженіемъ процента должны поколебаться и самыя начала. Не догадывался Бастіа, что онъ самъ въ сущности плохо еще

понималъ свои начала, во имя которыхъ ратовалъ, и что можно ихъ было понимать немного лучше, не стоять за безпроцентность, не нарушая ни въ чемъ экономическихъ основъ общества. Онъ не видѣлъ, что процентъ, изъ-за котораго онъ велъ весь споръ, составлялъ только частный случай по отношенію къ тѣмъ экономическимъ началамъ, которыя онъ думалъ отыскивать въ формѣ этого процента, и потому никакъ не могъ постичь, почему Прудонъ приписывалъ такую важность вопросу: въ какомъ видѣ допустить и въ какомъ смыслѣ понимать тотъ придатокъ или вознагражденіе въ пользу кредитора, который самъ допускалъ и который въ глазахъ Бастіа не могъ представиться иначе, какъ въ формѣ процента. Прудонъ смотрѣлъ на процентъ именно какъ на частный случай, который могъ вытекать изъ тѣхъ экономическихъ условій, которыя признавалъ Бастіа, какъ одну изъ формъ вознагражденія, но вовсе не безусловно единую форму, вытекающую изъ самой сущности дѣла, а какъ на форму случайную, которая при лучшемъ пониманіи тѣхъ же экономическихъ основаній, которыя описывалъ и Бастіа, могла оказаться не совсѣмъ соотвѣтствующею этимъ началамъ и принять совершенно другой видъ. Бастіа словомъ, принимая за законъ существующія экономическія основы, принималъ какъ законъ и частные случаи существующаго экономическаго устройства, а въ томъ числѣ принималъ за такой же законъ и процентъ. Прудонъ, не отрицая справедливости началъ, не хотѣлъ принимать за законъ частныхъ случаевъ, доказывая, что Бастіа плохо понимаетъ самъ тѣ начала, которыя думаетъ отстаивать. — Его возраженія Бастіа были поэтому не сложны.

Бастіа разсуждаетъ, отвѣчалъ онъ, какъ человѣкъ ничего не слыхавшій о развитіи экономическихъ понятій со временъ Сэ, какъ человѣкъ, который проспалъ ровно 80 лѣтъ. Нужно вспомнить только о томъ, къ кому направляетъ онъ свою рѣчь, кого

онъ думаетъ убѣждать такими разсужденіями; неужели онъ полагаетъ, что они могутъ удовлетворить пролетарія 1849 года, который знаетъ ихъ уже и безъ него съ незапамятнаго времени. Нужно было начать поэтому съ того, что изучить господствующій складъ мыслей той среды, на которую онъ хочетъ дѣйствовать, и опровергать заблужденія тѣми именно доводами, которые могутъ имѣть значеніе. „Васъ можетъ удивить, писалъ Прудонъ къ Бастіа, что вы, членъ академіи, отстали отъ вопроса, но мы беремся именно показать вамъ это“.

„Вы не подозрѣваете, и это удивитъ васъ конечно, что отрицаніе процента не предполагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе отрицанія того экономическаго основанія, которое между прочимъ даетъ начало въ настоящее время и проценту, и которое, не смотря на всѣ протесты духовенства и законодателей противъ роста, остается все-таки не поколеблено. Вопросъ поэтому состоитъ вовсе не въ томъ, имѣетъ ли процентъ какую либо причину, которая обусловливаетъ его происхожденіе; а въ томъ есть ли способъ устранить тутъ вредныя послѣдствія, не нарушая самаго права, самыхъ естественныхъ началъ и причинъ, надъ которыми мы не имѣемъ никакой власти“. Прудонъ утверждаетъ, что такой способъ существуетъ.

„Съ одной стороны я допускаю предварительно, говоритъ онъ, почти все, что утверждалъ Бастіа, допускаю справедливость вознагражденія, допускаю что это вознагражденіе, можетъ быть измѣрено какой либо цѣнностью“.

„Но я утверждаю также—и это нисколько не противорѣчитъ предъидущему,—что кредиторъ въ текущемъ смыслѣ не лишаетъ себя вовсе капитала имъ ссужаемаго, какъ утверждаетъ Бастіа. Онъ его отдаетъ именно потому, что въ его рукахъ этотъ капиталъ остался бы вовсе безъ употребленія, — мертвъ — онъ его ссужаетъ потому только, что не можетъ самъ воспользовать-

ся этимъ капиталомъ, тогда какъ отдавая его въ займы, онъ получаетъ процентъ, дающій ему возможность жить не работая.—Человѣкъ, у котораго два дома, одинъ въ Парижѣ, другой въ Ліонѣ, и который живетъ въ одномъ изъ нихъ, по неволѣ не можетъ жить въ другомъ и слѣдовательно имъ пользоваться, значитъ ли это, что онъ лишаетъ себя при этомъ другаго дома, если отдаетъ его въ наймы? То же было бы утверждать, что мы лишаемъ себя пребыванія въ Нью-Йоркѣ, потому что живемъ въ Парижѣ; если мы захотимъ построить нашу теорію процента на основаніи такого лишенія, то въ основаніи нашей теоріи будетъ лежать не болѣе какъ игра словъ".

Вы настаиваете на вашемъ предположеніи; вы говорите: „Если вы не хотите платить процента, то попробуйте просуществовать безъ нашихъ капиталовъ, работать безъ орудій, прожить безъ домовъ". Мы вамъ отвѣчаемъ. Извольте, мы не будемъ нанимать ни вашихъ домовъ, ни вашихъ орудій, попробуйте прожить съ ними въ рукахъ безъ работы.

„Вотъ точка зрѣнія, съ которой слѣдуетъ начинать расмотрѣніе вопроса. Капиталъ, стало быть, оказывается самъ по себѣ непроизводителенъ и получаетъ производительную силу только при посредствѣ работы. Но мы примемъ даже производительность капитала какъ фикцію, къ которой привыкла наука, и ставъ совершенно на вашу точку зрѣнія, попробуемъ, нельзя ли предположить такого случая, который могъ бы удовлетворить насъ обоихъ. У васъ въ рукахъ пила, которую вы мнѣ ссужаете и благодаря который я сдѣлаю нѣсколько досокъ въ день; у меня въ рукахъ рубанокъ, которой я вамъ ссужаю въ свою очередь и при посредствѣ котораго вы обстругаете тѣ же доски; предположимъ теперь, что изъ всего капитала, который я употребляю, половина принадлежитъ вамъ, точно также изъ всего апитала, который вы употребляете, половина принадлежитъ

мнѣ,—наши взаимныя услуги, кажется, взаимно погашаются, уравновѣшиваются: ни я вамъ ничего недолженъ, ни вы мнѣ. Въ дѣйствительности такого взаимнаго равновѣсія услугъ не существуетъ. Но вопросъ не въ томъ, существуетъ ли оно, а есть ли основаніе допустить его возможность, въ природѣ ли оно вещей, можетъ ли къ нему стремиться общество и не ведетъ ли, можетъ быть, къ нему противъ всякаго ожиданія сама теорія процента. Въ томъ-то и дѣло, что едва ли не такъ, едва ли взаимная ссуда капиталовъ не стремится къ равновѣсію, и вотъ какіе на это есть признаки: 1) Раздѣленіе труда или промысловъ разнообразитъ орудія производства и самый матеріалъ, служащій для производства, черезъ это разнообразитъ въ той же степени ссуды. 2) Накопленіе капитала ведетъ постепенно къ пониженію текущаго процента. Пониженіе процента составляетъ одинъ изъ самыхъ элементарныхъ законовъ капитала, который можетъ засвидѣтельствовать вся исторія. Всякій послѣдне вложенный въ производство капиталъ приноситъ процентъ меньше предъидущаго; всякое возрастаніе капитала увеличиваетъ предложеніе и слѣдовательно понижаетъ цѣну на капиталы; такъ что, предположивъ постепенное возрастаніе капитала, мы неизбѣжно должны будемъ придти къ такому заключенію, что процентъ съ капитала, постепенно понижаясь, долженъ стремиться къ нолю, а самое пользованіе капиталомъ къ безвозмездности. Наконецъ 3) тому способствуетъ возрастающая легкость обращенія капиталовъ при посредствѣ кредитныхъ знаковъ. 4) Упроченіе общественнаго спокойствія и безопасности.“

Имѣя все это въ виду, естественно придти къ вопросу, нѣтъ ли способа облегчить тотъ процессъ удешевленія капитала, который совершается въ обществѣ, и безъ того самъ собою дѣйствуя, замѣтьте, не на самые капиталы, а облегчая только средства ихъ обращенія. Нѣтъ сомнѣнія, что капиталы также, какъ

и всякій товаръ, могутъ залеживаться и оставаться внѣ обращенія, внѣ пользованія, вслѣдствіе недостаточности путей, которыми они могли бы предложиться тѣмъ, кому они нужны. Облегченіе способовъ обращенія будетъ имѣть то дѣйствіе, какое имѣютъ пути сообщенія относительно товаровъ: они увеличатъ предложеніе на капиталы, на все количество капиталовъ, которое до сихъ поръ пропадало безъ дѣла, благодаря несовершенству способовъ обращенія капиталовъ, и введутъ въ обращеніе все наличное количество существующихъ капиталовъ, а это поведетъ къ удешевленію капиталовъ вообще и слѣдовательно къ пониженію процента.

Что же тутъ такого, что противорѣчило бы въ сущности принципамъ общепринятой экономической теоріи и экономическому порядку? Не намекаетъ ли уже все это довольно ясно на то, что защищаясь отъ безпроцентности капитала, Бастіа плохо понималъ самыя начала своей науки.

Вопросъ приходитъ, стало быть къ тому, не могутъ ли способы обращенія капиталовъ не смотря на тѣ усовершенствованія, которыя въ этомъ сдѣланы уже введеніемъ кредитныхъ знаковъ, быть еще тѣмъ же способомъ усовершенствованы на столько, чтобы отсюда вышло само собою искомое сокращеніе процента, къ которому и безъ того стремятся капиталы.

На этотъ вопросъ Прудонъ еще разъ отвѣчаетъ утвердительно.

„Предположимъ, говоритъ Прудонъ, не выходя изъ предѣловъ общепринятыхъ основаній кредита, складчину, въ которую каждый изъ 10 милл. нашихъ производителей внесетъ только одинъ процентъ съ своего капитала, этотъ процентъ со всего движимаго и недвижимаго капитала Франціи составитъ сумму болѣе милліарда. Предположимъ, что эта сумма употреблена, какъ основной капиталъ, и при ея посредствѣ открытъ банкъ, который

станетъ производить ипотечныя ссуды и учетъ по полъ-проценту, неизбѣжный на самое содержаніе банка. Очевидно, что тоже самое должны будутъ сдѣлать въ то же время и всѣ остальныя кредитныя учрежденія, что такой банкъ долженъ убить всякое ростовщичество и вызвать безпроцентное обращеніе денежныхъ капиталовъ. Разъ это имѣло бы мѣсто, примѣру денежныхъ капиталовъ не замедлили бы послѣдовать и остальные, какъ-то дома и земли — они перестали бы наниматься, они просто на просто обращались бы какъ всякая биржевая цѣнность и земля обращалась бы между тѣми только, кто ее самъ обработываетъ. Точно того же можно было достигнуть путемъ налога, который падалъ бы на всю ренту, на весь доходъ съ капитала, и капиталистъ долженъ бы былъ или самъ работать своимъ капиталомъ, или уступать его безвозмездно.“

„Я утверждаю, что сама сила вещей ведетъ экономическій бытъ къ такому результату и вопросъ только въ томъ, чтобы облегчить и способствовать скорѣйшему выполненію того, что написано заранѣе въ судьбахъ общества. До тѣхъ же поръ, пока этого не случится, положеніе рабочаго останется неудовлетворительно, ибо, какъ вы сами говорите, рыночная цѣна вещей слагается изъ платы за трудъ и процента на капиталъ. Работникъ же имѣетъ въ своемъ распоряженіи только трудъ и потому въ суммѣ можетъ оплатить только половину вещи“.

„Я спрашиваю поэтому у Бастіа, писалъ Прудонъ, есть ли ссуда—лишеніе для капиталиста, если онъ каждый разъ ссужаетъ только то, чѣмъ онъ самъ не можетъ пользоваться, и имѣетъ ли онъ послѣ этого право на вознагражденіе за эту ссуду, при возможности пользоваться на томъ же основаніи и самому посторонними капиталами?“

„Можетъ ли быть устроенъ національный безпроцентный банкъ?“

На всѣ эти возраженія Бастіа отвѣтилъ вотъ что. „Если допустить, что кредиторъ уступаетъ капиталъ потому только, что онъ самъ имъ не можетъ пользоваться и слѣдовательно съ его стороны нѣтъ тутъ ни малѣйшаго лишенія, то и относительно всякой продажи столь же справедливо, что продавецъ шляпъ напримѣръ уступаетъ мнѣ шляпу потому только, что она ему не нужна самому, и слѣдовательно съ его стороны нѣтъ ни малѣйшаго лишенія въ этой уступкѣ. Но Прудонъ забываетъ, что этотъ капиталъ стоилъ кой какого труда, что онъ самъ есть только сбереженный трудъ. Допустимъ даже равенство услугъ при равенствѣ взаимно ссужаемыхъ капиталовъ. Но въ такомъ случаѣ такое же равенство услугъ можетъ существовать и при равенствѣ личнаго труда, который обмѣнивается. Слѣдуетъ ли отсюда, что при этомъ трудъ взаимно уничтожается?“ И за тѣмъ Бастіа начинаетъ объяснять примѣрами, какимъ образомъ капиталъ есть тотъ же сбереженный трудъ, и наконецъ уже не примѣрами — ибо примѣрами доказать это было бы несравненно труднѣе,—какимъ образомъ тотъ капиталъ, на который будто бы такъ нападаетъ Прудонъ, сокращаетъ текущій трудъ въ производствѣ и черезъ то оставляетъ человѣку все болѣе и болѣе свободнаго времени для умственной работы и наслажденія.

Какъ будто Прудонъ когда нибудь спорилъ противъ происхожденія капитала или вліянія капитала на производство, а не противъ монополіи капитала?—спорилъ противъ того, что капиталъ есть сбереженный трудъ, а не противъ того только, что капиталъ этотъ есть сбереженный чужой трудъ, но не личный трудъ того, кто имъ пользуется?—спорилъ противъ свойства капитала облегчать работу, а не противъ того, что это облегченіе выпадаетъ исключительно на долю капиталиста?

Какъ будто Прудонъ доказывалъ когда нибудь, что при равенствѣ взаимно ссужаемыхъ капиталовъ уничтожаются самые ка-

питалы, а не уравновѣшиваются только услуги, что совершенно имѣетъ мѣсто и при равномъ обмѣнѣ личнаго труда или продажѣ шляпы. Какъ будто, указывая на такое равновѣсіе, онъ хотѣлъ сказать что нибудь кромѣ того, что за такимъ обмѣномъ ни одна изъ сторонъ не имѣетъ права требовать процента.

Прудонъ замѣтилъ, что Бастіа уклоняется отъ вопроса. „Что вы пришли дѣлать въ Voix du Peuple, спросилъ онъ его, разсказывать ли вашу собственную теорію или опровергать мою, опровергать возможность кредита и банка, какъ я его понимаю? Кажется, ради этого-то послѣдняго вопроса и началась наша полемика. Между тѣмъ вмѣсто отвѣта на вопросъ, вмѣсто доказательства невозможности, невыполнимости того, что я предлагаю—вы повторяете передъ моими читателями вашу старую теорію, которая всѣмъ и безъ того извѣстна, относительно которой я вамъ уже сказалъ, что не признаю ее и занимать которой наши столбцы мы не имѣемъ никакой нужды. При такой постановкѣ спора я вамъ скажу: удерживайте вашу теорію про себя, я удержу свою, намъ не о чемъ разсуждать вмѣстѣ. Этимъ бы и окончился дѣйствительно споръ, еслибы къ несчастью для того, чтобы защитить вашъ образъ мыслей, вы во всякомъ случаѣ не были обязаны опровергнуть мой. Вы говорите, что я по одному и тому же вопросу говорю да и нѣтъ, признаю законность процента въ прошедшемъ и отвергаю въ настоящемъ. Тутъ вы усматриваете противорѣчіе. Я долженъ начать съ объясненія вамъ элементарныхъ логическихъ понятій. Съ объясненія того, что въ логикѣ называется различеніемъ. Вы не понимаете, что то, что можетъ быть справедливо для одного времени, можетъ быть несправедливо для другаго. Что если было время, когда можно было признавать полигамію, судебные поединки, то можетъ быть такое, въ которое всѣ эти явленія болѣе не имѣютъ основанія существовать. Точно также и относительно процента.

Да, я утверждаю, что процентъ былъ дѣломъ полезнымъ, пока мы должны были ограничиваться частнымъ кредитомъ, какъ мы принуждены были довольствоваться когда то частнымъ судомъ— ордаліями и судебными поединками. Но онъ сталъ вреденъ, разъ положеніе вещей пришло къ тому, что мы можемъ ненуждаться болѣе въ личномъ кредитѣ, имѣя возможность устроить и пользоваться кредитомъ общественнымъ.“

„И такъ все ваше опроверженіе состоитъ въ томъ, чтобы смѣшивать эпохи. И что мнѣ за дѣло до того, что вашъ кредиторъ собралъ нарочно капиталъ для того, чтобы отдавать мнѣ его взаймы по 5%, точно такъ же, какъ нѣтъ вамъ дѣла до всякаго фабриканта, надѣлавшаго больше шляпъ, чѣмъ онъ можетъ продать. Я не хочу этого кредита въ 5%, когда общество можетъ предложить мнѣ кредитъ болѣе выгодный. Вы сравниваете далѣе капиталиста съ шляпошникомъ—опять ошибка: вы забываете, что шляпошникъ получаетъ въ обмѣнъ только цѣну своей шляпы, тогда какъ кредиторъ кромѣ своего капитала хочетъ получать еще нѣчто сверхъ того. Вы утверждаете, что я смѣшиваю причину съ слѣдствіемъ, приписывая значеніе не капиталу, а обращенію капиталовъ, вы противорѣчите сами себѣ и своимъ учителямъ, которые утверждали постоянно, что перемѣщеніе цѣнностей или товаровъ составляетъ само цѣнность, и на этомъ основаніи признавали справедливымъ вознагражденіе купца и банкира. Вы сами утверждали въ первой статьѣ, что тѣмъ только, что вы даете взаймы, вы оказываете услугу. Я, стало быть, имѣлъ право съ вашей собственной точки зрѣнія приписать цѣнность и значеніе обращенію капиталовъ“.

Бастіа отвѣчалъ на это еще болѣе робко и уклончиво; онъ замѣтилъ, что споръ начался по поводу критики, помѣщенной въ Voix du peuple на его памфлетъ, и отсюда заключалъ, что опровергать не его дѣло, а напротивъ, обязанность его противниковъ.

Далѣе Бастіа замѣчалъ, что безденежность обращенія еще не уничтожаетъ самаго процента на капиталъ, но что съ другой стороны расходы на обращеніе капиталовъ никогда не могутъ быть доведены до нуля; что то, что было когда либо справедливо, будетъ всегда справедливо, и доказывалъ опять справедливость процента той пользой, которую приноситъ пила пильщику, и цѣлымъ рядомъ такихъ же примѣровъ, — словомъ, повторялся, упрекалъ Прудона, что онъ хочетъ передѣлать сердце человѣческое и выводилъ подобные стереотипныя банальности. Въ самомъ дѣлѣ, что значила эта фраза Бастіа: думаетъ ли Прудонъ, что трудъ уничтожается отъ того, что онъ обмѣнивается въ равныхъ доляхъ, что значитъ этотъ примѣръ шляпошника, который уступаетъ шляпу, потому что она ему не нужна, на сколько опровергалъ онъ то замѣчаніе, что капиталъ уступаетъ только то, чѣмъ онъ самъ не можетъ пользоваться, что значили еще болѣе эти выписки изъ учебниковъ о происхожденіи капиталовъ и облегченіи капиталами текущей работы, какъ не то только, что Бастіа еще разъ ничего ровно не понялъ въ томъ, что писалъ ему Прудонъ, и спорилъ не противъ Прудона, а противъ собственныхъ призраковъ, которые примерещились ему въ строкахъ Прудона, благодаря отсталости, непонятливости и слабости его собственнаго ума? Всѣмъ этимъ Бастіа думалъ убѣдить Прудона въ законности роста и еще спрашивалъ, согласенъ ли онъ? отказываясь вести споръ дальше, пока Прудонъ не очиститъ этого тезиса.

Статьи продолжали слѣдовать одна за другой, Прудонъ не переставалъ вызывать Бастіа на доказательство невозможности устроить даровой кредитъ. Бастіа стоялъ на томъ, что онъ предпочитаетъ доказывать законность недароваго кредита. Прудонъ объяснялъ, что способъ разсужденія, въ этомъ случаѣ, Бастіа похожъ на тотъ, какимъ разсуждаютъ компаніи транспортовъ, когда рѣчь идетъ о желѣзныхъ дорогахъ. „Развѣ повозка, говорятъ

они, не была вещью полезной, законной и благодѣтельной? Развѣ перевозя васъ и ваши плоды, мы не оказывали вамъ услуги и не приносили пользы промышленности? и такъ зачѣмъ же говорить тогда о желѣзныхъ дорогахъ?

„Посмотрите же ближе на послѣдствія этого кредита, что это за послѣдствія. Послѣдствія тѣ, что получающій процентъ можетъ прожить не работая. Поэтому, Франція, имущество которой можетъ быть оцѣнено въ 132 милліарда, получая съ нихъ, считая по 5%, 6 милліардовъ 600 мил. фр., могла бы на половину прожить безъ работы. Далѣе вся сумма рабочей платы равняется тѣмъ же шести милліард. Откуда мы имѣемъ стоимость продукта въ 12 милліард., которые народъ долженъ произвести за 6 милліардовъ, безъ чего капиталистъ остался бы безъ хлѣба. Это тоже, что за рубль производить два рубля. Такой порядокъ уподобляется слѣдующему разговору. Капиталистъ падаетъ въ рѣку, мимо идетъ работникъ.“

Капиталистъ. Спаси меня, или я погибну.

Работникъ. Изволь, только я требую за это милліонъ.

Капиталистъ. Милліонъ за то, чтобы протянуть руку погибающему брату! Что тебѣ стоитъ часъ времени, я тебѣ заплачу за него.

Работникъ. Отвѣчай мнѣ: окажу я тебѣ услугу или нѣтъ, если вытащу тебя? Ну, а всякая услуга развѣ не должна быть вознаграждена? развѣ я не свободенъ оказать тебѣ ее, или нѣтъ?

Капиталистъ. Да.

Работникъ. Тогда я требую милліонъ, это моя послѣдняя цѣна. Я никого не принуждаю.

Капиталистъ. Но ты злоупотребляешь моимъ положеніемъ: я взываю къ религіи, нравственности, человѣчности...

Работникъ. Кончимъ на этомъ—мнѣ некогда. Выбирай

одно изъ двухъ: жить пролетаріемъ, или умереть капиталистомъ.

Другой примѣръ:

„Новый путешественникъ очутился, вслѣдствіе кораблекрушенія, на островѣ, близкомъ къ тому, на которомъ устроился Робинсонъ. Скала ничего не производитъ. Путешественникъ проситъ Робинсона одолжить ему свою лопату. Но Робинсонъ требуетъ за это 99% хлѣба, который соберетъ путешественникъ. Послѣдній пробуетъ спорить, но разговоръ опять кончается такимъ же увѣщаніемъ со стороны Робинсона. „Развѣ я тебя принуждаю, развѣ мы не одинаково свободны?“ и т. д. И такимъ образомъ новый пришлецъ попадаетъ въ совершенную кабалу къ Робинсону“.

Бастіа отвѣчалъ, что въ примѣрѣ объ утопающемъ рѣчь идетъ не о ссудѣ капитала, а о личной услугѣ или ссудѣ работы,—стало быть, изъ этого примѣра слѣдовало вывести правило не безвозмездности займа, а безвозмездности работы. И затѣмъ указывалъ, что хотя процентъ постоянно и понижается, но сумма процентныхъ доходовъ всетаки увеличивается, при возрастаніи суммы капиталовъ, а потому, выводилъ онъ, кредитъ никогда не станетъ еще даровымъ отъ пониженія процента. Далѣе онъ указывалъ еще, что такъ какъ процентъ все-таки упадаетъ съ возрастаніемъ капитала, то доля дохода, приходящаяся на рабочую плату, должна увеличиваться и абсолютно, и пропорціонально увеличенію суммы капиталовъ, тогда какъ доля капиталиста увеличивается только пропорціонально суммѣ капиталовъ.

Повторяя такимъ образомъ въ каждой статьѣ послѣдовательно одно и то же, что ссужающій оказываетъ одолженіе,—Бастіа думалъ на этомъ кончить споръ, вѣроятно считая свое дѣло выиграннымъ. Прудонъ вышелъ изъ терпѣнья, наговорилъ Бастіа

много нелестныхъ словъ; но повелъ изслѣдованіе вопроса еще глубже, и представилъ своему противнику анализъ французскаго банка, который мы приведемъ въ подробности.

„Слышали ли вы когда нибудь о французскомъ банкѣ, писалъ онъ, сдѣлайте мнѣ удовольствіе посѣтите это учрежденіе, вы здѣсь найдете г. Аргу, который въ вопросѣ процента смыслитъ болѣе всѣхъ экономистовъ Гильомена. Французскій банкъ это компанія капиталистовъ, основанная пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Принципъ, на которомъ этотъ банкъ основанъ, вашъ принципъ. Учредители сказали себѣ: „Мы пріобрѣли извѣстные капиталы, благодаря если не собственному труду, то труду нашихъ отцовъ,—почему же не получать намъ того же дохода отъ своихъ капиталовъ, какой получаютъ другіе, употребивъ эти капиталы на покупку земель“, и проч. Посмотримъ теперь, куда привело такое разсужденіе. Здѣсь то именно я вамъ покажу, насколько кредитъ долженъ быть безвозмезденъ“.

„Капиталъ банка равняется 90 мил., условленный ростъ равенъ 4%. Стало быть, легальный доходъ банка за оказываемыя имъ услуги равенъ 3 мил. 600 тыс. фран. Вотъ сумма, которую на основаніи фикціи или предположенія о производительности капитала наша торговля должна ежегодно выплатить банку. Въ этомъ смыслѣ—акціи банка могутъ быть разсматриваемы какъ недвижимыя имущества въ 1000 фран. каждая, приносящія 40 фран. дохода.

„Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Вмѣсто того, чтобы имѣть курсъ въ 1000 фран. каждая, они ходятъ въ 2400 фран., и если мало-мальски пополнится еще портфель банка, онѣ будутъ ходить въ 3000 фран. и затѣмъ слѣдовательно капиталъ банка будетъ приносить не 4 а 8 и 12%.

„По вашему разсужденію должно выходить такъ, что процентъ долженъ понижаться по мѣрѣ увеличенія капитала, а ме-

жду тѣмъ на дѣлѣ этого вовсе неоказывается. Капиталъ банка остался въ сущности тотъ же самый, а между тѣмъ банкъ нашелъ возможность получать такой доходъ, какъ будто капиталъ его равнялся 450 мил. Случилось это весьма просто черезъ замѣну монеты банковыми билетами, которыми банкъ учитаетъ частные векселя и платитъ текущіе счеты. Билеты банка имѣютъ черезъ это двойное обезпеченіе: первое—звонкую монету, которая остается въ кассахъ банка, и портфель коммерческихъ цѣнностей, принятыхъ банкомъ въ обмѣнъ на выпущенные банкомъ билеты. Такимъ образомъ понятно, что банкъ могъ бы производить свои операціи совершенно безъ капитала и ненуждается для оныхъ вовсе въ монетѣ, въ такомъ случаѣ обращеніе основывалось бы не на кредитѣ банка, а на кредитѣ публичномъ или общественномъ. Въ дѣйствительности вещи никогда не совершаются вполнѣ такъ— они только склоняются къ такому порядку; банкъ никогда не остается безъ монеты, но все-таки сумма, на которую банкъ выпускаетъ билетовъ, превосходитъ сумму звонкой монеты, которая служитъ обезпечивающимъ фондомъ, такъ что извѣстная часть обращающихся банковыхъ билетовъ не составляетъ или не представляетъ вовсе дѣйствительныхъ цѣнностей, пущенныхъ въ обмѣнъ на другія, въ этомъ случаѣ капиталъ замѣняется, какъ я говорю, установившимся довѣріемъ или общественнымъ или даровымъ кредитомъ.

„Казалось бы, что въ такомъ случаѣ учетный процентъ долженъ бы былъ понижаться пропорціонально пущеннымъ въ обращеніе билетамъ, не покрываемымъ металлическимъ фондомъ; что если капиталъ банка равенъ 90,000,000, а сумма билетовъ 112,000,000, то такъ какъ одинъ капиталъ превышаетъ другой на одну четверть, то и учетный процентъ долженъ бы былъ быть пониженъ съ 4-хъ на 3. Чего бы, казалось, справедливѣе. Развѣ общественный кредитъ не составляетъ общественной соб-

ственности? Развѣ непокрываемые металлическимъ фондомъ билеты не обезпѣчиваются единственно взаимнымъ довѣріемъ гражданъ? Въ чемъ тутъ участвуетъ капиталъ банка, чѣмъ помогаетъ онъ кредиту? — Изъ этого вы уже можете судить, сколь ложно ваше мнѣніе, будто пониженіе процента непремѣнно предполагаетъ соотвѣтствующее увеличеніе капитала. Почему же, спрашиваю я, банкъ, который съ 90,000,000 выпускаетъ билетовъ на 112,000,000, который при помощи общественнаго кредита дѣйствуетъ какъ бы съ капиталовъ въ 112,000,000, не понижаетъ соотвѣтственно и своего процента? Затѣмъ эти 4% банкъ кладетъ въ свой карманъ съ капитала, котораго у него нѣтъ, и который ему не принадлежитъ? Но это еще не все: въ то время какъ банкъ выпускаетъ свои билеты, онъ продолжаетъ получать постороннія цѣнности, независимыя отъ его основнаго капитала. Этимъ путемъ монета стекается въ банкъ и этимъ путемъ металлическій фондъ французскаго банка увеличился съ 90 до 431,000,000. Въ этихъ добавочныхъ милліонахъ банкъ пріобрѣлъ очевидно въ товарищи всю страну, фигурирующую въ еженедѣльныхъ отчетахъ банка съ капиталомъ въ 350,000,000, а потому по всей справедливости можно назвать настоящимъ банкиромъ не компанію акціонеровъ, учредившихъ банкъ въ 1803 году, не государство, а торговлю и промышленность, производителей и всю націю, которая принимая билеты банка, основала новый банкъ съ капиталомъ въ 431,000,000 взамѣнъ стараго банка съ капиталомъ въ 90,000,000. Декретъ національнаго собранія, который бы далъ право банку оплатить акціи первоначальнаго банка и переименовать этотъ банкъ въ центральный національный банкъ, призналъ бы только существующій фактъ. Выяснивъ это, возвратимся къ вопросу. Банкъ имѣетъ право взыскивать 4%. Первоначальный капиталъ банка былъ равенъ 90,000,000; теперь—этотъ капиталъ почти упятерился, а потому

первоначально установленный процентъ долженъ бы былъ уменьшиться до $^1/_5$ прежняго процента, что составитъ всего около $^3/_4$ процента. Все это доказываетъ неоспоримымъ образомъ, что предположеніе, по которому процентъ уменьшается только съ увеличеніемъ капитала, совершенно ложно. Но мы еще не дошли до конца; я указалъ только половину злоупотребленій, проистекающихъ отъ ложнаго пониманія этого дѣла. Французскій банкъ держитъ въ своихъ рукахъ богатство и судьбу націи. Если бы онъ понизилъ свой процентъ до $^3/_4$ со ста, что онъ долженъ бы по настоящему неминуемо сдѣлать, то вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ прочіе частные банки, капиталисты, нотаріусы и такъ далѣе, должны бы были понизить свой учетъ по крайней мѣрѣ до 1% со ста, со включеніемъ въ это число и процента за коммиссію. Какъ вы думаете, произошло ли бы отсюда какое нибудь зло для торговли и вообще для общества? Вслѣдъ за такимъ упадкомъ банковаго процента до 0, ибо $^3/_4$% представляютъ только расходъ, необходимый для содержанія самого банка, въ той же степени понизились бы и всѣ вообще наемныя платы за имущества, ибо, собственно говоря, между платой за наемъ капитала и послѣдними нѣтъ существеннаго различія. Думаете ли вы, что это помѣшало бы намъ жить въ домахъ и обработывать землю? Благодаря такой перемѣнѣ, деньги и недвижимости, потерявъ возможность сами по себѣ приносить доходъ, потеряли бы и ту заманчивость, которую они имѣютъ въ настоящее время. Всякій стремился бы къ тому, чтобъ потреблять какъ можно болѣе. Это разширитъ производство и трудъ будетъ гарантированъ. Рабочій классъ пріобрѣтетъ заразъ около 5,000,000,000 процентовъ, которые платитъ теперь съ 10 милліардовъ своего производства плюсъ 5 милліардовъ, которые онъ теряетъ теперь вслѣдствіе того же процента, оставаясь безъ работы, и плюсъ еще 5,000,000,000, которые принуждены будутъ производить лица,

оставшіяся до сихъ поръ праздными. Ясно ли теперь, что не увеличеніе капиталовъ, какъ увѣряетъ Бастіа, понижаетъ процентъ, а едва ли не на оборотъ пониженіе процента способствуетъ увеличенію капиталовъ. Но все это не нравится банку. Вмѣсто того, чтобы довольствоваться 4% съ капитала 90,000,000, онъ предпочитаетъ обогащать своихъ акціонеровъ на счетъ нищеты 34,000,000 людей, населяющихъ Францію. Какъ прикажете назвать все это? Я укажу еще на одно обстоятельство: сумма звонкой монеты, обращающейся у насъ, не превышаетъ, какъ обыкновенно думаютъ, 1 милліарда франковъ. Считая по 4%, получимъ 40,000,000, которые народъ по настоящему долженъ бы былъ платить за пользованіе этой звонкой монетой. Спрашивается, почему же вмѣсто 40,000,000, мы платимъ 1,600,000,000 за наемъ означеннаго капитала, что составитъ 160% со 100? Это невозможно, скажетъ Бастіа... Но я повторяю уже нѣсколько разъ, что онъ ровно ничего не смыслитъ въ политической экономіи. Вотъ факты, которые конечно ему также неизвѣстны. Сумма ипотечныхъ долговъ по самымъ точнымъ свѣдѣніямъ равняется во Франціи 12,000,000,000
Индустріальныхъ и коммерческихъ кредитовъ . 8,000,000,000
Государственный долгъ 8,000,000,000

всего 28,000,000,000

которые страна должна капиталисту. Всѣ эти долги произошли вслѣдствіе денежныхъ займовъ по 4, 5, 6 и т. д. до 15%. Я беру за среднее 6%; и тогда съ 20 милліардовъ получимъ 120 милліоновъ; а придавъ къ нимъ 400 милліоновъ процентовъ за государственный долгъ, получимъ всего 1,600 милліоновъ ежегоднаго процента, уплачиваемаго за капиталъ въ 1 милліардъ. Спрашивается, какимъ же образомъ весь этотъ долгъ, заключенный по 6%, превратился въ 160 процентный? Это я вамъ объясню

сію минуту. Вы знаете конечно, что приносящій доходъ капиталъ является преимущественно въ двухъ видахъ: или въ видѣ недвижимости, или въ видѣ денегъ. Это капиталъ по преимуществу, т. е. капиталъ, который нанимается, заставляетъ за себя платить и производитъ всѣ финансовыя чудеса, совершающіяся въ банкахъ и биржахъ—въ этихъ лабораторіяхъ роста. Но деньги обладаютъ при этомъ особымъ свойствомъ: они не теряютъ цѣны отъ употребленія и при томъ служатъ только знакомъ для обмѣна, — это не болѣе какъ вексель, имѣющій всеобщій курсъ. Когда я занимаю деньги, я занимаю черезъ это въ сущности ничто иное, какъ возможность обмѣнять мой будущій продуктъ. Разъ сдѣлка заключена, обмѣнъ совершенъ и деньги тотчасъ же получаютъ возможность послужить точно также для другаго обмѣна. Можно ли поэтому, имѣя въ виду, что деньги служатъ средствомъ обмѣна продуктовъ, сказать, что уплачиваемый, за пользованіе деньгами процентъ относится не столько къ деньгамъ, сколько къ обмѣниваемымъ при посредствѣ ихъ продуктамъ или капиталамъ и, слѣдовательно, отсюда предположить, что означенный выше 1 милліардъ 600 милліоновъ процентовъ за 1 милліардъ монетой представляетъ въ дѣйствительности наемную плату за 25 или 30 милліардовъ капиталовъ? Подобное предположеніе невозможно и вотъ почему: я васъ спрашиваю, гдѣ причина, по которой дома и земли нанимаются, а не обмѣниваются? Причина эта въ деньгахъ, которые являются посредствующимъ агентомъ во всѣхъ сдѣлкахъ, какъ орудіе обмѣна. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы платимъ, стало быть, за услугу, оказываемую деньгами. А такъ какъ съ другой стороны мы видѣли, что капиталъ французскаго банка въ 90,000,000 не долженъ приносить въ сущности болѣе $^3/_4$%, то очевидно, что 1,600 милліоновъ процентовъ, платимыхъ народомъ своимъ ростовщикамъ, банкирамъ и рентьерамъ, уплачиваются собственно за наемъ

1 милліарда звонкой монеты. Вотъ почему я утверждаю, что мы могли бы удвоить производство и сдѣлать вчетверо лучше положеніе рабочаго въ 24 часа простой реформой банка безъ диктатуры, комунизма, фаланстеровъ и Икаріи. Для этого достаточно было бы какихъ нибудь 12 статей закона, простаго признанія того факта, что французскій банкъ вслѣдствіе одного увеличенія своей кассы, сталъ банкомъ національнымъ и слѣдовательно долженъ кредитовать отъ имени и на счетъ націи, а % понизить до $^3/_4$ со 100. Этимъ было бы сдѣлано три четверти дѣла."

На все это Бастіа не далъ никакого опроверженія, онъ просто отказался вовсе разсуждать о банкѣ на томъ основаніи, что будто бы существованіе французскаго банка основано на монополіи и привилегіи, которую онъ никогда не оправдывалъ, которая противна теоріи экономистовъ, признающихъ вездѣ и во всемъ свободу конкурренціи. Онъ забылъ, что рѣчь шла не столько о свободѣ конкурренціи или привилегіи, сколько о возможности понизить для французскаго банка процентъ до $^3/_4$%. Отвергая монопольное основаніе французскаго банка и требуя конкурренціи, Бастіа долженъ былъ дать отвѣтъ, могъ ли бы банкъ достичь означеннаго пониженія процента въ случаѣ уничтоженія его привелегіи, и этого отвѣта онъ не далъ.

Прудонъ повелъ разсужденія еще далѣе; выяснивъ довольно отчетливо уже свою мысль примѣромъ французскаго банка, онъ обратился къ самымъ банковымъ счетамъ, къ бухгалтеріи, но прежде еще онъ возвратился къ понятію о капиталѣ для того, чтобы предварительно указать на ту путаницу, которая существуетъ между экономистами относительно самыхъ основныхъ понятій, и опредѣлить по своему понятіе о капиталѣ. „Экономисты опредѣляютъ понятіе о капиталѣ, сказалъ онъ, различно: Сэ, называетъ капиталомъ простое накопленіе продуктовъ; Росси,—сбереженный продуктъ и назначенный для даль-

нѣйшаго производства; Гарнье, называетъ имъ скопленный трудъ, — что совпадаетъ съ опредѣленіемъ Сэ—накопленіе продуктовъ. Впрочемъ Гарнье выражается болѣе точно въ другомъ мѣстѣ: „подъ капиталомъ, говоритъ онъ, нужно разумѣть сумму цѣнностей, назначенныхъ для производства". „По моему же мнѣнію капиталъ ничто иное, какъ излишекъ или остатокъ непотребленнаго продукта и назначенный для дальнѣйшаго производства". „Далѣе онъ замѣчаетъ, что въ опредѣленіе капитала должно входить понятіе и о ссудѣ. Но что такое ссуда? — „Ссуда есть такая цѣнность, которая должна быть съизнова возстановлена".—Такъ говоритъ Гарнье, и я полагаю, пишетъ Прудонъ, что читатель не далеко уйдетъ съ этимъ объясненіемъ. Попробуемъ помочь экономистамъ".

„Изъ этихъ разнорѣчій очевидно, что понятіе о капиталѣ остается неяснымъ для экономистовъ и большинство нашихъ читателей должно узнать, что политическая экономія—наука, по увѣреніямъ политико-экономовъ и въ томъ числѣ и васъ, положительная, реальная, точная, еще только пріискиваетъ свои опредѣленія".

„Гарнье, потерявъ надежду выяснить капиталъ словами, пробуетъ показать его: „Это продукты, говоритъ онъ, какъ то: товары, орудія, строенія, скотина, монета, сырье и пр., служащія для дальнѣйшаго производства".

„Изъ всѣхъ этихъ опредѣленій можно только заключить, что всѣ они ощущаютъ нѣчто, носящее названіе капитала; но они безсильны опредѣлить это нѣчто, они просто не знаютъ, какъ взяться за дѣло. Сквозь всѣ ихъ объясненія проглядываетъ мысль имъ всѣмъ общая; но они не умѣютъ выяснить эту мысль, не умѣютъ высказать ее, формулировать".

„Прежде всего нужно замѣтить, что понятіе о продуктѣ

явно или скрытно находится во всѣхъ опредѣленіяхъ капитала.— Вотъ уже первый шагъ. Но при какихъ условіяхъ, какъ и когда продуктъ можетъ назваться капиталомъ? Вотъ что нужно опредѣлить. Вернемся съизнова къ опредѣленіямъ экономистовъ и, можетъ быть, поправляя ихъ, мы заставимъ ихъ наконецъ назвать то, что у всѣхъ у нихъ лежитъ на совѣсти и что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи опредѣлить".

„По Сэ капиталъ есть простое скопленіе продуктовъ.— Значитъ, здѣсь въ опредѣленіе капитала входитъ понятіе о накопленіи. Вотъ уже второй шагъ. Затѣмъ, всѣ продукты способны скопляться,—значитъ всѣ продукты могутъ сдѣлаться капиталами; такимъ образомъ Іосифъ Гарнье сдѣлалъ неполное исчисленіе всѣхъ формъ капитала, уже потому неполное, что оно выключаетъ продукты, служащіе для непосредственнаго потребленія, какъ то: хлѣбъ, вино, вообще провизію и пр. Всѣ эти продукты могутъ быть точно такими же капиталами, какъ и строенія, орудія, скотъ, деньги и все, что считается орудіемъ или сырьемъ. Согласно Росси капиталъ есть сбереженный продуктъ, назначенный для дальнѣйшаго производства".

„Слѣдовательно назначеніе продукта для дальнѣйшаго производства есть еще третье понятіе, входящее въ опредѣленіе капитала. Продуктъ, накопленіе, дальнѣйшее производство вотъ три понятія, входящія въ опредѣленіе капитала. Всѣ продукты однако, не исключая и непосредственно потребляемыхъ, могутъ служить и служатъ дѣйствительно дальнѣйшему производству, разъ они потребляются работникомъ при дальнѣйшемъ производствѣ. Хлѣбъ, съѣдаемый работникомъ, кормъ, питающій скотину, каменный уголь, развивающій паръ, точно также, какъ и земля, телѣги и машины—все это служитъ для дальнѣйшаго производства, все это во время потребленія составляетъ капиталъ,—все, что потребляется производительно или по

крайней мѣрѣ полагается потребляющимся производительно: т. е. все, что приводитъ въ дѣйствіе самыя орудія, все что питаетъ работника и самый обрабатываемый матеріалъ. Такимъ образомъ всякій продуктъ становится капиталомъ въ извѣстную минуту, поэтому совершенно ложна та теорія, которая различая два рода потребленія: потребленіе производительное и потреблсніе непроизводительное, подразумѣваетъ подъ послѣднимъ ежедневное потребленіе хлѣба, вина, говядины, одежды и пр. Мы увидимъ дальше, что только и есть одно непроизводительное потребленіе—это потребленіе самого капиталиста".

„И такъ капиталъ вовсе не есть вещь самобытная, какъ земля, трудъ или продуктъ, а вещь условная. Капаталъ вовсе не состовляетъ четвертую категорію вмѣстѣ съ землею, трудомъ и продуктомъ: онъ просто означаетъ извѣстное положеніе, отношеніе, въ которое можетъ быть поставленъ всякій продуктъ. Это по признанію всѣхъ писателей—скопленный продуктъ, назначенный для дальнѣйшаго производства".

„Еще шагъ и мы наконецъ доберемся до окончательнаго опредѣленія капитала".

„Какимъ образомъ продуктъ становится капиталомъ? Для этого вѣдь недостаточно одного только простаго скопленія продукта, не достаточно даже того, чтобъ онъ былъ предназначенъ для потребленія—потому таково назначеніе всѣхъ продуктовъ. Вѣдь всякій день приходится слышать, что промышленность изобилуетъ продуктами и въ тоже время нуждается въ капиталахъ? Жалобъ этихъ не было бъ конечно, еслибъ подъ капиталомъ слѣдовало подразумѣвать простое скопленіе продуктовъ, по выраженію Сэ, или сбереженный продуктъ, назначенный для дальнѣйшаго производства, по мнѣнію Росси. Тогда бы каждый производитель могъ брать самъ у себя съизнова въ кредитъ для дальнѣйшаго производства продуктъ, и такъ безъ

конца. А потому слѣдуетъ разсмотрѣть еще, при какихъ условіяхъ продуктъ можетъ быть капиталомъ? Вотъ этого-то не объясняютъ экономисты, и даже не спрашиваютъ себя объ этомъ".

„Здѣсь-то и должно оказаться посредствующее понятіе, при посредствѣ котораго продуктъ долженъ становиться капиталомъ: понятіе это есть понятіе о цѣнности.—Это и понималъ отчасти только Гарнье, называя капиталъ суммой цѣнностей, назначенныхъ для ссуды дальнѣйшему производству;—это чувствовалъ и самъ Бастіа когда опредѣлялъ капиталъ въ видѣ остатка заработка, не потребленнаго работникомъ, части рабочей платы работника. Изъ всего этого выходитъ, что для того, чтобъ сдѣлаться капиталомъ, продуктъ долженъ пройти цѣлый рядъ посредствующихъ операцій, долженъ быть проданъ, купленъ, оцѣненъ; его цѣна должна установиться легальнымъ порядкомъ. Такъ что понятіе о капиталѣ предполагаетъ неизбѣжно вмѣстѣ съ собою извѣстный соціальный актъ—актъ обмѣна, благодаря которому капиталъ только и становится капиталомъ и внѣ котораго капиталъ остается только продуктомъ. Такъ, напримѣръ, кожа, выходящая изъ бойни, должна быть продуктомъ мясника: еслибъ вы ею наполнили цѣлый сарай, она все бы оставалась только продуктомъ и не была бы капиталомъ. Но разъ она куплена кожевникомъ для выдѣлки, она уже становится капиталомъ. Обработанная кожевникомъ, она съизнова становится продуктомъ. Затѣмъ она снова становится капиталомъ черезъ покупку ея сапожникомъ, и наконецъ, превращаясь въ сапоги, снова становится продуктомъ, который, будучи купленъ работникомъ, превращается опять въ капиталъ... служащій работнику для отправленія работъ, точно также, какъ и дома, въ которомъ живетъ работникъ, или орудія, которыми онъ трудится. Потребленіе, стало быть, равносильно производству; для этого нужно только, чтобы потребитель въ то же время работалъ."

„Такимъ образомъ всякая вещь становится послѣдовательно продуктомъ и капиталомъ, только переходя изъ рукъ въ руки, оцѣниваясь и обмѣниваясь. Безъ этого обмѣна, и слѣдовательно оцѣнки, нѣтъ капитала. Если бы мы представили все производство, исправляемое всего однимъ человѣкомъ, то для него не было бы капитала, а были бы только продукты. Капиталъ есть категорія чисто общественная, являющаяся вслѣдствіе обмѣна и означающая, въ противоположность простому продукту, взаимныя отношенія, въ которыя лица обмѣнивающіяся ставятъ другъ друга“.

„Понятно отсюда, что понятіе капитала, вытекая изъ частныхъ коммерческихъ отношеній возможно только въ отношеніяхъ между частными лицами; что же касается цѣлаго общества, то оно должно быть разсматриваемо какъ коллективная единица, какъ такой единичный работникъ и потребитель, для котораго не можетъ существовать различія между продуктомъ и капиталомъ“.

„Правъ былъ поэтому Дюшенъ, когда говорилъ Луи-Блану: „Знайте навсегда, что различія капитала отъ продукта выражаютъ только взаимныя отношенія, въ которыя становятся между собою лица. Механикъ производитъ капиталы для желѣзныхъ дорогъ, плотникъ для столяра, и т. д. Между тѣмъ всѣ они производятъ въ сущности только продукты, и всякій продуктъ, переходя изъ рукъ въ руки, можетъ стать капиталомъ“.

„Мы знаемъ теперь, что такое капиталъ; остается сдѣлать отсюда нѣсколько примѣненій по отношенію къ вопросу о процентѣ“.

„Изъ приведенныхъ объясненій слѣдуетъ, что продуктъ получаетъ значеніе капитала только въ случаѣ обмѣна, но этого еще все-таки въ сущности мало; если мы будемъ просто обмѣнивать, мы получимъ еще только простое перемѣщеніе продукта изъ

одного мѣста въ другое. Обмѣнъ, о которомъ идетъ рѣчь, предполагаетъ еще кромѣ того оцѣнку или уравненіе обмѣниваемыхъ продуктовъ въ отношеніи къ ихъ цѣнности".

„Теперь, такъ какъ всѣ производители находятся въ постоянныхъ отношеніяхъ обмѣна другъ съ другомъ, и такъ какъ обмѣны регулируются цѣной вещей, которая и выражаетъ ничто иное, какъ уравненіе обмѣновъ, то ясно, что вслѣдствіе этого экономическая жизнь общества могла бы быть выражена балансомъ между производствомъ и потребленіемъ, въ которомъ всѣ частные счеты должны уравновѣшивать другъ друга; внѣ такого равновѣсія, политическая экономія, общественное благополучіе и спокойствіе становятся пустымъ словомъ. Но такого равновѣсія мы не имѣемъ въ настоящее время, и оно нарушается, въ въ числѣ прочихъ причинъ, между прочимъ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находится процентъ".

„Посмотримъ, откуда происходитъ такое нарушеніе".

„Сэ и Бастіа намъ сказали, что при всякомъ обмѣнѣ продукты обмѣниваются на продукты. Теоретически это вѣрно, но практически не совсѣмъ".

„Никто изъ производителей не отказывается, конечно, говоря отвлеченно, отъ чужаго продукта, но въ частныхъ случаяхъ большею частью случается такъ, что производитель готовъ отдать свою вещь, но онъ или вовсе или въ ту же минуту не нуждается въ вашемъ продуктѣ. Для того, чтобы сдѣлать возможнымъ въ такомъ случаѣ обмѣнъ, оказывается необходимость въ посредствующемъ продуктѣ, такомъ продуктѣ, который бы съ охотой былъ принятъ всегда и всякимъ производителемъ, словомъ, покупалъ всѣ вещи—этотъ продуктъ и есть деньги. Такъ какъ въ деньгахъ всѣ поэтому нуждаются, а количество ихъ ограниченно, то мы по неволѣ платимъ въ томъ случаѣ, когда не можемъ пріобрѣсти ихъ прямо на нашъ продуктъ, капиталисту или банкиру,

который ссужаетъ насъ ими за извѣстную премію или учетъ. Учетъ этотъ состоитъ изъ двухъ элементовъ: изъ платы за коммиссію, или трудъ банкира, и изъ процента. И вотъ я утверждаю, что всякій обмѣнъ продуктовъ можетъ совершаться безпроцентно, если онъ будетъ совершаться безъ посредства металлическихъ знаковъ, что изъ двухъ составныхъ частей учета большая отпадетъ и останется въ ходу лишь плата за коммиссію банкиру".

„Затѣмъ Прудонъ приводитъ примѣры балансовъ, въ которыхъ долженъ выразиться результатъ коммерческихъ операцій, смотря по тому, будетъ ли это общество держаться процентной или безпроцентной системы."

„Назовемъ всѣхъ капиталистовъ чрезъ A, а всѣхъ работниковъ означимъ, говоритъ Прудонъ, буквами B, C, D, E, F, G, H, I, K, L, тогда счетъ капиталиста A будетъ слѣдующій:"

„Операція начинается съ капиталомъ въ 10,000 фр. Касса, стало быть, должна капиталисту A 10,000 фр. Эти 10,000 фр. капиталистъ истратитъ на производство продукта, стоимость котораго, стало быть, будетъ равна въ работѣ тѣмъ же 10,000 фр., причемъ на каждаго работника придется по 1,000 фран. Затѣмъ капиталистъ продастъ выработанный продуктъ, но конечно съ выгодой; эту выгоду примемъ въ 10%."

„Спрашивается, кому же продастъ капиталистъ продуктъ? Конечно тѣмъ же работникамъ, потому что работники B, C, D, и т. д. составляютъ все общество, кромѣ капиталиста A. Итакъ капиталистъ A, купившій продуктъ у работниковъ, въ формѣ работы, за 10,000 фр., продастъ тотъ же продуктъ тѣмъ же рабочимъ за 11,000 фр. Такова система процентная. Посмотримъ теперь другую: предположимъ, что французскій банкъ понизилъ процентъ до 1%."

„Тотъ же работникъ B обращается теперь въ банкъ и получаетъ ту же сумму, какую долженъ былъ истратить на его долю

для производства такого же продукта прежде капиталистъ A, т. е. 1,000 фр., а за учетомъ 1% 990 фр".

„То же дѣлаютъ конечно и остальные работники C, D, E, и т. д. Они обращаются теперь къ тому же капиталисту A, обладателю матеріаловъ и орудій производства, и покупаютъ у него этотъ матеріалъ, покупаютъ на наличные банковые билеты и потому покупаютъ тѣмъ дешевле. Работа пошла въ ходъ. — Всякая же работа въ концѣ должна принести какой либо избытокъ, увеличить сумму цѣнностей противъ тѣхъ, которыя пошли въ работу; положимъ его въ 10%; въ результатѣ каждый работникъ вмѣсто 1,000 фр. получитъ стало быть 1,089 фр., а всѣ десять работниковъ вмѣстѣ, получивъ изъ банка билетовъ на сумму 9,900 фр., будутъ имѣть въ рукахъ цѣнностей въ концѣ операціи на 10,890 фр".

„Итакъ, заключилъ Прудонъ, мы видимъ теперь разницу при системѣ взаимнаго кредита, которую я защищаю: средства работника возрастаютъ прямо пропорціонально производительности его труда, всякій новый годъ труда кладетъ новый придаточный грошъ къ его прежнему достатку, и въ то же время на столько же уменьшается достатокъ ничего не производящаго капиталиста. Напротивъ, при системѣ личнаго кредита, работникъ очевидно не въ состояніи каждый разъ вновь купить того самаго продукта, который онъ произвелъ, и потому его достатокъ долженъ столь же неминуемо сокращаться".

Отвѣтъ на все это со стороны Бастіа былъ тотъ, что онъ наконецъ понялъ чего хочетъ Прудонъ, понялъ его систему, что весь секретъ дароваго кредита Прудона состоитъ въ системѣ ассигнацій, въ безграничномъ выпускѣ ассигнацій. Въ томъ, что французскій банкъ перестанетъ быть банкомъ частной компаніи, а станетъ народнымъ банкомъ, не придавъ ни одного лишняго билета къ тѣмъ, которые онъ по сіе время пустилъ уже въ

обращеніе, Бастіа видѣлъ безграничный выпускъ ассигнацій; въ томъ что, барыши или проценты поступающіе нынѣ въ дивидендъ частной компаніи акціонеровъ, представляющей французскій банкъ, будутъ раздѣляться между кліентами черезъ пониженіе учета, въ этомъ Бастіа видѣлъ источникъ депреціаціи банковыхъ билетовъ. Прудонъ былъ вправѣ сказать послѣ этого, что Бастіа ничего ровно не понимаетъ самъ въ тѣхъ началахъ науки, которыя думаетъ отстаивать. Его слѣдовало заставить понять сперва, что такое депреціація и откуда она можетъ проистекать. Депреціація по банальному пониманію проистекаетъ отъ чрезмѣрнаго выпуска денежныхъ знаковъ — будетъ ли это звонкая монета и бумажные знаки, это рѣшительно все равно, денежный знакъ упадетъ въ цѣнѣ въ томъ и другомъ случаѣ одинаково. Мы не можемъ только производить звонкой монеты по произволу, и одна эта естественная причина воздерживаетъ звонкую монету отъ переполненія ею рынка, и слѣдовательно депреціаціи. Но мы можемъ сколько угодно фабриковать бумажекъ, вотъ почему бумажные денежные знаки такъ легко увеличиваются сверхъ должнаго предѣла и падаютъ въ цѣнѣ.—Что же означаетъ въ переводѣ на экономическій языкъ чрезмѣрный выпускъ денегъ и ихъ депреціація?...

Изъ предъидущихъ объясненій явствуетъ, что бумажные знаки или монета играютъ при закупкахъ или продажахъ, словомъ въ обращеніи, совершенно тождественную роль. Покупаемъ ли мы на звонкую монету или на кредитный знакъ, въ обоихъ случаяхъ актъ, нами совершаемый, одинъ и тотъ же, мы кредитуемся,— взамѣнъ получаемой нами вещи даемъ продавцу не такую же вещь, а право по предъявленіи денежнаго знака получить въ будущемъ равноцѣнную вещь. Что же означаетъ теперь чрезмѣрный выпускъ денежныхъ знаковъ? Значитъ это только то, что мы выдаемъ или выпускаемъ на себя гораздо болѣе кредитовъ,

чѣмъ можемъ, по предъявленіи означенныхъ кредитовъ, къ удовлетворенію поставить продукта или вещей—значитъ это только то, что страна кредитуетъ себѣ на большую сумму, чѣмъ она можетъ поставить продукта, болѣе обѣщаетъ, чѣмъ можетъ сдѣлать. Понятно ли теперь, почему въ такомъ случаѣ должна падать цѣнность денегъ, и очевидно ли, до какой степени должна упасть эта цѣнность? Предѣломъ упадка ихъ должна въ каждомъ случаѣ служить мѣра производительности или количество продукта, которое въ состояніи поставить общество для потребленія. Разъ сумма взаимныхъ кредитовъ превыситъ эту мѣру, курсъ неизбѣжно понизитъ номинальную сумму этихъ кредитовъ до означенной мѣры, и вотъ все объясненіе упадка курса кредитныхъ знаковъ.

Но вотъ еще послѣдній вопросъ: что же служитъ гарантіей или основаніемъ общественнаго кредита—металическій ли фондъ, лежащій въ кассахъ банка?—нѣтъ, очевидно. Гарантія кредита оказывается въ послѣднемъ счетѣ вовсе не въ кассахъ банка, а въ народномъ производствѣ — народномъ трудѣ и наличномъ продуктѣ, металлическій фондъ служитъ только свидѣтелемъ тото, что народное производство ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ниже банковой металлической кассы, ибо какъ бы велика ни была банковая металлическая касса, она всегда представляетъ только малую долю звонкой монеты, обращающейся въ обществѣ, и слѣдовательно только малую долю тѣхъ кредитовъ, уплата которыхъ продуктомъ всегда обезпечена народнымъ производствомъ. Поэтому-то банкъ всегда находитъ возможность выпускать значительное количество бумажныхъ знаковъ, непокрываемыхъ его кассой. Экономисты полагаютъ обыкновенно, что металлическій фондъ долженъ покрывать обыкновенно по крайней мѣрѣ $^1/_3$ кредитныхъ знаковъ банка, но послѣ сказаннаго ясно что такая мѣрка, предлагаемая экономистами, вовсе не мѣрка,

а только примѣта; настоящая же мѣра количества обращающихся знаковъ, металлическихъ или кредитныхъ, одна — это отношеніе между размѣромъ народнаго производства, пускаемаго въ обмѣнъ и количествомъ оборотовъ совершаемыхъ среднимъ числомъ каждой единицей монеты, и нормальное количество бумажныхъ знаковъ, выраженное математическимъ языкомъ есть функція отъ двухъ перемѣнныхъ, отъ суммы товаровъ выносимыхъ на рынокъ и отъ быстроты обмѣновъ.

Когда наши статистики достаточно разработаются и усовершатся, до того, что въ состояніи будутъ съ приблизительной точностью измѣрять итоги народнаго производства, тогда мы въ состояніи будемъ съ научной точностью опредѣлять и размѣръ народнаго взаимнаго кредита и сумму кредитныхъ знаковъ, на которую можетъ взаимно кредитоваться страна, не вызвавъ депреціаціи. Во всякомъ случаѣ очевидно, что какъ для народнаго банка, такъ и для банка частной компаніи законъ депреціаціи одинъ и тотъ же. Оба могутъ орудовать до извѣстной степени безъ посредства металлическихъ знаковъ, кредитовать народное производство на ту сумму продуктовъ, которую можетъ поставить страна для потребленія по востребованію; разница между ними лишь та, что въ концѣ года страна произведетъ извѣстный излишекъ продукта противъ того, какое она имѣла въ началѣ года и этотъ-то излишекъ въ случаѣ частнаго банка упадетъ въ руки частныхъ акціонеровъ въ видѣ процента, въ случаѣ банка взаимнаго кредита—въ руки также своихъ акціонеровъ; но какъ акціонерами въ послѣднемъ случаѣ сдѣлаются всѣ производители, то излишекъ этотъ и упадетъ въ руки всѣхъ производителей и выразится пониженіемъ процента.

Вотъ какихъ объясненій требовали послѣднія замѣчанія Бастіа о томъ, что Прудонъ проповѣдуетъ систему ассигнацій, но Прудонъ не счелъ болѣе нужнымъ ихъ сдѣлать; вмѣсто того, онъ

сдѣлалъ сводъ всего спора, повторилъ вкратцѣ все, что онъ написалъ самъ въ этомъ спорѣ, и свелъ во едино всѣ отвѣты Бастіа и отсюда вывелъ только теперь, пунктъ за пунктомъ, что Бастіа просто положительно не понималъ того, что писалъ ему Прудонъ въ теченіи всего спора, и объявилъ Бастіа человѣкомъ можетъ быть очень честнымъ, но совершенно мертвымъ для разсужденія.

Этотъ послѣдній отвѣтъ появился уже тогда, когда Прудонъ былъ арестованъ.

Читатель, можетъ быть, ближе видитъ теперь, почему Прудонъ взялся за кредитную систему, какъ за одно изъ средствъ начать немедленное исправленіе рабочаго дѣла.

Но это была только одна часть его политической программы, та, которая была обращена противъ экономической рутины. Такъ спорилъ онъ съ экономистами во имя тѣхъ же началъ, которыя признавали они сами. Но какъ вся система его враждовала вообще съ обоими лагерями, такъ и политическая программа его теперь имѣла свою сторону, которая была обращена противъ соціалистовъ. Особенно дѣятельно возставалъ онъ противъ Луи-Блана. Какъ экономистъ, въ сущности разошедшійся съ экономистами либеральной школы только потому, что онъ глубже вникъ и повелъ далѣе ихъ свои заключенія, отправляясь съ ними отъ однихъ и тѣхъ же началъ, Прудонъ стоялъ за экономическую свободу и считалъ принципъ невмѣшательства цѣннымъ пріобрѣтеніемъ исторіи. Ушедши далѣе экономистовъ по вопросу о кредитѣ, цѣнности и обмѣну, вопросу чисто экономическому, онъ и тутъ повелъ далѣе и рѣшительнѣе экономистовъ ихъ теорію невмѣшательства. Онъ не могъ примириться поэтому съ системой устройства труда и освобожденія рабочаго путемъ диктатуры и правительственнаго вмѣшательства, съ устройствомъ ассоціацій по семейному началу и по иниціативѣ госу-

дарства. Онъ думалъ напротивъ, что естественный ходъ вещей долженъ состоять въ перемѣщеніи политическаго центра тяжести изъ государства въ общество, и доводилъ принципъ невмѣшательства самымъ строгимъ образомъ до послѣднихъ результатовъ заключая всю публичную дѣятельность въ предѣлы общества. Въ этомъ смыслѣ онъ предлагалъ Луи-Блану открыть такую же полемику въ „Voix du Peuple“, какую онъ велъ съ Бастіа по вопросу о кредитѣ, но Луи-Бланъ не принялъ предложенія. Съ самаго начала движенія у Прудона образовалась такимъ образомъ своя система воззрѣнія, свой планъ реформы, противоположный тѣмъ, которые были въ ходу, планъ основанный на абсолютномъ недовѣріи къ политическимъ средствамъ, въ то время, какъ всѣ остальные дѣятели разсчитывали именно на политическія средства, на средства деспотическія. Прудонъ доказывалъ съ самаго начала, что люди, которые берутся за политическія средства, обновляютъ только такъ или иначе ту систему вмѣшательства, дискредитированіе которой, стоившее столько времени и трудовъ, должно было бы быть прежде всего дорого всѣмъ понимающимъ дѣло, — во имя какихъ бы цѣлей, съ какими бы намѣреніями люди, называющіе себя людьми прогресса, ни прибѣгали къ этой системѣ. Прудонъ утверждалъ, что они этимъ помогутъ только политической узурпаціи, подготовятъ дорогу честолюбцамъ и возвратъ имперіи, и что порядокъ можетъ водвориться и окончательно устроиться только на основахъ невмѣшательства. Такимъ образомъ онъ одинъ въ своихъ печатныхъ органахъ „le Peuple, le Représentant du Peuple“ и въ „Voix du Peuple“ протестовалъ одинаково противъ всѣхъ передовыхъ руководителей реформы, предсказывая тотъ исходъ, къ которому они должны привести дѣло реформы, опираясь на политическія средства и систему протекціонизма—исходъ, который и подтвердили несомнѣнно факты. Для того, чтобы

дѣло реформы могло быть выиграно, думалъ онъ, прежде всего реформа должна имѣть свой готовый и обдуманный планъ; а такое всеобщее воззваніе къ системѣ политическаго вмѣшательства служило въ его глазахъ лучшимъ доказательствомъ, что весь планъ реформаторовъ ограничивался стремленіемъ къ захвату власти безъ готоваго дальнѣйшаго плана реформы. Реформа, чтобы быть прочной, должна вести къ водворенію такихъ отношеній, которыя бы не нуждались для своего поддержанія во внѣшней силѣ — ибо сила, ихъ поддерживающая, должна находиться въ нихъ самихъ, во всеобщей выгодности, въ нормальности этихъ отношеній. Внѣшняя же сила можетъ быть нужна для поддержанія лишь такого порядка, который не можетъ держаться самостоятельно, и для такихъ отношеній, которыя должны распасться, разъ они не будутъ поддерживаться насильственно. Такими отношеніями онъ считалъ одинаково какъ систему, отъ которой отправлялась реформа, такъ и ту систему ассоціацій, къ которой она обѣщала придти въ своемъ результатѣ. Та и другая, система буржуазная и система Луи-Блана, какъ системы насильственныя, доказывали Прудону только безсиліе реформаторовъ; доказывали, что у нихъ нѣтъ въ виду тѣхъ окончательныхъ формулъ, благодаря которымъ отношенія могли бы прочно установиться и поддерживаться сами собою безъ протекціонизма и посторонней поддержки, что вся такъ называемая система ихъ есть не болѣе, какъ въ торопяхъ—и вслѣдствіе положительнаго незнанія, что слѣдуетъ дѣлать и какъ дѣлать—схваченное другими руками знамя осужденной рутины. Это-то отсутствіе системы и знанія что дѣлать на другой день побѣды, отсутствіе напередъ обдуманнаго плана реформы — губило постоянно, говоритъ Прудонъ, всѣ наши революціи.

„Съ тѣхъ поръ, какъ я интересуюсь нашей публичной жизнью, писалъ онъ въ „Voix du Peuple“ 7 янв. 1850 г., я не разъ

слышалъ, какъ наши патріоты задавали себѣ вопросъ, что сдѣлаемъ мы на другой день побѣды. Но я долженъ сказать, что я не встрѣтилъ ни одного, который далъ бы на это отвѣтъ. Говорилось: мы будемъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами и такимъ-то образомъ плоды всѣхъ нашихъ переворотовъ были постоянно потеряны для народа. Развѣ Робеспьеръ зналъ до 31 мая 93 года, что онъ сдѣлаетъ по низложеніи Жиронды? Четырнадцать мѣсяцевъ диктатуры было дано ему затѣмъ, чтобы обдумать этотъ вопросъ. Въ это время Карно утвердилъ побѣду, Канбонъ переобразовалъ финансы; наши генералы спасли республику. Одинъ Робеспьеръ, человѣкъ полиціи и утопіи, не зналъ что дѣлать, ничего не сдѣлалъ, ничего не устроилъ".

„Взгляните напротивъ на Бонапарта. Онъ зналъ напротивъ, зачѣмъ возвращался въ Парижъ изъ Египта.—Онъ разгоняетъ представителей народа и послѣ того три милліона голосовъ утверждаютъ его способъ дѣйствія. Либералы знали затѣмъ также къ чему они стремились: ратуя противъ легитимистовъ, они хотѣли конституціонной системы, изъятой отъ примѣси въ нихъ католическихъ и феодальныхъ тенденцій. Въ то время пока іюльскіе республиканцы раздумывали, что имъ дѣлать и заставляли ждать народъ, буржуазія запирала такъ сказать, въ свой сундукъ выгоды побѣды. Въ то время какъ настоящіе побѣдители не знали, что дѣлать, Лудовикъ Филиппъ провозглашался королемъ и демократія была осуждена затѣмъ въ продолженіи 18 лѣтъ конспирировать въ хвостѣ династической оппозиціи. Слѣдовало думать, что покрайней мѣрѣ, что эти восемнадцать лѣтъ научатъ насъ чему нибудь. Ничего не бывало.... Восемнадцати лѣтъ для того, чтобы обдумывать, какъ устроить трудъ, кажется достаточно... Но умы слишкомъ были поглощены политикой и послѣ февральскихъ дней, какъ послѣ іюльскихъ, строители оказались столь же малознающими и мало приготовленными.

*

Циркуляры, рѣчи, въ концѣ концовъ смутное пережевываніе старыхъ конституцій, вотъ и все. Монитеръ заключаетъ въ себѣ всѣ акты временнаго правительства и, кромѣ декрета о всеобщей подачѣ голосовъ, здѣсь нѣтъ ничего, что бы свидѣтельствовало о малѣйшей сознательности. Конституція 4 ноября заключаетъ въ себѣ всѣ плоды конституціоннаго собранія и, кромѣ принципа подвижности и усовершимости конституціи, выраженнаго въ I и III ст., нѣтъ въ нихъ ничего такого, что бы стоило одобренія. Вездѣ результатъ былъ одинъ и тотъ же,—реформаторы появились на минуту съ властью въ рукахъ, чтобы послужить подножкой іезуитамъ и доктринерамъ".

„Что мы будемъ дѣлать на другой день побѣды?" Этотъ вопросъ остается постоянно неразрѣшеннымъ... Дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы вотировать, производить манифестаціи, брать приступомъ отель де-Виль или Тюильери—нужно знать отчетливо, ради чего это дѣлается, что слѣдуетъ дѣлать затѣмъ, нужно словомъ, имѣть планъ и систему дальнѣйшаго дѣйствія. Этого-то плана и этой системы нѣтъ ни у кого; а то, что намъ выдается за такую систему теоретиками въ родѣ Луи Блана, есть не болѣе какъ помѣсь противорѣчій, свобода водружаемая деспотизмомъ—это лучшій предлогъ, лучшая помощь для возврата доктринерства и старой рутины..." Поэтому-то съ своей стороны Прудонъ и предлагалъ какъ новую систему:—1) Устройство кредита и 2) Систему невмѣшательства въ политикѣ, за которой слѣдомъ идетъ реформа налога.—„Мнѣ на это возражаютъ, писалъ онъ, что вся моя теорія есть софизмъ. Спрашиваютъ, что мѣшаетъ системѣ вмѣшательства по плану Луи Блана устроить и блюсти за этимъ даровымъ кредитомъ, который вы предлагаете, чѣмъ отличаются ваши коммерческія камеры, которыя будутъ наблюдать за вашимъ банкомъ, отъ такой системы вмѣшательства, которую защищаетъ Луи Бланъ?" Прудонъ отвѣчалъ, что

система представительнаго избирательства, которую ему противупоставляютъ, система вмѣшательства, существенно разнится отъ системы невмѣшательства или самоуправленія, которую онъ защищаетъ.

„Въ первомъ случаѣ народъ избираетъ извѣстное меньшинство, которому вручаются хозяйственные интересы страны и назначенія чиновниковъ, для того чтобы блюсти за хозяйственными интересами".

„Такая делегація, обособляющая въ средѣ народа особое меньшинство, не составляетъ вовсе необходимости въ хозяйственныхъ дѣлахъ; ибо назначеніе коммерческихъ камеръ, служитъ прототипомъ всѣмъ остальнымъ назначеніямъ, словомъ —вопросъ личнаго состава хозяйственной администраціи, можетъ рѣшаться прямымъ избраніемъ всѣхъ должностныхъ лицъ въ нѣсколькихъ степеняхъ. И такъ какъ при господствующей системѣ раздѣленія труда, всякое хозяйственное занятіе, всякій трудъ можетъ быть разсматриваемъ какъ дѣло публичное; то при предложенной системѣ и всякій работникъ разсматривается какъ должностное общественное хозяйственное лицо, различающееся отъ другихъ только спеціальностью своего занятія... Въ виду такой системы самоуправленія я возражаю противъ системы представительства, потому что первая имѣетъ свойство дѣлать изъ такихъ представителей особое тѣло, у котораго образуются и свои интересы противуположные обществу; а въ силу этихъ особыхъ интересовъ развивается непотизмъ, стремленіе къ увеличенію числа должностныхъ лицъ, недостатокъ налога и государственные долги. Поручите такой системѣ вашъ банкъ и вы увидите, что онъ завтра подыметъ учетный процентъ на тотъ же уровень, на которомъ мы видимъ его и теперь. Вотъ почему я стою за систему невмѣшательства въ народное хозяйственное устройство вотъ почему я протестовалъ противъ устройства хозяйственнаго дѣла путемъ

внѣшнимъ или деспотическимъ, предложеннымъ Луи Бланомъ". Прудонъ, стало быть, стоялъ здѣсь, какъ чистый экономистъ, за ту экономическую свободу, которая была въ принципахъ всѣхъ экономистовъ. Это была та сторона его политической программы, въ которой, въ противуположность соціалистамъ, онъ сходился съ экономистами.

Такая система невмѣшательства или изъятія примѣрно такихъ хозяйственныхъ учрежденій, какъ коммерческихъ, вела Прудона къ вопросу о реформѣ налога и переложеніи всѣхъ расходовъ на этотъ предметъ съ фиска на самое общество. Здѣсь то всего ближе выступаетъ наружу и становится нагляднѣе различіе между Прудономъ и соціалистами и сходство съ экономистами. Въ то время, какъ система первыхъ разсчитывала производить реформы на счетъ фиска — и потому вела прямо къ увеличенію налога и средствъ фиска, Прудонъ вмѣстѣ съ экономистами, проповѣдуя систему невмѣшательства и самоуправленія, долженъ былъ хлопотать о сокращеніи налога, при сокращеніи предметовъ фискальныхъ тратъ, возлагавшихся ими на самое общество. Поэтому-то въ то время, какъ одни стояли за крутыя героическія мѣры—Прудонъ, хлопотавшій болѣе всего за мирныя средства въ дѣлѣ реформы, свелъ весь политическій вопросъ въ дѣлѣ реформы на реформу налога, или еще вѣрнѣе, устранилъ всякій политическій характеръ вовсе изъ вопроса реформы, доказалъ, что реформа ненуждается вовсе не въ какихъ политическихъ средствахъ, а можетъ быть достигнута очень мирными и обыденными способами, ничѣмъ не отличающимися отъ тѣхъ, которыя общество привыкло употреблять въ самыя спокойныя минуты, что общество не почувствуетъ даже вовсе, какъ его хозяйственная система преобразуется къ лучшему и упроститъ всѣ отношенія. Для этого, начатая съ преобразованія французскаго банка, она можетъ сосредоточиться и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи на

той же реформѣ банка. Мы видѣли, какъ при посредствѣ банковой реформы Прудонъ предполагалъ рѣшить вопросъ между рабочей платой и капиталомъ, теперь увидимъ, какъ тѣмъ же путемъ онъ находилъ возможнымъ рѣшить вопросъ налога или вопросъ отношеній между рабочей платой, капиталомъ и налогомъ.

„Налогъ, говоритъ онъ, опредѣляется обыкновенно какъ сумма пожертвованій на общественныя траты; это совершенно вѣрно, но это еще не все. Кромѣ того, что налогъ покрываетъ общественныя траты, онъ имѣетъ другія свойства, которыхъ не слѣдуетъ упускать изъ виду. Въ дѣйствительности фискъ, взимая налогъ для покрытія общихъ тратъ, самой системой взиманія оказываетъ невольное вліяніе на всѣ подробности хозяйственнаго процесса въ обществѣ; налогъ слѣдитъ за всякой сдѣлкой, за всѣмъ, что покупается, потребляется, словомъ, не только беретъ извѣстную часть продукта, но оказываетъ невольное вмѣшательство въ самое производство, участвуетъ невольно въ самыхъ хозяйственныхъ процессахъ, все это благодаря до безконечности дробной и разнообразной системѣ таксъ. — Но это еще не все, эта система разнообразныхъ таксъ усложняетъ естественно и самыя издержки взиманія. Эти издержки достигаютъ у насъ на сумму налога въ 1,400 мил. 200 мил. франк., т. е. берутъ $^1/_7$ всего налога. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы нашлось средство сократить издержки взиманія, издержки, совершенно непроизводительныя, и отыскать такую систему взиманія, которая не была бы сопряжена съ прямымъ вліяніемъ налога на самое направленіе хозяйственнаго производства, то черезъ это налогъ сталъ бы на половину менѣе отяготителенъ для общества, чѣмъ теперь.“

„Можетъ ли же быть отыскана такая система?“

„Остановимся сперва на способѣ взиманія налога. Въ этомъ отношеніи предлагаютъ нынѣ три системы: 1) налогъ на капи-

талъ, защищаемый Жирарденомъ; 2) налогъ на доходъ, предлагаемый Луи Перре и 3) налогъ на коммерческіе или кредитные обороты, предлагаемый Voix du Peuple. Можно доказать, что всѣ эти три вида налога въ теоріи совершенно тождественны. Налогъ на капиталъ допускается конечно въ томъ лишь предположеніи, что каждый капиталъ долженъ приносить доходъ, стало быть, теоретическое сродство этихъ двухъ видовъ налога очевидно. Далѣе, такъ какъ налогъ на капиталъ допускается въ томъ лишь предположеніи, что каждый капиталъ долженъ приносить доходъ, то очевидно, что оба налога разсчитаны въ послѣднемъ счетѣ ни на что иное, какъ на продуктъ, и государство, взимая таксы на доходъ или капиталъ, имѣетъ въ виду собственно не капиталъ, не доходъ, а часть продукта, — какой же продуктъ имѣетъ оно въ виду? Очевидно не тотъ продуктъ, который залеживается въ складахъ, а тотъ, который потребляется и доля котораго переходитъ изъ рукъ въ руки, обращается путемъ обмѣна. Но обмѣнъ или обращеніе продукта совершается обыкновенно при посредствѣ монеты и кредитныхъ знаковъ, стало быть, налогъ падалъ бы самымъ прямымъ, дешевымъ и наименѣе обременительнымъ образомъ на продуктъ, если бы онъ взимался въ формѣ учета банкомъ со всѣхъ коммерческихъ сдѣлокъ и цѣнностей, которыя будутъ предъявляться въ банкъ для обмѣна на звонкую монету или банковый билетъ. Налогъ на капиталы или доходъ превратился бы въ учетъ коммерческихъ цѣнностей въ пользу налога и не стоилъ бы никакихъ издержекъ взиманія. А между тѣмъ налогъ распредѣлился бы съ самой математической равномѣрностью на всѣхъ, даже въ томъ случаѣ, если бы банкъ вмѣсто того, чтобы имѣть десять милліоновъ кліентовъ, былъ всего въ сношеніи съ однимъ лицомъ. Учетъ, взимаемый съ этого лица, распредѣлился бы путемъ дальнѣйшаго обмѣна и распредѣленія продукта равномѣрно на всѣхъ. Превращеніе налога въ

учетъ есть послѣднее слово фискальной науки. Къ сожалѣнію, прибавляетъ Прудонъ, эта форма взиманія въ продолженіи извѣстнаго времени не можетъ еще удовлетворить гигантскимъ тратамъ фиска, тѣмъ болѣе, что пока пониженіе учета не рѣшитъ вопросъ капитала, до тѣхъ поръ нельзя будетъ возвышать учета,—поэтому на первое время нельзя обойтись безъ нѣкотораго эклектизма, будетъ необходимо удержать до извѣстной степени старыя таксы. Но уже и того достаточно, что эти таксы могутъ быть во всякомъ случаѣ сокращены."

„Налогъ, поглощающій вмѣстѣ съ капиталомъ до $^3/_4$ продукта черезъ уничтоженіе учета ради капитала и сокращенія издержекъ взиманія налога, можетъ быть доведенъ до $^1/_5$ общаго продукта и выработки. Но этого мало, такъ какъ выпускъ кредитныхъ знаковъ будетъ предоставленъ банку, и опредѣленіе величины учета также, то банкъ, стало быть, будетъ опредѣлять и величину налога и размѣръ общественныхъ тратъ, и банкъ будетъ находиться подъ вѣденіемъ коммерческихъ камеръ, избираемыхъ народомъ, будетъ учрежденіемъ коммерческимъ общественнымъ, а не фискальнымъ, и потому система вмѣшательства не будетъ имѣть при такихъ условіяхъ ни малѣйшаго мѣста; это будетъ система полнаго хозяйственнаго и финансоваго самоуправленія."

Вся политическая программа Прудона сводилась, какъ вы видите теперь, къ реформѣ банка, она могла быть приведена въ дѣйствіе двумя мирными и обыкновенными декретами, въ которыхъ Прудонъ ее и выразилъ.

Мы приведемъ эти проэкты декретовъ, какъ они напечатаны въ Voix dn Peuple.

ДЕКРЕТЪ О ССУДАХЪ.

1) Французскій банкъ объявляется банкомъ національнымъ. Капиталъ банка и всѣ цѣнности, составляющія активъ компаніи французскаго банка, становятся общественной собственностью.

2) Взамѣнъ компаніи выдаются четырехпроцентныя государственныя ренты.

3) Банкъ управляется совѣтомъ, который состоитъ изъ уполномоченныхъ коммерческихъ камеръ, избираемыхъ гражданами поименованными въ 1 ст. торговаго кодекса. Наблюдательные совѣты въ Парижѣ и департаментахъ избираются коммерческими камерами каждой мѣстности.

4) Управляющій банкомъ въ Парижѣ, директоры въ департаментахъ, равно какъ и начальники кассъ, назначаются тѣми же камерами.

Кромѣ обнародованія настоящаго закона, государство не вмѣшивается ни въ управленія, ни въ дѣла банка вообще.

5) Жалованье назначается управляющему 6000 фр. и директорамъ 4000 фр.; остальнымъ лицамъ соотвѣтственно съ этими нормами.

6) Операціи банка обнимаютъ кредитъ промышленный, торговый и земледѣльческій.

Условія ипотеки и производства прочихъ ссудъ опредѣлятся особымъ закономъ.

7) Размѣръ учета опредѣляется временно для всякаго рода кредитовъ въ 1%, но при краткосрочныхъ ссудахъ означенный размѣръ учета можетъ быть пониженъ до $^1/_4$%, въ обоихъ случаяхъ считая расходы банка.

8) Процентъ, взыскиваемый при ссудахъ подъ ипотеки, опредѣляется въ 5% и взыскивается впередъ.

9) Кредиты выдаются и получаются или банковыми билетами, или звонкой монетой, смотря по желанію занимающихъ. Во всякомъ случаѣ при выдачахъ и уплатахъ звонкой монетой взыскивается банкомъ сверхъ всего 1/4%, какъ наемная плата за цѣнность, требованіе которой становится чистой прихотью.

10) Сумма въ 10 мил. фр. назначается немедленно банкомъ для раздачи работникамъ, которыхъ настоящій законъ застанетъ безъ работы, или которые больше всего пострадали отъ коммерческаго застоя съ 24 февраля 1848 г. Распредѣленіе этой суммы и опредѣленіе условій раздачи будетъ возложено на особую коммиссію.

11) Промышленности и рабочимъ обществамъ будетъ открытъ немедленно кредитъ въ 50 мил. фр. на условіяхъ ежегодныхъ погашеній.

12) Банкъ ведетъ свои дѣла самостоятельно, завися только отъ контроля коммерческихъ камеръ.

13) Существующія постановленія о легальномъ размѣрѣ роста отмѣняются.

ДЕКРЕТЪ О НАЛОГѢ.

1) Налогъ въ размѣрѣ 1% устанавливается съ движимаго и недвижимаго капитала. Изъемлются отъ уплаты означеннаго налога тѣ, капиталъ коихъ ниже 200 фр.

2) Оцѣнка имущества по активу и пассиву производится генеральными и муниципальными совѣтами, при участіи директо-

ровъ, контролеровъ и сборщиковъ налоговъ, подчиненныхъ отнынѣ означеннымъ совѣтамъ.

3) Всякая утайка или ложное показаніе имущества подвергаетъ виновнаго пенѣ.

4) Взысканные налоги вносятся впредь въ національный банкъ, въ которомъ учреждается на этотъ предметъ особое отдѣленіе.

5) Воспрещается кому бы то ни было впредь, кромѣ банка, выпускъ кредитныхъ знаковъ, пріемъ вкладовъ и вообще производство финансовыхъ операцій.

Сохранныя кассы обращаются въ учрежденія банка. Monts de Piété уничтожаются.

6) Банкъ производитъ выдачи правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ не иначе, какъ на основаніи кредитовъ, утвержденныхъ національнымъ собраніемъ.

7) Уничтожаются: налогъ личный и налогъ на движимость.

Налогъ на двери и окна, патентный сборъ.

Транзитная пошлина, штемпельный сборъ.

8) Временно сохраняются за нижеслѣдующими изъятіями.

Поземельный налогъ въ размѣрѣ 1% съ стоимости.

Питейный сборъ въ размѣрѣ 1%.

Сборъ съ сахара въ размѣрѣ 2%.

Налогъ на соль въ размѣрѣ 3 сантимовъ съ килограма.

Крѣпостные пошлины ½%.

За право плаванія по каналамъ и рѣкамъ:

Съ товаровъ 1-го класса 3 сант. съ тона и миріаметра.

„ „ 2-го „ 1 „

Октруа, maximum, 1% сант.

9) Доходъ, опредѣляемый въ 1% учета со всѣхъ цѣнностей,

представляемыхъ къ учету, считается наравнѣ съ налогомъ публичнымъ или доходомъ на общественныя нужды.

10) По мѣрѣ возможности сокращенія или уничтоженія названныхъ налоговъ производятся по представленію коммерческихъ камеръ такъ, чтобы налогъ на обращеніе, взыскиваемый въ видѣ учета, остался современемъ единственнымъ видомъ публичныхъ доходовъ.

11) Всякій кредитъ на публичныя надобности, превосходящій $^1/_5$ часть общихъ доходовъ страны, признается несостоявшимся.

12) Исполненіе настоящаго закона возлагается на муниципальные совѣты и управленіе банка.

Этими двумя проэктами Прудонъ думалъ отвѣтить на два вопроса, рѣшивъ которые, по его мнѣнію, можно было только положить прочное начало реформы. Поставить хозяйственныя дѣла въ нормальныя отношенія къ капиталу и утвердить за ними систему невмѣшательства. Первый декретъ долженъ былъ удовлетворить той сторонѣ его программы, которая была направлена противъ экономистовъ, вторая той, которая была обращена противъ соціалистовъ. Мысль замкнуть всю реформу, рѣшить весь вопросъ несложнымъ преобразованіемъ такого сепаратнаго коммерческаго учрежденія, какъ французскій банкъ, во всякомъ случаѣ поражала смѣлостью и новизной, и указывала на цѣльность системы, которою долженъ былъ обладать ея авторъ. Прудонъ предсказывалъ, что всякій путь который минетъ указываемыя имъ условія, приведетъ возвратъ стараго. Старое дѣйствительно вернулось, факты доказали поэтому, что Прудонъ во всякомъ случаѣ былъ правъ, по крайней мѣрѣ на половину. На сколько онъ былъ правъ вполнѣ, на сколько предлагаемыя имъ мѣры были практи-

чески осуществимы, это читатель можетъ быть будетъ въ состояніи легче рѣшить, когда мы ему разскажемъ тѣ немногіе опыты практическаго примѣненія идей Прудона къ дѣйствительности, которые ему удалось самому сдѣлать и которые только и были подъ силу частному человѣку, лишенному всякой посторонней поддержки.

ГЛАВА III.

Система Луи Блана въ теоріи и практикѣ.—Рабочій вопросъ и временное правит о.—Народный банкъ Прудона. — Общія соображенія и двухъ изложенныхъ системахъ.

Проэктъ финансовой и кредитной реформы въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ предложенъ Прудономъ въ Voix du Peuple, не удостоился серьезнаго вниманія со стороны временнаго правительства. Система, менѣе всего опиравшаяся на правительственную иниціативу, и заключавшая по ея собственному утвержденію всѣ условія осуществимости совершенно инымъ путемъ, частнымъ, помимо всякаго правительственнаго вмѣшательства, должна была искать этого втораго способа для своего осуществленія. Она, какъ мы увидимъ, и сдѣлала довольно рѣшительную попытку въ этомъ смыслѣ. Но пока умы вмѣстѣ съ правительствомъ были отвлечены въ сторону другой системы, планъ которой былъ также очерченъ незадолго до событій сорокъ восьмаго года. Авторъ этой системы, Луи-Бланъ, былъ самъ членомъ временнаго правительства и самымъ виднымъ для народа человѣкомъ изъ небольшаго числа лицъ временнаго правительства, въ которыхъ инте-

ресы рабочаго сословія находили отголосокъ. Система эта оставила по себѣ, какъ извѣстно, довольно сомнительную память, но теперь, когда мы можемъ разсуждать надъ ней совершенно хладнокровно и прослѣдить довольно спокойно за всѣми ея видоизмѣненіями (а сама система эта у самаго Луи Блана прошла, какъ мы увидимъ, нѣсколько различныхъ фазисовъ), когда отчасти вслѣдствіе этихъ измѣненій и дальнѣйшихъ взаимныхъ разъясненій теоретическихъ и практическихъ, на столько уяснились взгляды, что врядъ ли много остается между нами людей проникнутыхъ прежними слѣпыми страхами—намъ остается снять съ этой системы значительную долю лежавшихъ на ней обвиненій, показавъ, что сущность этой системы заключалась вовсе не тамъ, гдѣ ее обыкновенно видѣли, увлекаясь ея первообразной формой.

Разбирая теперь эту систему, даже въ ея первообразной формѣ, мы можемъ убѣдиться, что главная причина ея столь страшной репутаціи была вовсе не въ самой системѣ, а въ томъ времени, въ тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ ей пришлось появиться и дѣйствовать. Она имѣла несчастье появиться въ революціонное время, вводиться революціонномъ правительствомъ, дѣйствовать среди уличныхъ демонстрацій. Эта обстановка оставила на ней надолго тотъ ужасающій революціонный призракъ, котораго въ ней было на столько же, на сколько есть онъ и во всякой отвлеченной системѣ, если начать переносить ее мысленно въ дѣйствительность во всей ея теоретической отвлеченности. Попробуемъ сдѣлать то же самое съ ученіемъ экономистовъ — снимемъ вдругъ таможни, станемъ отмѣнять такъ называемое правительственное вмѣшательство во внутреннихъ дѣлахъ, и мы увѣрены, что съ одной стороны сами экономисты не будутъ знать, гдѣ остановить насъ, гдѣ положить границу вмѣшательства отъ невмѣшательства; съ другой, они сами придутъ въ безпокойство отъ того замѣшательства, которое мы произведемъ въ дѣлахъ.

Все зависитъ, какъ видите, отъ того, чтобы различать крайнюю отвлеченную форму системы, систему въ ея теоретической формѣ, отъ тѣхъ дополненій, той обстановки и того вида, который она должна имѣть на практикѣ.

Всякая отвлеченная идея требуетъ для своего осуществленія своей особой практической формы и своихъ условій; если же эта форма не найдена и средства не отысканы, а за неимѣніемъ ихъ въ воображеніи общества такимъ средствомъ представляется грубая сила, то всякая система, какова бы она ни была, будетъ носить на себѣ революціонный призракъ. Если бы система, Луи Блана поэтому явилась въ иное время и среди иной обстановки, обсуждалась установившимся и прочнымъ правительствомъ, появилась подъ ярлыкомъ реформаторскаго билля, а не подъ флагомъ революціи, то и память, ею оставленная, была бы совершенно иная, мы лучше бы узнали ее и тѣмъ менѣе бы опасались.

Лучшимъ доказательствомъ сказаннаго служить то, что худшая сторона этой системы была удержана, и удержана до сихъ поръ послѣдующимъ правительствомъ, не вселяя особыхъ опасеній,—система изобрѣтать работу для того, чтобы на правительственныя деньги кормить и занимать парижскаго рабочаго, и стягивать туда же работниковъ изъ провинцій, разукрасила и перестроила улицы Парижа: а между тѣмъ правительственное вмѣшательство и покровительство рабочему прославлялось постоянно самымъ больнымъ и опаснымъ началомъ Луи Блановской системы. Теперь нація точно также платитъ на такое же вмѣшательство правительства, только не ради дѣйствительнаго улучшенія быта рабочаго, а на временное предотвращеніе зла.

Система Луи Блана, въ какой бы памфлетной формѣ она ни была выражена, была протестомъ противъ господствовавшей экономической теоріи или отвѣтомъ на одно изъ положеній экономической науки, далеко не главное и существенное, но положе-

ніе, которое стало главнымъ, и въ которое замкнули почти всю экономическую науку французскіе экономисты первой половины настоящаго столѣтія, благодаря тому, что оно льстило повидимому буржуазнымъ тенденціямъ времени—отвѣтомъ на ученіе о конкурренціи.

Если бы этого не было, или если бы экономисты были отчетливѣе въ своемъ ученіи, если бы, защищая конкуренцію и дѣлая изъ нея краеугольный камень всей науки, они потрудились опредѣлить въ какихъ ближайшихъ границахъ, и при какихъ практическихъ условіяхъ конкурренція и невмѣшательство могутъ быть признаны по ихъ мнѣнію за законъ экономическаго развитія, тогда съ самаго начала устранилась бы бездна недоразумѣній. Но экономисты высказывали начало невмѣшательства въ общей отвлеченной формѣ, безъ всякихъ оговорокъ, придавая ему черезъ это тотъ характеръ абсолютности, котораго оно не только не должно, но и не могло имѣть на практикѣ и въ силу этого защищали какъ мы увидимъ ниже вовсе не систему конкурренціи какъ они это воображали, а систему личной спекуляціи и монополіи лица надъ лицемъ.

Теперь всякій пойметъ, что начало здѣсь высказывавшееся въ абсолютной формѣ было ложно, что безусловное невмѣшательство столь же мало можетъ вообще существовать, какъ и безусловное вмѣшательство. Экономисты признавали извѣстныя юридическія имущественныя установленія, стало быть они тѣмъ самымъ признавали и вмѣшательство въ хозяйственныя дѣла, точно также соціалисты, если они и хотѣли регламентировать, то не было между ними школы, которая бы не понимала эту регламентацію различно, и которая допускала бы регламентацію безъ условій. Каждое ученіе предполагало, стало быть, и подразумѣвало извѣстныя границы вмѣшательства и невмѣшательства: на днѣ каждаго таилось столько же вмѣшательства, сколько невмѣшатель-

ства, смѣшивались оба принципа. Можно было спорить поэтому о границахъ того и другаго начала но спорить о самыхъ началахъ было безразсудно, потому что оба начала, допускались обѣими сторонами. Но тогда самыя начала эти переставали быть руководящими началами науки, основными точками опоры каждой системы, а становились тѣмъ, чѣмъ они въ дѣйствительности только могутъ и должны быть, отвлеченнымъ результатомъ или послѣдствіями мѣръ и рѣшеній, указанныхъ практическими указаніями. Ни публицистъ, ни законодатель не были бы стѣснены никакими a priori, заданными условіями; ихъ мнѣніями и дѣйствіями руководило бы не случайное отвлеченное правило, а сама цѣль этихъ дѣйствій, т. е. экономическое улучшеніе. Тогда можно было бы спорить, какъ мы сказали, о примѣненіи вмѣшательства, или невмѣшательства, въ данномъ случаѣ, спорить о границахъ; самое раздѣленіе между ученіями съ этой исчезло бы, какъ оно должно изчезнуть теперь послѣ внимательнаго изученія дѣла.

Но въ томъ-то и дѣло, что безразсудство было сдѣлано съ самаго начала и экономисты, при неизбѣжно скрытыхъ въ ихъ мысляхъ границахъ невмѣшательства, поставили во главѣ своего ученія невмѣшательство въ формѣ отвлеченнаго безусловнаго принципа, сдѣлавъ его любимой темой своихъ разсужденій. При такой крайней и односторонней постановкѣ цѣлой науки, естественно было ждать отпора и естественно было ждать его въ такой же крайней и односторонней формѣ — въ формѣ кассаціи принципа, очевидно неспособнаго выдержать подобную роль. Экономисты обоготворили невмѣшательство и вслѣдствіе этого конкуренцію. Луи Бланъ обоготворилъ вмѣшательство и долженъ былъ начать съ низложенія спекуляціи выдаваемой экономистами за конкурренцію. Чѣмъ одностороннѣе разсуждали его противники, тѣмъ одностороннѣе долженъ былъ онъ оказаться самъ, и въ этомъ вся его вина.

*

Онъ доказывалъ, что эта мнимая конкурренція служитъ бичемъ работника, причиной раззоренія капиталиста, бичемъ двухъ странъ въ торговыхъ международныхъ отношеніяхъ. „Что такое конкурренція для рабочаго, лишеннаго земли, истиннаго капитала, словомъ, средствъ самостоятельнаго труда", спрашивалъ онъ. „У него остается одно достояніе, его трудъ,—что же такое конкурренція для такого изолированнаго труда?—это аукціонъ труда. Три человѣка ищутъ работы, у одного жена и дѣти, у другаго только жена, третій холостъ. Одинъ требуетъ на прожитокъ три франка, другой два съ полтиной, третій два, естественно, что послѣдній одерживаетъ верхъ надъ другими. Результатомъ такой конкурренціи является неизбѣжное пониженіе рабочей платы до крайняго предѣла, вслѣдствіе войны или конкурренціи между рабочими изъ-за средствъ пропитанія, и то убійственное положеніе рабочаго на западѣ, которое знакомо читателю изъ неоднократныхъ описаній самихъ экономистовъ, и которое Луи Бланъ очерчиваетъ рядомъ сценъ и преступленій, надъ которыми мы не станемъ останавливаться. „Эта мнимая конкурренція, далѣе говоритъ Луи Бланъ, раззоряетъ буржуазію т. е. раззоряетъ среднія состоянія и средній классъ, потому что среднія состоянія не могутъ конкуррировать съ большимъ капиталомъ. Главное ея основаніе—это удешевленіе продукта, но это только обманчивое основаніе. Удешевленіе тамъ, гдѣ оно является, продолжается до тѣхъ только поръ, пока большіе капиталы не понизятъ цѣну продукта до того предѣла, за которымъ съ ними больше не будутъ въ состояніи бороться болѣе мелкіе производители, тогда большіе производители убьютъ меньшихъ и конкурренція смѣняется монополіей, которая устанавливаетъ тѣ цѣны, какія заблагоразсудитъ. А между тѣмъ временное удешевленіе успѣетъ вызвать усиленное потребленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ размноженіе населенія, такъ что удешевленіе это въ послѣднемъ счетѣ только усиливаетъ

нищету. Самую же коммерцію конкурренція переполняетъ всѣми рисками и раззореніями азартной игры. Наконецъ та же комерческая конкурренція является источникомъ вражды и постоянныхъ политическихъ столкновеній между Англіей и Франціей.“

Какъ же предотвратить все это зло? Оно есть слѣдствіе конкурренціи, а конкурренція есть слѣдствіе невмѣшательства, стало быть нужно, разсуждалъ Луи Бланъ, перевернуть ученіе экономистовъ на другую сторону, нужно, чтобы правительство вмѣшалось въ эти отношенія, стало во главѣ общественнго хозяйства, устроило его и приняло на себя роль главнаго хозяина и распорядителя въ этомъ дѣлѣ.

„Правительство, писалъ Луи Бланъ, должно стать верховнымъ законодателемъ и администраторомъ производства. Съ этой цѣлью оно должно взимать налогъ, спеціально предназначенный для устройства мастерскихъ, фабрикъ и вообще новыхъ центровъ производства, которые бы замѣнили нынѣ существующія частныя учрежденія этого рода.

„Будучи главнымъ основателемъ такихъ общихъ мастерскихъ, правительство само опредѣляетъ ихъ статуты. Рабочая плата въ такихъ мастерскихъ опредѣляется по занятіямъ, іерархически примѣняясь въ этомъ случаѣ къ существующему въ этомъ отношеніи различію — Личное распредѣленіе рабочихъ по должностямъ на первый годъ дѣлается правительствомъ, на слѣдующее время самими рабочими по выбору. — Чистая прибыль раздѣляется въ концѣ года на три части. Одна раздѣляется по ровну между рабочими мастерской, другая на призрѣніе стариковъ, больныхъ и помощь другимъ мастерскимъ, находящимся въ затруднительномъ положеніи; третья наконецъ на покупку матерьяловъ и орудій, для расширенія производства. Деньги, поступающія къ работнику, поступаютъ въ его полное и произвольное распоряженіе. Капиталисты призываются къ участію въ мастер-

скихъ черезъ взносъ въ нихъ своихъ капиталовъ, на которые имъ гарантируется процентъ изъ доходовъ государства. Въ дальнѣйшихъ выгодахъ предпріятій, они могутъ участвовать только въ качествѣ работниковъ.“

„Допустивъ разъ устройство такихъ мастерскихъ, легко видѣть, продолжаетъ Луи Бланъ, какія отсюда должны выйдти послѣдствія. Во всѣхъ большихъ отрасляхъ производства, какъ то: шелковомъ, хлопчато-бумажномъ, печатномъ и т. д., мы будемъ имѣть центральную мастерскую, съ которой должны будутъ конкуррировать нынѣшнія частныя мастерскія. Но такая борьба съ такимъ производителемъ въ большихъ размѣрахъ, какимъ будетъ правительство, не можетъ быть продолжительной, и частныя предпріятія должны будутъ по неволѣ примкнуть и слиться съ правительственными предпріятіями, работники поступятъ въ правительственныя мастерскія, капиталисты предпочтутъ вложить свои капиталы въ правительственныя предпріятія за вѣрный процентъ. Конкурренція такимъ образомъ убьетъ самую конкурренцію, убьетъ сама себя, съ той лишь еще разницей, что въ настоящее время большой производитель убиваетъ десятки меньшихъ, раззоряя ихъ безъисходно, тогда какъ тутъ, меньшіе предприниматели найдутъ и готовое помѣщеніе своимъ капиталамъ и трудъ— словомъ, всѣ средства отъ раззоренія, —и въ результатѣ дѣла, вмѣсто конкуренціи, мы будемъ имѣть ассоціацію.“

„Далѣе, пишетъ Луи Бланъ, такъ какъ, уничтожая конкурренцію, нельзя допустить ее между правительственными мастерскими, а никакая индустрія не можетъ быть централизована въ одномъ мѣстѣ, то различныя мастерскія одной и той же индустріи должны находиться въ непремѣнной связи между собою, составляя какъ бы отдѣленія центральной мастерской данной индустріи, подобно тому напримѣръ, какъ банкирскій домъ Ротшильда имѣетъ свои отдѣленія въ различныхъ мѣстахъ, группи-

рующіяся вокругъ центральной конторы. Наконецъ всѣ отдѣльныя отрасли производства должны быть обязаны взаимной помощью другъ другу и поставлены между собою въ такую же связь, какъ теперь отдѣльныя отрасли правительственныхъ учрежденій.“

„Простота и выгоды такого механизма, пишетъ Луи Бланъ, очевидны, и конечно, въ настоящее время на правительствѣ лежатъ вещи гораздо болѣе сложныя и трудныя, чѣмъ тѣ, которыя предполагается на него возложить. Если взять для примѣра только почтовую операцію, то кажется, чего труднѣе взять на себя доставку по назначенію всего, что могутъ написать ежедневно тридцать милліоновъ лицъ, и однако доставка эта совершается какъ нельзя правильнѣе. Точно то же можно сказать и о другихъ отрасляхъ управленія. Все это нисколько не легче того, что предлагается, и наконецъ государству предлагается сдѣлать только то, что ежедневно дѣлаютъ частныя лица съ несравненно меньшими средствами, капиталами и меньшей властью.“

„Нужно ли перечислять далѣе, продолжаетъ Луи Бланъ, тѣ выгоды, которыя должны произойти изъ предлагаемаго. Въ настоящее время всякое новое изобрѣтеніе, всякая машина есть бичь цѣлаго ряда прежнихъ производителей, есть новая монополія; при правительственномъ хозяйствѣ она становится общей выгодой и общимъ достояніемъ, а изобрѣтатель вознаграждается правительствомъ. Въ настоящее время кредитъ составляетъ достояніе богатыхъ; при правительственной системѣ кредитъ замѣняется частью прибыли, откладываемой на расширеніе предпріятія, и банки становятся лишними. Наконецъ мы избавляемся еще отъ одного важнаго зла: являются не только средства воспитывать и образовывать рабочаго, но и предотвращать опасность воспитывать рабочаго, въ которую вѣрятъ очень серьезные умы Франціи и которая заставляетъ со-

чинять для рабочаго дурныя книги, наполненныя дурными примѣрами.“

Вотъ въ краткихъ словахъ то, что предлагалъ Луи Бланъ, и его ученіе въ его первоначальной формѣ, какимъ оно изложено въ брошюрѣ объ устройствѣ труда. Читатель можетъ самъ оцѣнить эту систему, если не со стороны ея годности, какъ системы, то со стороны ея разрушительности.

Несмотря на всю одностороннюю форму, въ которую она облечена, мы не находимъ въ ней ни одного изъ тѣхъ рѣзкихъ признаковъ, которыми поражаютъ ученія такъ называемыя антисоціальныя или подрывающія самыя основы, на которыхъ выростали, и къ которымъ привыкли наши общества, т. е. семью и собственность. Частная жизнь предоставлена тому же свободному выбору образа жизни и распоряженія своимъ имуществомъ, какъ и теперь, а объ измѣненіи семейныхъ условій нѣтъ и помину. Собственность не только признана, но признана наслѣдственная собственность. Вся соціальная перемѣна должна была состоять въ томъ, что работникъ сталъ бы работать не въ частной, а въ правительственной мастерской, и какъ предполагалось, долженъ былъ получать большую плату за трудъ; что капиталистъ отдавалъ бы свои капиталы на проценты не частнымъ предпринимателямъ, а правительству. Подрывъ соціальныхъ основъ могъ причудиться въ этой системѣ или демагогамъ съ слишкомъ пылкимъ воображеніемъ, или слишкомъ ревностнымъ ученикамъ французскихъ экономистовъ, видѣвшимъ въ словѣ вмѣшательство конецъ свѣту. Мы правы были предположить поэтому съ самаго начала, что только та обстановка, среди которой пришлось дѣйствовать этой системѣ, могла навлечь на нее незаслуженно репутацію разрушительнаго ученія.—Не трогая ни семьи, ни собственности, Луи Бланъ былъ поэтому отнесенъ столь же ошибочно къ числу зловредныхъ разрушителей, какъ Пру-

донъ, и долженъ быть причисленъ къ немалому числу мнимыхъ разрушителей, созданныхъ легкомысленными отзывами невѣжествующей прессы, которыхъ пора избавить отъ этого вовсе незаслуженнаго титула.

Просимъ помнить, что даже соціалистическимъ ученіемъ можетъ быть названо только ученіе, устанавливающее новыя соціальныя формы семейныя и имущественныя; таково напримѣръ ученіе Фурье, которое и можетъ служить образцомъ того, что можетъ быть названо соціализмомъ. Но такого рода система, представляющая совершенно новыя основы жизни, сама же отговаривается отъ возможности своего немедленнаго осуществленія, сама оцѣпляетъ себя цѣлымъ рядомъ переходныхъ этаповъ, и потому, — приписывать ли ей или нѣтъ какое либо разумное значеніе,—столь же мало можетъ быть названа опасною и разрушительною.“

Система же Луи Блана не только не предлагала новыхъ соціальныхъ основъ и потому не была системой соціалистической, но даже едва ли предлагала, вообще говоря, что либо новое, и потому едва ли могла быть названа самостоятельной системой. Даже съ своей чисто внѣшней стороны, которой она болѣе всего устрашила и въ которой она сама же впослѣдствіи произвела весьма радикальныя смягченія, со стороны безграничнаго правительственнаго вмѣшательства, на которое она опиралась — она была отвлеченіемъ, сколкомъ одного изъ существующихъ способовъ хозяйственной политики, относительно производства, который и хотѣла распространить и примѣнить ко всѣмъ видамъ производства. Далѣе этого вопроса о производствѣ и существующихъ рутинныхъ способахъ управленія производствомъ она не шла.

Мы увѣрены впрочемъ, что сію минуту самъ читатель убѣдится въ этомъ. Дѣло въ томъ, что какъ производство составляетъ предметъ дохода или прибыли, то съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ государства и европейскія государства, въ нихъ произ-

водства дѣлились всегда на двое — одни удерживало за собой правительство, другія предоставлялись имъ частнымъ лицамъ, частному соревнованію, но и въ самыхъ производствахъ, предоставленныхъ частному соревнованію, правительство удерживало за собою въ различной степени право вмѣшательства путемъ налоговъ и другихъ законодательныхъ мѣръ. Извѣстно, что исторія весьма разнообразила границы между частнымъ и правительственнымъ производствомъ. Такъ въ средніе вѣка было распространено весьма сильно такъ называемое право регалій или производствъ, которыя исключительно удерживали за собою казна, и въ то же время такія отправленія, какъ производство суда, уступались частнымъ лицамъ и сдавались на откупъ. Съ другой стороны по сіе время не установилось рѣзкихъ границъ и основаній для отличія того, что можетъ быть названо принадлежностью частнаго и правительственнаго производства, и еще менѣе опредѣлились границы вмѣшательства правительства въ отрасли, предоставленныя частному производству. Правительства удерживаютъ за собой до сихъ поръ табачное производство во Франціи, отправленіе почтъ повсемѣстно, а мѣстами производство горное, соляное, винное и пр., и еще повсемѣстнѣе удерживаютъ за собой прямое или косвенное вмѣшательство въ самыя производства, предоставленныя частной предпріимчивости.

Раздѣленіе правъ осталось случайнымъ, какъ оно и вышло первоначально изъ борьбы между властью и обществомъ. Тамъ поэтому, гдѣ въ борьбѣ съ короной общество успѣло удержать за собою извѣстную долю политической власти, гдѣ власть передѣлилась и выродилась въ настоящую парламентскую форму ранѣе и прочнѣе, чѣмъ гдѣ либо, какъ въ Англіи, тамъ и сумма производствъ, которыя удержало за собой общество въ противоположность коронѣ и правительству, и въ которыхъ оно устранило всякое правительственное вмѣшательство, оказалась гораздо

болѣе значительною, чѣмъ гдѣ либо. Тамъ частная коммерческая конкурренція овладѣла большей суммой и большей свободой въ этихъ предпріятіяхъ, чѣмъ гдѣ либо и отозвалась и наиболѣе рѣзкими послѣдствіями. Когда въ концѣ прошлаго столѣтія выразилось такое же стремленіе сокращенія правъ короны и парламентаризма во Франціи, тогда спутникомъ такого движенія былъ и здѣсь рядъ такихъ уступокъ въ пользу частнаго производства. Но до послѣдняго времени и здѣсь удержались рядомъ двѣ системы производства — одно правительственное и другое буржуазное или частное, и вмѣшательство правительства въ частныя производства. Экономисты, будучи научными спутниками означеннаго движенія. продолжали только эту борьбу въ защиту правъ частныхъ противъ правительственныхъ и отсюда-то вышла усиленная защита частной конкурренціи противъ правительственнаго вмѣшательства, бывшая собственно защитой за буржуазіей извѣстныхъ производствъ противъ посягательства на эти производства правительства или казны. Естественно, что вся эта борьба могла имѣть какое либо оправданіе въ томъ случаѣ, еслибы оказывалась полезной для народа, или пока правительства и казна смотрѣли на свое дѣло, какъ на свое личное частное дѣло— съ точки зрѣнія существовавшей въ средніе вѣка; теперь же, когда государство стало знаменоваться представителемъ общаго блага, наука и публицисты имѣли право выбирать между вмѣшательствомъ и невмѣшательствомъ, смотря по тому, что казалось имъ выгоднѣе въ видахъ самой націи.

Выбирая поэтому теперь между двумя наличными порядками производствъ, правительственнымъ и частнымъ, Луи Бланъ находилъ только, что система, защищаемая экономистами, система частная, какъ показываютъ факты, невыгодна для народа, и доказывалъ это фактами, и находилъ, что система правительственнаго производства и вмѣшательства выгоднѣе. Въ силу этого онъ

останавливался на выборѣ и распространеніи на всѣ вообще производства системы правительственнаго производства. Таковою была система Луи Блана только въ первомъ своемъ фазисѣ, какъ она явилась въ книгѣ Organisation du travail. Но и тутъ уже это была только внѣшняя форма системы и сущность ея состояла только въ лучшемъ проведеніи того начала конкурренціи, которое у экономистовъ вырождалось въ спекуляцію и монополію — въ уничтоженіи монополіи черезъ ассоціацію труда, для которой внѣшнее вмѣшательство служило только средствомъ.—Вотъ въ чемъ заключалась вся ея ужасающая радикальность. По простотѣ своей и привлекательнымъ обѣщаніямъ, система эта овладѣла умами рабочихъ, и съ ней предстояло имѣть дѣло съ самаго начала временному правительству.

Луи Бланъ находился самъ въ числѣ членовъ временнаго правительства, онъ былъ выбранъ въ числѣ представителей республиканской прессы, руководившей движеніемъ въ пользу водворенія республики, выбранъ спискомъ, составленнымъ по общему соглашенію редакцій Reforme и National — главной квартирой народнаго движенія, спискомъ членовъ временнаго правительства предложеннымъ народу, окружившему эти редакціи послѣ побѣды.

Временному правительству поэтому волей или неволей предстояло имѣть дѣло съ идеями Луи Блана. Но вообще говоря, въ суммѣ это правительство было составлено такъ, что оно менѣе всего, можетъ быть, желало бы имѣть дѣла съ его планами. Оно было, какъ утверждаетъ самъ Луи Бланъ, результатомъ компромисса или взаимныхъ уступокъ и состояло изъ представителей столь различнаго образа мыслей и партій, что въ нѣдрахъ его менѣе всего можно было ждать единодушія. Менѣе всего такого единодушія можно было ожидать относительно рабочаго вопроса, представителемъ котораго явился здѣсь едвали не одинъ Луи

Бланъ съ своимъ спутникомъ — работникомъ Альберомъ. Между тѣмъ какъ народъ видѣлъ въ разрѣшеніи этого вопроса чуть ли не единственную и во всякомъ случаѣ главную задачу выбраннаго правительства, это послѣднее ничего болѣе не желало, какъ только обойти этотъ вопросъ.

Съ самаго начала по этому появленіе Блана въ средѣ правительства было встрѣчено недружелюбно членами временнаго правительства, и рабочій вопросъ зашевелился и былъ навязанъ временному правительству только при посредствѣ дальнѣйшихъ уличныхъ демонстрацій и настояній самой толпы. Дѣло, какъ извѣстно, началось съ того, что работникъ Маркъ явился съ оружіемъ въ залу засѣданія временнаго правительства и вытребовалъ силой декретъ о правѣ на работу, а черезъ день за тѣмъ 28 февраля передъ окнами той же залы собравшійся народъ поднялъ знамена, на которыхъ было написано: „Министерство работы“, „Устройство труда“. Депутація отъ народа вошла въ залу засѣданія съ требованіемъ объ учрежденіи особаго министерства „прогресса и работы“. Луи Бланъ настаивалъ на исполненіи требованія; члены временнаго правительства, видя невозможность обойти его совершенно, сдѣлали лучше. Они предложили составить предварительно коммиссію, которая бы прежде изучила самый рабочій вопросъ. Луи Бланъ сдѣлалъ было попытку отклонить это предложеніе, обѣщая подать въ отставку въ случаѣ отказа въ министерствѣ „прогресса,“ но его увѣрилъ Араго и онъ согласился. Тутъ же былъ начертанъ декретъ, которымъ учреждалась такая коммиссія для изученія нуждъ народа, предсѣдателемъ которой назначался Луи Бланъ, а помощникомъ его другъ Альберъ, и мѣстомъ засѣданіи которой назначенъ былъ Люксенбургскій дворецъ. Луи Бланъ самъ прочелъ этотъ декретъ народу, при взрывахъ радости и восторга. Но тутъ же было видно, что временное правительство выиграло

этимъ декретомъ. Оно удаляло имъ изъ среды себя Луи Блана въ Люксенбургскій дворецъ безъ бюджета, безъ власти. Изъ члена временнаго правительства, изъ человѣка съ силой въ правительствѣ, какимъ онъ былъ здѣсь, оно удаляло его въ Люксенбургскую коммиссію на лоно безсильныхъ теоретическихъ разсужденій. Но этого мало; лучше было бы, если бы декретъ этотъ отнялъ на отрѣзъ у Луи Блана всѣ шансы выступить на практическую почву. Онъ сдѣлалъ хуже: онъ далъ возможность временному правительству, не только не удерживая мыслей Луи Блана въ формѣ проэктовъ, но напротивъ, обращая ихъ въ дѣло, но только коверкая и искажая ихъ умышленно, придать имъ здѣсь ту форму, которая была только нужна и желательна временному правительству для того, чтобы дискредитировать систему Луи Блана въ глазахъ самихъ рабочихъ. Но для этого нужно было время. А пока народъ крѣпко вѣрилъ, что изъ Люксенбургской коммиссіи для него выйдетъ именно то, что ему нужно, и ждалъ. Въ это то время Прудонъ тщетно старался раскрыть глаза народу, осуждая не только способъ дѣйствія Луи Блана, но и самую систему его, опиравшуюся на вмѣшательство, систему, которая поддерживалась надъ водой только уличными демонстраціями и безпорядками и, не смотря на то, все таки затоплялась интригами и имѣла уйти на дно, даромъ только смущая народъ и давая возможность противникамъ выигрывать время и дискредитировать дѣло переворота. Онъ тщетно старался увѣрить въ той мысли, что берущійся за мечъ самъ отъ него погибаетъ, и убѣдить обратиться къ болѣе мирнымъ чисто-экономическимъ средствамъ, которыми могло быть подвинуто рѣшеніе вопроса. И дѣйствительно, когда разрѣшать какое либо дѣло политическимъ путемъ берется правительство, не умѣющее удержать въ нужныхъ границахъ всѣ частные интересы, враждебные этому дѣлу, или власть, которая даже не сочувствуетъ тому дѣлу, за

которое она берется, тогда изъ подобныхъ попытокъ ничего не выходитъ, кромѣ безпорядковъ и вреда для самаго дѣла. Мы, по этому, не будучи вообще противъ системы вмѣшательства и реформъ такъ называемыхъ сверху, не можемъ въ настоящемъ случаѣ защищать способъ дѣйствія Луи Блана, который надѣялся на успѣхъ политической реформы съ правительствомъ ей несочувствовавшимъ, во первыхъ, имѣя притомъ самъ лично столь мало политическаго такта, что у него могли прямо отнять изъ рукъ ту малую частицу власти, которую давалъ ему въ руки случай.

Главная и первая причина неудачной пробы системы Луи Блана заключалась не въ декретѣ Люксенбургской коммиссіи, не въ Луи Бланѣ,—все это только случайности; главная причина неудачи заключалась въ нерасположеніи временнаго правительства не только къ этой системѣ, но и во враждебности его вообще къ рабочему вопросу. Она не заключалась, какъ думаетъ Прудонъ, въ самой системѣ, потому что въ такомъ случаѣ ничто не мѣшало временному правительству, если бы оно въ самомъ дѣлѣ желало рабочей реформы, перемѣнить эту систему на лучшую или по крайней мѣрѣ категорически высказаться на этотъ счетъ. Но въ томъ то и дѣло, что временное правительство, разрываясь на части, ничего не хотѣло дѣлать, ничего не дѣлало, и только устраняло отъ себя всякое дѣло.

Среди такого положенія Прудону естественно было не ждать ничего отъ этого правительства и убѣждать другихъ, что оно только топитъ дѣло республики. Мало того, подъ вліяніемъ такихъ обетоятельствъ самая система Луи Блана должна была вскорѣ оставить ту почву вмѣшательства, на которой она думала утвердиться первоначально, и принять новый видъ. Едва утвердившись въ Люксенбургѣ, коммиссія увидѣла себя безъ денегъ и безъ средствъ, которыя бы позволяли Луи Блану серьез-

но думать о томъ планѣ радикальнаго переустройства труда и промышленности на правительственномъ началѣ, который былъ изложенъ нами выше. Въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ коммиссія могла вызвать и то по настоянію самихъ рабочихъ только два серьезные декрета, о сокращеніи часовъ работы съ 11 часовъ на 10 въ Парижѣ и съ 12 на 11 въ провинціи, и объ уничтоженіи маршандажа.

Затѣмъ удаленіе Луи Блана въ Люксенбургскую коммиссію дало себя вскорѣ почувствовать на самой его системѣ, къ пользѣ и уясненію рабочаго дѣла. При теоретическихъ обсужденіяхъ и изготовкѣ закона, который бы послужилъ началомъ устройству рабочаго сословія на лучшихъ основаніяхъ, — уже въ самомъ проэктѣ такого закона, первоначальная система правительственной промышленности, изложенная выше, значительно измѣнилась. Она потеряла свою крайность и рѣзкость всесторонней передѣлки за разъ всей промышленности и поглощенія ея форменными казенными учрежденіями, которая казалась столь отталкивающею большинству умовъ, привыкшихъ видѣть въ ослабленіи правительственнаго вліянія на частныя дѣла великую заслугу исторіи и своего рода пріобрѣтеніе по дорогѣ къ дѣйствительной свободѣ.

Проэктъ закона о главныхъ основаніяхъ для устройства работниковъ, хотя и оставлялъ во главѣ дѣла министерство прогресса и труда, какъ постоянное учрежденіе, спеціальною заботой котораго было бы улучшеніе экономическаго положенія массы, но мѣры, которыми предполагалось опредѣлить способъ дѣйствія министерства, были далеко не столь крайняго свойства.

Министерству предписывалось прежде всего привести дѣло къ уничтоженію пролетаріата крайне постепенно. Съ этой цѣлью оно должно было при посредствѣ выпуска государственныхъ рентъ изъять изъ частнаго владѣнія желѣзныя дороги, обратить фран-

цузскій банкъ въ банкъ государственный, централизовать страховыя общества въ одно государственное, учредить подъ правительственнымъ надзоромъ оптовые и мелочные склады товаровъ, въ обмѣнъ на которые вкладчики получали бы векселя, имѣющіе обращеніе и въ качествѣ вполнѣ гарантированныхъ бумажныхъ знаковъ. Средства, поступающія отъ обращенія такихъ операцій въ казну, должны были составить бюджетъ министерства. Изъ этихъ средствъ министерство должно было погашать государственныя ренты и платить по нимъ проценты, возникающіе изъ обращенія означенныхъ операцій въ казну, и оказывать вспомоществованіе, рабочему дѣлу поощряя основаніе рабочихъ ассоціацій.

Для того, чтобы пользоваться такимъ вспомоществованіемъ правительства, требовалось, чтобы въ статутахъ ассоціацій были соблюдены извѣстныя условія, соотвѣтствующія цѣли учрежденія и поощренія ассоціацій, которыя тутъ же и излагались.

Въ этихъ условіяхъ проглядывала еще закваска правительственной регламентаціи. Ассоціаціи должны были дѣлить чистую прибыль по однообразному плану на четыре части, изъ которыхъ одна поступала въ казну для погашенія выкупныхъ платъ прежнему хозяину предпріятія или обществу акціонеровъ, съ которыми казна вступила въ соглашеніе о выкупѣ предпріятія, принявъ гарантію и уплату этихъ платежей на себя; другая раздѣлялась въ видѣ прибыли между рабочими; третья удѣлялась на помощь и призрѣніе больныхъ и стариковъ; четвертая обращалась въ общій законный фондъ всѣхъ ассоціацій для парализаціи кризисовъ. Но главное, за правительствомъ удерживалось опредѣленіе продажныхъ цѣнъ и рабочей платы, для предупрежденія эксплуатаціи между ассоціаціями.

Въ основаніе проэкта было положено по этому даже не переустройство промышленности на казенную ногу и казенными

средствами, а система выкупа существующихъ предпріятій, при содѣйствіи казны, изъ частныхъ рукъ въ руки такихъ же частныхъ ассоціацій, которыя и становились собственниками предпріятій.

За частной предпріимчивостью удерживался вполнѣ ея частный характеръ, тотъ, котораго требовали экономисты, и дѣло ограничивалось вспомоществованіемъ къ образованію въ средѣ частной предпріимчивости и ея границахъ образцовъ частной предпріимчивости въ кооперативной формѣ. Образцы эти должны были служить примѣромъ лучшаго устройства труда, чѣмъ предпріимчивость личная, и замѣчательно уже приближались къ тому, что въ настоящую минуту защищается и предлагается экономистами во всѣхъ частяхъ свѣта подъ именемъ ферейновъ и ассоціацій всякаго рода, тѣхъ самыхъ ассоціацій, которыя при содѣйствіи такого чистаго экономиста-конкуррента, какъ Шульце-Деличъ, покрыли собою уже различныя части Германіи, и съ особенной быстротой начали возникать въ послѣдніе два года во Франціи, Алжирѣ, Италіи, кончая неграми Сѣверной Америки, гдѣ агрикультурная ассоціація идетъ всего удачнѣе, и не говоря объ Англіи, гдѣ ассоціаціи подобнаго рода начали устанавляться еще ранѣе.—Планъ этихъ учрежденій, признаваемыхъ экономистами, рознится отъ только что изложеннаго люксенбургскаго плана лишь тѣмъ, что люксенбургскій планъ предполагалъ допустить выкупное содѣйствіе правительства къ образованію такихъ учрежденій, тогда какъ чистые экономисты не хотятъ принимать въ этомъ случаѣ никакого содѣйствія, и единственнымъ средствомъ къ тому считаютъ собственныя сбереженія рабочаго класса.—Но различіе это, какъ легко убѣдиться, только внѣшнее, кажущееся. Устроивается ли ассоціація при содѣйствіи правительства въ формѣ выкупа, или другой какой либо денежной помощи—или она устраивается и выкупаетъ предпріятіе на соб-

ственныя наличныя средства, во всякомъ случаѣ она устроивается на собственныя средства рабочихъ, ибо и въ первомъ случаѣ казна принимаетъ на себя только роль кассира или банкира ассоціаціи, который пользуется, вообще говоря, большимъ кредитомъ и довѣріемъ, и съ которымъ по этому скорѣе войдетъ въ сдѣлку всякій частный предприниматель, заведеніе котораго покупаетъ ассоціація или въ продуктѣ котораго она нуждается. Сама же ассоціація при этомъ обяжется погашать сдѣланныя за нее казной уплаты изъ собственныхъ средствъ. Въ сущности, стало быть, обѣ формы основанія ассоціацій носятъ на себѣ чисто коммерческій характеръ, соотвѣтствующій какъ нельзя болѣе требованіямъ экономистовъ. Извѣстно, что эта форма правительственнаго содѣйствія примѣнялась и примѣняется въ настоящее время къ коммерческимъ предпріятіямъ всякаго рода, не только акціонернымъ, гдѣ правительство беретъ на себя иногда даже гарантію дохода отъ предпріятія, но и къ чисто личной предпріимчивости; тамъ, гдѣ оно считаетъ почему либо полезнымъ начало и развитіе какой либо отрасли промышленности, — оно дѣлаетъ ссуды этой предпріимчивости. — Мы обращаемъ на эти разъясненія вниманіе читателя въ тѣхъ видахъ, что какъ извѣстно, предметъ ихъ подалъ еще весьма недавно поводъ къ недоразумѣнію между двумя партіями защитниковъ рабочаго дѣла въ Германіи, между Лассалемъ и Шульце-Деличемъ. Лассаль ничего болѣе не требовалъ, какъ такихъ именно ссудъ со стороны правительства на помощь ассоціаціямъ. За это противники готовы были провозгласить его соціалистомъ, и не шутя этотъ титулъ придавался ему многими органами въ Германіи. Но не говоря о томъ, что Лассаль никогда не думалъ уничтожать ни семьи, ни собственности, не говоря о томъ, что онъ никогда не былъ такимъ правительственнымъ экономистомъ, какимъ является Луи Бланъ въ первомъ своемъ планѣ устройства труда, онъ

былъ далекъ даже отъ Люксенбургскаго проэкта, и требовалъ только той кредитной помощи ассоціаціямъ, на которую мы только что указали.

Во всякомъ случаѣ если планъ Лассаля казался слишкомъ далекъ отъ того, чего требовали экономисты вмѣстѣ съ Шульце-Деличемъ, то скоро нашлось еще средство, которое можетъ быть признано за среднее между тѣмъ что предлагали Лассаль и Шульце-Деличъ. — Вопросъ о содѣйствіи ассоціаціямъ, раздѣляющій еще экономистовъ въ настоящее время, заключается во первыхъ, въ ссудѣ и кредитѣ,—а кредитъ хотя можетъ быть доступнѣе и шире со стороны казны, пользующейся болѣе широкими правами и средствами, но онъ можетъ имѣть и частную форму. На этомъ основаніи, не болѣе года тому назадъ, во Франціи образовалось частное акціонерное кредитное общество—Société du crédit eu travail, спеціальная цѣль котораго состоитъ въ ссудахъ ассоціаціямъ. Платя хорошій процентъ своимъ акціонерамъ, оно дѣйствуетъ до сихъ поръ довольно успѣшно и благодаря ему мы видимъ быстрое возрастаніе числа рабочихъ ассоціацій во Франціи за послѣдній годъ. Во всякомъ случаѣ Люксенбургскій проэктъ значительно приблизился уже къ господствовавшимъ экономическимъ понятіямъ о свободѣ предпріимчивости, противъ первоначальнаго плана изложеннаго въ брошюрѣ Organisation du travail, до того приблизился, что тогда же одинъ изъ такихъ экономистовъ-конкурентовъ, но безпристрастныхъ экономистовъ, какъ Милль, пришелъ въ совершенное негодованіе отъ тѣхъ обвиненій, которыя молва обрушила на голову Люксенбургскихъ реформаторовъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, писалъ онъ въ апрѣлѣ 1849 года въ „Вестминстерскомъ Обозрѣніи“, я ничего не вижу въ томъ, что было предложено въ Люксенбургѣ, что бы могло объяснить тотъ нелѣпый ужасъ, который возбуждаютъ по обѣ стороны Ламанша

эти предложенія. Мнѣ кажется совершенно справедливымъ со стороны правительства назначеніе извѣстныхъ кредитовъ и ссудъ въ разумныхъ конечно границахъ для содѣйствія къ устройству промышленныхъ ассоціацій. Если предпріятія этого рода даже должны неудаться, то и въ такомъ случаѣ онѣ должны быть испробованы, потому что работникъ никогда не повѣритъ ихъ невозможности, прежде чѣмъ онъ не убѣдится въ этомъ на самомъ дѣлѣ; потому, наконецъ, что тотъ нравственный урокъ, который отсюда долженъ выйти, стоитъ тѣхъ милліоновъ, которые тратятся на разные предметы, съ цѣлью такъ называемаго народнаго воспитанія". Вотъ что писалъ Милль о Люксенбургскомъ проэктѣ. Но Люксенбургскій проэктъ все-таки такъ и остался только проэктомъ, а отсутствіе средства и власти въ рукахъ Луи Блана повело его планы еще далѣе по тому же пути приближенія къ формѣ кооперативной предпріимчивости, которая могла бы наконецъ вполнѣ удовлетворить экономистовъ и ученіе о невмѣшательствѣ. И дѣйствительно, къ чести Луи Блана слѣдуетъ сказать, что будучи оставленъ безъ средствъ, онъ все-таки не бездѣйствовалъ и не проповѣдывалъ рабочимъ бездѣйствія.

Пользуясь единственнымъ условіемъ, которое у него было въ рукахъ, т. е. расположеніемъ рабочихъ, онъ занялся устройствомъ между ними такихъ же ассоціацій, какими впослѣдствіи занялся въ Германіи и Шульце-Деличъ — т. е. устройствомъ ассоціацій безъ всякой оффиціальной или правительственной помощи или вмѣшательства въ собственномъ смыслѣ этого слова. Помощь была тутъ, но только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, и притомъ она исходила не прямо отъ правительства. Единственно чѣмъ помогло здѣсь правительство, это тѣмъ, что уступило на время зданіе Клиши подъ помѣщеніе первой и самой громадной изъ ассоціацій, когда либо существовавшихъ, ассоціаціи

портныхъ. Другаго рода помощь заключалась въ подрядѣ на поставку мундировъ для національной гвардіи, который городъ Парижъ предоставилъ ассоціаціи портныхъ. Подрядъ этотъ и далъ возможность возникнуть этой ассоціаціи, и возникнуть на время этого подряда въ огромныхъ размѣрахъ. На время этого то подряда правительство и уступило помѣщеніе ассоціаціи въ зданіи Клиши. Такого же рода подряды были заключены съ ассоціаціями сѣдельщиковъ, прядильщиковъ и эполетчиковъ на поставку означенныхъ вещей на войско.

Денежное же содѣйствіе или кредитное ассоціаціи получили отъ самихъ патроновъ и частныхъ предпринимателей. И дѣйствительно, слѣдуетъ замѣтить, что масса патроновъ не была вовсе нерасположена къ учрежденіямъ этого рода. Принужденная сама бороться постоянно съ предпринимателями болѣе сильными, она была вовсе не прочь, особенно въ виду коммерческаго застоя, уступить свои орудія и заведенія за вѣрный процентъ и выкупъ обществамъ, которыя бы могли вести предпріятія въ большомъ размѣрѣ, и потому бороться съ болѣе крупными капиталистами. Нечего удивляться поэтому, что въ Люксенбургъ поступали постоянно просьбы отъ патроновъ о выкупѣ ихъ заведеній, и масса патроновъ имѣла и имѣетъ всегда причины желать устройства ассоціацій, и при томъ не такихъ, которыя бы образовались рядомъ съ ними, а которыя бы снимали или скупали ихъ предпріятія.

Блестящій успѣхъ этихъ первыхъ ассоціацій, возникшихъ при нѣкоторыхъ особенныхъ льготныхъ условіяхъ, повлекъ за собой быстрое возникновеніе ряда ассоціацій, основанныхъ уже собственными средствами рабочихъ. Эта форма кооперативной предпріимчивости, основанная на собственныхъ силахъ рабочихъ, въ которую выродилось наконецъ первоначально столь противорѣчившее системѣ невмѣшательства ученіе Луи Блана, стала все болѣе

овладѣвать умами рабочихъ, такъ что они были близки къ тому, чтобы оставить всякіе разсчеты на устройство ихъ дѣла путемъ министерства прогресса или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ, бросить словомъ всякій разчетъ на вмѣшательство. Дѣло дошло впослѣд- до того, что возникшія на собственныя средства ассоціаціи начали сближаться между собою, и уже составилось общество или комитетъ изъ 23 человѣкъ, подъ именемъ комитета сближенія рабочихъ ассоціацій, мысль котораго едва ли не была внушена также Луи Бланомъ. Среди такого-то движенія, когда было въ ходу столько личной энергіи и личной иниціативы со стороны рабочихъ; когда рабочій вопросъ пріобрѣлъ самое нужное и самое рѣдкое и трудное для его успѣха — увѣренность рабочихъ въ свои собственныя силы, не баррикадныя, а трудовыя силы, и напротивъ отдѣлался отъ убивающаго эту энергію разсчета на безграничное вмѣшательство правительства, которымъ страдала первоначально система Луи Блана, — въ такое время не доставало только, чтобы частная предпріимчивость обратилась къ мысли объ образованіи кредитнаго учрежденія, для поддержки кооперативной формы промышленности и содѣйствія къ покупкѣ ассоціаціями промышленныхъ заведеній.

Если бы въ это время Прудонъ, занятый кредитными соображеніями, успѣлъ пріурочить эти соображенія къ дѣйствительному практическому требованію минуты, если бы онъ оставилъ въ сторонѣ столь же крайне широкіе планы моментальной ликвидаціи всей промышленности путемъ кредита, какими были и первоначальные планы Луи Блана о ликвидаціи этой промышленности правительственнымъ декретомъ, и могъ удержать ихъ въ тѣхъ границахъ, которыхъ требовало практически завязавшееся дѣло устройства ассоціацій, т. е. ограничиться выкупнымъ кредитнымъ учрежденіемъ въ видахъ ассоціацій, то несомнѣнно, что рабочій вопросъ, ставъ на вѣрную дорогу, утвердился бы на ней проч-

нѣе. Тогда бы выяснился быть можетъ тотъ дальнѣйшій свободный путь, которымъ онъ могъ идти безпрепятственно къ своему разрѣшенію, не шокируя ничьихъ убѣжденій, начиная съ конкуррентовъ, къ которымъ прежде всего принадлежалъ самъ Прудонъ. Но Прудонъ до послѣднихъ дней какъ будто не видалъ вовсе той перемѣны, которая происходила въ рабочемъ вопросѣ и настроеніи работниковъ, и тѣхъ фазисовъ, какіе проходила система Луи Блана.

Очень хорошо видя безсиліе и ничтожество временнаго правительства, очень хорошо слѣдя за политической интригой, собиравшей тучи надъ головой молодой республики, долженствовавшія положить ей конецъ, очень хорошо предсказывая приближеніе имперіи и протестуя всей силой противъ вмѣшательства, осужденнаго первой революціей, не понимая иначе вмѣшательства, какъ въ видѣ версальскаго шовинизма, Прудонъ не видѣлъ того перерожденія, которое приключилось съ этимъ вмѣшательствомъ послѣ того, какъ онъ въ первый разъ услыхалъ о немъ изъ книжки объ Организаціи труда. Онъ не видѣлъ, что съ тѣхъ поръ это вмѣшательство само стало невмѣшательствомъ, стояло съ нимъ на одной почвѣ, на однихъ началахъ частной иниціативы, трогало его своимъ локтемъ, только онъ стоялъ къ нему спиной и не замѣчалъ его. За всѣмъ, что исходило изъ Люксенбурга, ему снилась правительственная регламентація и система Луи Блана въ первобытной ея формѣ. Онъ полагалъ, что главное больное мѣсто, противъ котораго слѣдовало направлять удары, заключалось въ пристрастіи и вѣрѣ въ регламентацію, и продолжалъ бить по этому мѣсту, тогда какъ рабочіе перестали уже думать о регламентаціи. Съ другой стороны его собственный планъ не сдѣлалъ ни одной изъ тѣхъ уступокъ окружающимъ понятіямъ, какія сдѣлалъ постепенно планъ Луи Блана, и продолжалъ предлагаться Прудономъ въ той край-

ней теоретической формѣ, въ которой онъ былъ созданъ первоначально. Онъ все таки стремился еще къ немедленной ликвидаціи всей промышленности, къ немедленному низложенію французскаго банка, также какъ къ этому стремилось ученіе Луи Блана въ первой своей формѣ.

Важная и общая мыслителямъ и реформаторамъ ошибка скрывалась въ такомъ способѣ дѣйствія. Большинство ихъ воображало обыкновенно, что достаточно владѣть системой, которая бы не встрѣчала существенныхъ противорѣчій въ условіяхъ внѣшней природы и природы самаго человѣка, системой вѣрной теоретически, для того, чтобы навязывать прямо эту систему обществу во всей ея теоретической чистотѣ и крайности. Большинство ихъ не принимало въ разсчетъ, что кромѣ существенныхъ абсолютныхъ препятствій, заключающихся въ непреклонныхъ законахъ природы, если они устранены, есть еще цѣлая сумма случайныхъ и второстепенныхъ препятствій, которыя дѣйствуютъ тѣмъ не менѣе весьма энергически. Они забываютъ, что весьма часто подъ вліяніемъ этихъ то препятствій — вліяніемъ общественнаго мнѣнія и предразсудка, человѣкъ и цѣлое общество готовы бываютъ идти даже наперекоръ самымъ законамъ природы,—и послѣ этого хотятъ пренебрегать такого рода препятствіями второстепенными. Прудонъ имѣлъ весьма сильное оружіе именно въ томъ, что система его опиралась на начала конкурренціи и невмѣшательства, которыя были крайне популярны. Луи Бланъ, забывая только что указанное нами правило, сдѣлалъ съ самаго начала крайнюю ошибку, рѣзко связавъ свою систему съ крайне непопулярнымъ началомъ вмѣшательства и черезъ это разъ на всегда заклеймилъ и дискредитировалъ ее до того, что послѣ возстановить ея репутацію оказалось невозможно никакими поправками.

Но самое рабочее дѣло перешло усиліями того же Луи Бла-

на на болѣе популярную почву личной иниціативы; обстоятельства отдавали его черезъ это прямо въ руки Прудона, на помощь его мыслямъ явилась теперь усиленная самодѣятельность, пробудившаяся въ средѣ рабочихъ, но послѣдній почти ничего не сдѣлалъ для того, чтобы воспользоваться этой самостоятельностью, потому только, что пренебрегалъ всякимъ постепеннымъ и скромнымъ успѣхомъ рабочаго дѣла, и мечталъ о немедленной ликвидаціи промышленности, потому еще, что эта самодѣятельность выражалась въ стремленіи къ ассоціаціи для Прудона, какъ и для большинства (и потому только, что она имѣла несчастье быть связанною съ именемъ Луи Блана, хотя бы она и была результатомъ совершенной самодѣятельности народа)—представлялась продуктомъ регламентаризма.

Другія обстоятельства, чисто-внѣшнія, политическія, еще болѣе помогли тому, чтобы это движеніе рабочихъ къ разрѣшенію своего дѣла въ духѣ популярномъ, путемъ самодѣятельности, осталось безъ тѣхъ благихъ послѣдствій, какія могло имѣть. Вслѣдствіе дальнѣйшихъ политическихъ событій движеніе къ ассоціаціямъ было просто на просто пріостановлено прямымъ вмѣшательствомъ: контракты съ ними были порваны и большая часть ассоціацій разрушена подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, а самый планъ устройства ассоціацій правительствомъ, о которомъ уже не думалъ Луи Бланъ, умышленно скомпрометированъ примѣромъ національныхъ мастерскихъ, которыя съ этой цѣлью были пущены въ ходъ, и экономисты, столь сильно протестовавшіе противъ вмѣшательства въ пользу рабочихъ, уже конечно ничего не говорили противъ этого новаго вмѣшательства противъ рабочихъ.

Но прежде, чѣмъ переходить къ дальнѣйшему разсказу этой печальной повѣсти и придти къ прудоновскому банку, мы, кажется, можемъ пріостановиться для того, чтобы обратить теперь

вниманіе читателя на ту нравственную оцѣнку самой системы Луи Блана, которая слагается изъ всего вышесказаннаго.

Сущность системы очевидно не въ вопросѣ о вмѣшательствѣ, не въ правительственномъ переустройствѣ производства, а въ ассоціаціи, какъ средствѣ разширить и вызвать конкурренцію, подавленную монополіями, и дать ей возможность уничтожиться при посредствѣ самой конкурренціи. Это доказывается уже тѣмъ, что самъ Луи Бланъ, не покидая своихъ мыслей, могъ придти къ устройству такихъ ассоціацій, которыя впослѣдствіи удовлетворили вполнѣ требованіямъ экономистовъ. За тѣмъ представляются три фазиса, черезъ которые прошла эта основная мысль ассоціаціи: ассоціаціи по иниціативѣ правительства, съ содѣйствіемъ правительства и вовсе безъ такого содѣйствія.

Что касается самой мысли объ ассоціаціи, то кажется, въ настоящее время уже мало осталось экономистовъ, которые не согласились бы признать ее и потому защищать ее съ этой стороны— со стороны ея невраждебности принципу объ экономической свободѣ и конкурренціи, врядъ ли нужно. Напротивъ, едва ли не нужнѣе защищать ее въ виду системы Прудона, которую мы имѣемъ въ виду по преимуществу, и которая устраняла ее на томъ основаніи, что полагала возможнымъ найти иной путь къ устраненію вреднаго, подавляющаго вліянія капитала на трудъ.

Путь этотъ, какъ мы знаемъ, долженъ состоять въ такомъ устройствѣ обмѣна и обращенія цѣнностей въ обществѣ, при которомъ мѣновая цѣна вещи равнялась бы стоимости ея въ производствѣ. Такой порядокъ достигается по Прудону при посредствѣ кредита, который дастъ въ руки работнику всѣ средства или орудіе труда. За тѣмъ система Прудона, считая вредное вліяніе капитала устраненнымъ, полагаетъ предоставить дѣло личной конкурренціи въ ея настоящей формѣ. Но въ томъ то и дѣло, что устраненіе подавляющаго вліянія капитала на трудъ

не исчерпываетъ еще вопроса, и оставляя производство личнымъ, не устраиваетъ еще этого производства. Въ томъ то и дѣло, что есть еще экономическій законъ, который дѣйствуетъ со всей неумолимостью независимо отъ того, въ какихъ отношеніяхъ находятся между собой два фактора, трудъ и капиталъ. Вопросъ объ отношеніи между этими двумя факторами есть вопросъ на столько же политическій, на сколько и экономическій. Но есть сфера условій и законовъ, которыя продолжаютъ дѣйствовать тогда даже, когда вопросъ политическій устраненъ вовсе и въ отношеніяхъ экономическихъ водворена справедливость. Такъ, допустивъ даже совпаденіе мѣновой цѣны съ цѣной въ производствѣ, останется все таки заботиться объ удешевленіи самого производства, а это достигается только производствомъ въ большихъ размѣрахъ, которое въ свою очередь не можетъ быть другимъ, какъ коллективнымъ или ассоціаціоннымъ. Есть, какъ видите, законъ, по которому ассоціація является неизбѣжной формой труда, даже за предѣлами того вопроса, которымъ обыкновенно заканчивали свои изслѣдованія экономисты и соціалисты, вопросомъ объ отношеніи между трудомъ и капиталомъ. Она то и рѣшаетъ собственно задачу объ устройствѣ труда, которая оставлена была совершенно безъ вниманія и нерѣшенною въ системѣ Прудона. Абсолютно отдаваясь рѣшенію одного вопроса,—вопроса объ устраненіи подавляющаго вліянія капитала на трудъ, можно было найти можетъ быть различные пути для устраненія этого вліянія и Прудонъ могъ найти свое средство, но рѣшить чисто-экономическій, за тѣмъ все таки остающійся нерѣшеннымъ, вопросъ объ устройствѣ самаго производства нельзя помимо признанія коллективной формы труда, существующаго нынѣ на каждой фабрикѣ, и натуральнымъ и лучшимъ выраженіемъ котораго за устраненіемъ вопроса объ отношеніи между трудомъ и капиталомъ является ассоціація. Если бы Прудонъ рѣшилъ даже такъ, какъ

онъ думалъ, вопросъ о трудѣ и капиталѣ и планы его вполнѣ осуществились на практикѣ, то и тогда жизнь не могла бы обойти ассоціацій и самъ Прудонъ долженъ бы былъ имѣть съ ними дѣло. Нужно различить стало быть въ ассоціаціи двѣ стороны, два свойства: ассоціацію, какъ средство удешевленія и устройства производства,—въ этомъ смыслѣ значеніе ея безсрочно, она составляетъ экономическій законъ; и ассоціацію, какъ средство предотвратить подавляющее вліяніе капитала на трудъ. Мы видѣли значеніе ассоціаціи въ первомъ смыслѣ, остается обратить вниманіе на второй. Мы сказали уже, что для рѣшенія этого вопроса, какъ вопроса болѣе политическаго, чѣмъ экономическаго, можно было отыскать можетъ быть нѣсколько теоретически вѣрныхъ путей, но и тутъ путь ассоціаціи едва ли не представляетъ нѣкоторыхъ выгодъ передъ отвлеченнымъ и сложнымъ планомъ, какъ планъ Прудона.

Во первыхъ, ассоціація есть прямой постулатъ и созданіе конкурренціи, фактора, къ которому привыкла жизнь, а потому идея ассоціаціи должна была явиться въ самой жизни и легче понята, чѣмъ всякая болѣе или менѣе сложная теоретическая система, и еще легче удовлетворить всѣ партіи и ученія.

Во вторыхъ ассоціація заключаетъ въ себѣ довольно серьезныя средства къ подавленію невыгодныхъ послѣдствій конкурренціи; средства, вытекающія изъ условій самой конкурренціи. Дѣло начинается, какъ извѣстно, съ борьбы между собою труда: трудъ, создающій большій капиталъ, побѣждаетъ трудъ, создающій меньшій капиталъ, идетъ борьба между капиталами и большій капиталъ поглощаетъ меньшій, тогда монополія большихъ личныхъ капиталовъ можетъ быть только побѣждена ассоціаціей меньшихъ. Открывается конкурренція между ассоціаціонными капиталами, которая можетъ быть выдержана только при посредствѣ слитія или новой ассоціаціи между собою отдѣльныхъ, уже

коллективныхъ капиталовъ или ассоціацій, и такъ до безконечности. Постепенное слитіе капиталовъ устраняетъ крайнія послѣдствія конкурренціи; сама конкурренція ведетъ поэтому логически къ устраненію себя самой путемъ ассоціаціи, и въ результатѣ экономическаго соревнованія и коммерческой жизненной битвы является искомая солидарность. Первоначальный вопросъ ассоціаціи заключается поэтому вовсе не въ устраненіи конкурренціи, какъ это поняли первоначально экономисты и потому обрушились не нее.

Къ такому скорому ослабленію конкурренціи ведетъ напротивъ отсутствіе и невозможность ассоціаціи, ибо тамъ, гдѣ невозможна ассоціація, большіе капиталы скоро поглощаютъ болѣе мелкіе и становятся монополистами. Это то именно случилось въ Европѣ. Масса работниковъ была въ старое время массой мелкихъ, но все таки капиталистовъ, теперь она стала просто работниками, потому только что не умѣла и не могла ассоціироваться, а потому и конкуррировать съ болѣе крупными капиталами. Стало быть, причина того соціальнаго зла, надъ которымъ останавливались въ тупикъ мыслители, заключалась, если разсмотрѣть ее даже съ точки зрѣнія экономистовъ мальтусовской школы, не въ излишкѣ конкурренціи, а въ недостаткѣ ея. Если поэтому ты, читатель, считаешь себя такимъ экономистомъ и строгимъ преслѣдователемъ принципа соревнованія, если ты желаешь расширенія соревнованія, то и тогда поощряй ассоціацію, ибо она служитъ именно средствомъ дѣлающимъ возможнымъ соревнованіе тамъ, гдѣ за отсутствіемъ ея должно скоро прекратиться всякое соревнованіе и вырости монополія. Поощряй ассоціацію во имя конкурренціи, ибо иначе ты будешь подавлять конкурренцію и докажешь, что ты вовсе не конкуррентъ, а монополистъ. Повторяемъ, соціальное зло и пролетаріатъ вышли, если судить дѣло съ точки зрѣнія самихъ экономистовъ, не изъ

излишка конкурренціи, а отъ недостатка ея. Въ концѣ, само собой разумѣется, всегда придутъ когда нибудь къ тому, что конкурренція все таки прекратится, но это случится при свободной и безконечной ассоціаціи капиталовъ, только тогда, когда ассоціація капиталовъ станетъ совершенна, но тогда нечего уже будетъ болѣе опасаться прекращенія конкурренціи, ибо отсюда выйдетъ уже не монополія, а солидарность. Съ такой стороны ассоціація, какъ средство къ измѣненію настоящихъ тяжелыхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ, подходитъ гораздо болѣе къ общимъ понятіямъ привыкшимъ вѣрить въ конкурренцію, какъ въ экономическое начало.

Теперь, такъ какъ весъ вопросъ очевидно сводится къ тому, чтобы сдѣлать возможной конкурренцію подавленную монополіей, которую получилъ большій капиталъ надъ малымъ, и сдѣлать ее возможной можно только при посредствѣ ассоціацій, то возникаетъ послѣдній вопросъ, который въ настоящее время, послѣ того какъ экономисты дали свое согласіе на ассоціацію, и составляетъ предметъ разногласія, какимъ путемъ устраивать ассоціацію, составляющую conditio sine qua non конкурренціи—основнаго принципа экономистовъ. Три различные отвѣта на этотъ вопросъ дала намъ система Луи Блана въ трехъ своихъ фазисахъ:

1) Путемъ прямаго правительственнаго вмѣшательства и устройства ассоціаціи помимо спроса, воли и самодѣятельности рабочихъ.

2) Путемъ правительственной помощи къ выкупу самими рабочими существующихъ заведеній и основанію новыхъ: — слѣдовательно путемъ смѣшаннымъ.

3) Путемъ личной самодѣятельности рабочихъ.

Изъ трехъ способовъ меньше всего подходитъ къ экономистамъ конечно первый; но они не менѣе протестуютъ и противъ

втораго, хотя содѣйствіе или помощь самодѣятельности далеко не одно и то же, что прямое вмѣшательство. — Есть конечно случаи, гдѣ ассоціація могла бы развиться чисто своими собственными средствами, и есть средства сдѣлать довольно возможнымъ это развитіе, замѣняя правительственное содѣйствіе, правительственный кредитъ кредитомъ общественнымъ или устройствомъ банковъ съ спеціальной цѣлью содѣйствія ассоціаціямъ. Но во первыхъ, есть ли тогда серьезная причина держаться столь строго третьяго способа, не будетъ ли это формализмомъ и споромъ о словахъ. Во вторыхъ, имѣетъ ли экономистъ, требующій прежде всего конкурренціи и вслѣдствіе того ассоціаціи, право быть слишкомъ разборчивымъ тамъ, гдѣ отвергая извѣстный путь, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ отказаться по неволѣ и отъ главнаго своего требованія — конкурренціи. Вотъ дилемма, въ которую мы кажется имѣемъ полное право поставить экономистовъ по поводу вопроса о средствахъ. Что послѣдовательнѣе ученію о конкурренціи, отсутствіе конкурренціи при отсутствіи правительственной помощи, или признаніе послѣдней ради первой? Пусть рѣшатъ это сами экономисты. — Независимо же отъ того формализма, которымъ страдаютъ обыкновенно экономисты-теоретики, выборъ между тремя предположенными путями могъ бы представлять конечно весьма мало серьезнаго повода къ затрудненію, для всякаго сколько нибудь знакомаго съ практическимъ ходомъ дѣлъ. Практика, какъ извѣстно, не любитъ крайнихъ путей и представляетъ поэтому столь же мало чистаго невмѣшательства, сколько и чистаго вмѣшательства, и слѣдовательно столь же мало представляетъ въ этомъ случаѣ чистыхъ экономистовъ. Мы съ нею вмѣстѣ, не будучи вовсе формалистами, менѣе всего имѣемъ повода держаться за которую либо изъ крайностей. Все зависитъ отъ обстоятельствъ и нравовъ; въ иныхъ мѣстахъ вмѣшательство стало

столь непопулярно, что потеряло всякое довѣріе; все зависитъ отъ того, какія преданія оставило по себѣ это вмѣшательство. Тамъ, гдѣ развилось много самодѣятельности, можно иначе говорить о вмѣшательствѣ, чѣмъ у насъ. Но было бы совершенно неразсчетливо учить общество разсчитывать на полученіе всѣхъ улучшеній готовыми путями вмѣшательства, убивая въ немъ всякую самодѣятельность; гораздо важнѣе напротивъ учить его самодѣятельности, учить неразсчитывать на постороннюю помощь, хотя и отвергать этой помощи также нельзя. Такъ падаетъ, по нашему мнѣнію, послѣдняя несущественная черта раздѣлявшая такъ называемыхъ соціалистовъ отъ экономистовъ школы Мальтуса Если экономисты желаютъ только конкурренціи, то они должны домогаться во всякомъ случаѣ ассоціаціи, не стѣсняясь слишкомъ формальностями, иначе они пойдутъ противъ конкурренціи, т. е. сами противъ себя. Изъ этого оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ довольно очевидно, что конкурренція и невмѣшательство или вмѣшательство суть двѣ совершенно различныя и независимыя вещи (находка, на которую никакъ не могли напасть экономисты) и вовсе не предполагаютъ другъ друга до того, чтобы стать выраженіями однозначащими, какими ихъ считали до сихъ поръ постоянно экономисты. Невмѣшательство и вмѣшательство суть понятія политическія, конкурренція и монополія понятія экономическія, и смотря по тому, какъ мы будемъ пользоваться вмѣшательствомъ или невмѣшательствомъ, мы будемъ создавать въ жизни то конкурренцію, то монополію, и никакъ не можемъ думать, что разъ мы допускаемъ невмѣшательство, мы вмѣстѣ съ тѣмъ говоримъ—конкурренція; напротивъ, это часто значитъ отсутствіе конкурренціи.

Поэтому-то изъ всѣхъ экономистовъ развѣ западные имѣли бы какой либо поводъ особенно настаивать на формализмѣ и невмѣшательствѣ — но ужь никакъ не наши. Тамъ на то свои

особыя причины, тамъ понятна и та непопулярность, которою пользуется слово вмѣшательство. Классъ, пользующійся наиболѣе отсутствіемъ конкурренціи, классъ крупныхъ монополистовъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ самый вліятельный въ правительствѣ и потому способенъ развѣ лишь на такое вмѣшательство, которое никакъ не разширитъ, а скорѣе еще болѣе съузитъ настоящія границы конкурренціи; но когда наступитъ то время, когда разные народные элементы будутъ лучше и равномѣрнѣе представлены въ правительствѣ, чѣмъ теперь, тогда и тамъ естественно ожидать иного характера вмѣшательства и слѣдовательно иного на него взгляда. Тамъ наконецъ простительнѣе говорить о невмѣшательствѣ, потому что есть хотя какая либо самодѣятельность въ обществѣ. Какой же смыслъ говорить о невмѣшательствѣ, по ихъ примѣру у насъ, гдѣ ни народъ ни о чемъ не думаетъ, ни общество, и еще хотятъ, чтобы ни о чемъ не думало правительство. Эта-то именно измѣнчивость и зыбкость, связанныя съ практическимъ значеніемъ вмѣшательства и невмѣшательства, показываютъ намъ окончательно, что они не могутъ служить принципами, между которыми могла бы выбирать наука, и слѣдовательно поводомъ къ признанію въ наукѣ двухъ школъ, на томъ только основаніи, что одни будутъ держаться вмѣшательства, другіе невмѣшательства, что могутъ случиться писатели, которые не поймутъ сами требованій своей науки и провозглашая съ одной стороны конкурренцію, будутъ дѣлать все съ другой, чтобы убить ту же конкурренцію. А затѣмъ еще менѣе остается кажется повода къ такому расколу науки въ самомъ существѣ дѣла.

Луи Бланъ, какъ мы видѣли, признавалъ конкурренцію не менѣе экономистовъ, Прудонъ также, экономисты также—въ чемъ же было между ними разномысліе? Разномысліе было только въ томъ, что первые два признавали конкурренцію, какъ принципъ, ведущій въ концѣ концовъ къ уничтоженію самой конкурренціи

и солидарности во имя уничтоженія конкурренціи черезъ самую конкурренцію; экономисты признавали ее въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ конкурренція служила только средствомъ прекратить всякую конкурренцію въ пользу монополіи, хотя и говорили, что признаютъ ее за принципъ. Первые понимали ее конечно разсудительнѣе и лучше экономистовъ и старались только раскрыть имъ глаза, на это экономисты стали кричать пожаръ!... Но теперь они какъ будто вразумились хотя на половину. Теперь экономисты, признавъ ассоціацію, признали стало быть и необходимость расширить предѣлы конкурренціи для того, чтобы спасти ее, признались стало быть, что прежде они понимали ее дурно, и согласились понять ее слѣдовательно такъ, какъ училъ ихъ Луи Бланъ и Прудонъ. Съ этой минуты разномысліе въ теоріи уже потрясено. Не будемъ же мы повторять ихъ старыхъ нападокъ на того и другаго и слушать новыхъ, если они еще возможны.—Время этихъ нападокъ прошло и несправедливость ихъ стала ясна. Ни Прудонъ, ни Луи Бланъ не были очевидно преступными агитаторами —они были лучшими истолкователями экономическихъ принциповъ, чѣмъ сами экономисты, и послѣдніе невольно должны рано или поздно подчиниться и признать превосходство этихъ толкованій tacito consensu. Есть ли же еще поводъ толковать о старыхъ раздѣленіяхъ? Съ другой стороны и Луи Бланъ и Прудонъ имѣли конечно свои ошибки, но ошибки эти не касались сущности экономическаго вопроса и были ошибками практическими и политическими и заключались въ самыхъ способахъ приложенія своихъ взглядовъ къ практикѣ, ошибками, которыхъ не могли имѣть экономисты, ничего ровно не дѣлавшіе за это время, и въ этомъ конечно ихъ несомнѣнное преимущество.

Теперь-то, познакомившись съ ассоціаціями въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ дѣйствительно желалъ Луи Бланъ, слѣдуетъ сказать

о столь извѣстныхъ „національныхъ мастерскихъ“, которыя считались и считаются многими до сихъ поръ за созданіе Луи Блана и которыя были въ сущности только жалкой каррикатурой, которую умышленно состроило революціонное правительство для того, чтобы уронить идею ассоціацій и Луи Блана въ общемъ мнѣніи. Такъ какъ заблужденіе въ этомъ случаѣ было и остается довольно общимъ, то намъ кажется не лишнее привести собственное отреченіе Луи Блана отъ этихъ мастерскихъ и разсказъ о томъ, какъ было дѣло.

„Въ февралѣ 1848 г., пишетъ Луи Бланъ, когда еще не было рѣчи о люксенбургской коммиссіи, въ „Монитерѣ“ появился слѣдующій декретъ: „Временное правительство декретируетъ устройство національныхъ мастерскихъ. Приведеніе въ исполненіе настоящаго декрета возлагается на министра публичныхъ работъ“. Первой побудительной причиной къ изданію этого декрета послужило наводненіе Парижа работниками, лишенными работы вслѣдствіе промышленнаго кризиса, которымъ сопровождалась революція, а министромъ публичныхъ работъ былъ въ это время Мари, открытый противникъ моихъ взглядовъ, и ему-то, этому открытому антагонисту рабочаго дѣла, поручалось означеннымъ декретомъ устройство національныхъ мастерскихъ. Слѣдовавшій затѣмъ подробный декретъ, касающійся этихъ мастерскихъ, отъ 6 марта 1848 года, составился и былъ обсужденъ въ особой коммиссіи, въ которой я (пишетъ Луи Бланъ) не принималъ ни малѣйшаго участія. Управленіе мастерскими было поручено нѣкоему Эмилю Тома, котораго я даже никогда не видалъ въ лицо, и который при допросахъ впослѣдствіи показывалъ, что онъ былъ въ открытой враждѣ съ Люксенбургомъ и открыто работалъ, чтобы подорвать вліяніе Луи Блана“.

Что касается наконецъ самаго плана, по которому были устроены національныя мастерскія, то не было ничего противнѣе

этого плана мыслямъ автора брошюры объ устройствѣ труда. „Я предлагалъ, пишетъ Луи Бланъ, собрать рабочихъ одной профессіи въ общія мастерскія и промышленныя корпораціи,— тутъ были собраны рабочіе различныхъ профессій для занятія однимъ и тѣмъ же совершенно случайнымъ дѣломъ, въ которомъ даже никто не нуждался и которое служило только предлогомъ для занятія рабочихъ. Я имѣлъ цѣлью соединить семейства въ ассоціаціи, занятыя обезпечивающими ихъ и прочными предпріятіями. Тутъ были устроены казармы для всякаго пришлаго люда, для случайнаго сбора настоящихъ пролетаріевъ, которыхъ раздѣляли на бригады и кормили на счетъ казны, не зная что съ ними дѣлать и на что ихъ употребить; это были преміи праздности, скрытая милостыня. Этого было бы достаточно, говоритъ Луи Бланъ, для доказательства, какъ мало было общаго между моими мыслями и національными мастерскими, если бы при этомъ не было на лицо указаній еще болѣе яркихъ, разъясняющихъ самый взглядъ временнаго правительства на національныя мастерскія и ту цѣль, которую въ нихъ преслѣдовало временное правительство. Эмиль Тома самъ разсказываетъ на этотъ счетъ весьма любопытные факты.“

„Мари потребовалъ меня въ Hôtel de Ville и здѣсь объявилъ мнѣ, что на національныя мастерскія назначена сумма въ 5 милл. фр. Затѣмъ онъ отвелъ меня въ сторону и спросилъ понижая голосъ: могу ли я разсчитывать на работниковъ? — Я думаю, отвѣчалъ я, только число ихъ возрастаетъ такъ быстро, что вліяніе на нихъ становится все затруднительнѣе. — Не заботьтесь о числѣ, не щадите денегъ; при случаѣ вы можете даже разсчитывать на негласные кредиты, старайтесь только искренне привязать ихъ къ себѣ, потому что можетъ быть недалеко время, когда придется ихъ вывести на улицу“.

„Итакъ, продолжаетъ Луи Бланъ, въ то время, какъ мы

не имѣли ни одной копѣйки въ Люксенбургѣ, временное правительство тратило милліоны для того, чтобы кормить массу праздношатающихся, думая создать себѣ между ними политическую силу; въ то время, какъ все это дѣлали явно мои противники, вся эта исторія національныхъ мастерскихъ обрушалась въ общественномъ мнѣніи на мою голову и призывала на нее проклятія. Какъ организатора національныхъ мастерскихъ, меня упрекали въ іюньскомъ возстаніи, вызванномъ закрытіемъ этихъ мастерскихъ, которое должно было рано или поздно совершиться. Какъ организатора этихъ мастерскихъ, меня два раза пытались убить—разъ у порога національнаго собранія, другой разъ среди бѣлаго дня и среди бульваровъ.“

Между тѣмъ расположеніе народа продолжало повидимому оставаться все-таки на сторонѣ Люксенбурга, не смотря на всѣ разсчеты Мари и противной партіи закормить пролетаріевъ. Дѣйствія народа открыто указывали на такое сочувствіе; мало того, на готовность его силой поддержать люксенбургскую партію. 17 марта народъ производитъ демонстрацію въ пользу отсрочки выборовъ въ члены національнаго собранія, отсрочки, которой какъ нельзя болѣе желалъ Луи Бланъ, какъ онъ самъ въ этомъ сознается.

„Я считалъ нужнымъ, пишетъ онъ, дать возможность и время временному правительству сдѣлать что нибудь прочное и рѣшительное для республики; дать прочное направленіе рабочему вопросу, прежде чѣмъ передать все дѣло въ руки многочисленнаго собранія, личный составъ котораго при поспѣшности выборовъ и непривычкѣ къ нимъ народа, могъ оказаться весьма случайнымъ.“ Позже народъ приходитъ въ волненіе при одномъ слухѣ объ изведеніи Луи Блана, такъ что вообще можно было бы сомнѣваться, не Люксенбургъ ли руководилъ этими новыми демонстраціями, еслибъ съ другой стороны Луи Бланъ не выра-

жалъ самъ по себѣ столько политической нерѣшительности. Самъ Луи Бланъ утверждаетъ, что онъ менѣе всего желалъ этихъ демонстрацій, и есть признаки, доказывающіе, что онъ просто напросто боялся ихъ. Главная причина такой боязни состояла конечно въ томъ, что эти манифестаціи еще болѣе усиливали ту бездну, которая и безъ того лежала уже между Люксенбургомъ и враждебными ему членами правительства. Послѣдніе все болѣе и болѣе должны были чувствовать себя въ ложномъ положеніи, зная, что противъ нихъ рабочая масса, и боясь съ часу на часъ переворота, который передастъ диктатуру въ руки Люксенбурга. Эти-то манифестаціи, писалъ Прудонъ, были послѣднимъ пробнымъ камнемъ, на которомъ выразилась окончательная политическая неспособность и непослѣдовательность Луи Блана. По его понятіямъ рабочее дѣло могло быть поставлено на прочный путь только при посредствѣ диктатуры; эти манифестаціи были самой удобной минутой для Луи Блана устранить безъ особаго труда мѣшавшихъ рабочему дѣлу членовъ временнаго правительства и стать во главѣ дѣла. Но онъ упустилъ эти минуты, а вмѣстѣ съ ними и всѣ шансы на успѣхъ. Почему же онъ упустилъ изъ рукъ? Луи Бланъ отвѣчаетъ на это, что если Люксенбургъ находилъ сочувствіе въ рабочей средѣ, то съ другой стороны все буржуазное общество находилось на сторонѣ прочихъ членовъ временнаго правительства, что популярность, которой пользовался Ламартинъ въ этой средѣ, была громадна и потому овладѣть движеніемъ было вовсе не такъ легко, какъ думаетъ Прудонъ. Нерѣшительность Луи Блана выходила такимъ образомъ просто напросто изъ боязни буржуазной партіи временнаго правительства.

Итакъ въ концѣ концовъ выходило, что обѣ стороны временнаго правительства боялись другъ друга и эта взаимная боязнь обрекала обѣ на безсиліе. Среди такой-то взаимной боя-

зни они дотянули время до выборовъ, до національнаго собранія. Но здѣсь уже открылось поприще дѣйствія не для двухъ только разномыслящихъ сторонъ, какія встрѣтились между собой во временномъ правительствѣ, а для всего, что оставалось еще въ живыхъ отъ прежняго порядка и выжидало своего времени.

Открылось національное собраніе. Не смотря на всѣ хлопоты противъ кандидатовъ Люксенбурга, Луи Бланъ и Альберъ оказались въ числѣ представителей. Но они были единственными изъ членовъ временнаго правительства, оставшимися безъ мѣста въ новомъ правительствѣ. Луи Бланъ говоритъ, что разсчитывая провести мысль объ устройствѣ министерства прогресса или работъ, онъ и не хотѣлъ принимать на себя никакой другой оффиціальной роли, кромѣ роли депутата. Министерство прогресса всего менѣе, казалось, могло осуществиться. Теперь засѣданія собранія открылись 4 мая. 10 мая Луи Бланъ говорилъ въ пользу работниковъ и министерства прогресса; но рѣчь его встрѣчена была полнымъ равнодушіемъ и не имѣла ни малѣйшаго успѣха.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, народъ производитъ новую манифестацію. Ко всеобщему страху и замѣшательству, онъ подымаетъ знамена съ старой надписью „министерство работы“, наводняетъ залу собранія съ торжествомъ, носитъ на рукахъ Луи Блана среди всеобщаго безпорядка и растерянности. Это происходило 15 мая. 31 мая, въ то самое время, когда Луи Бланъ входилъ въ залу собранія, генеральный прокуроръ республики Порталисъ читалъ собранію представленіе министерства юстиціи о разрѣшеніи начать судебное преслѣдованіе Луи Блана, какъ виновника означенной манифестаціи и участника безпорядковъ, произведенныхъ народомъ въ собраніи. Докладчикомъ по этому дѣлу былъ назначенъ Жюль Фавръ и онъ высказался въ пользу преслѣдованія. Не смотря на это однако, не смотря на всю вражду къ Луи Блану, никто изъ членовъ

собранія не рѣшился поддержать преслѣдованія. А собранныя показанія опровергли всѣ обвинительные пункты, на которыхъ основывалось преслѣдованіе, и національное собраніе не допустило преслѣдованія. Такимъ образомъ было очевидно, что въ то время какъ большая половина правительства ничего не хотѣла дѣлать, Люксенбургъ зналъ, что дѣлать, и хотѣлъ дѣлать, но трусилъ; одинъ народъ настойчиво и послѣдовательно шелъ къ своей опредѣленной цѣли и зналъ ясно эту цѣль. А Луи Бланъ жаловался, что эта настойчивость народа затрудняетъ его личное положеніе, усиливаетъ вражду противъ него. Такое положеніе вещей, становившееся все болѣе и болѣе ложнымъ и натянутымъ, очевидно не могло продолжаться долго. Народъ долженъ былъ убѣдиться, что вожди его дѣла, которымъ онъ готовъ былъ оказывать такую рѣшительную поддержку, рѣшительно неспособны сдѣлать что либо для народа политическимъ путемъ и воспользоваться этой поддержкой, что они просто напросто ея трусятъ, и затѣмъ можно было ждать, что разсчитывая болѣе уже на свои собственныя силы, чѣмъ на силы своихъ представителей, онъ дастъ открытое сраженіе реакціи, которое и рѣшитъ, за кѣмъ останется побѣда. Случай къ этому не замедлилъ представиться. Но независимо отъ Луи Блана и Люксенбурга, реакція имѣла еще злѣйшаго врага, ею самой созданнаго, съ которымъ ей предстояло раздѣлаться прежде, чѣмъ овладѣть совершенно положеніемъ: врагъ этотъ были національныя мастерскія. Послѣ послѣдней манифестаціи, реакція пришла къ тому убѣжденію, что слѣдуетъ покончить сразу съ рабочимъ вопросомъ и работниками, безцеремонно и если нужно, силой осадить пролетарія, и черезъ то обезпечить себѣ свободный путь и положеніе, избавленное отъ назойливости черни. Задача состояла въ томъ, чтобы дать совершенно грубо и открыто почувствовать народу, что связываться рабочимъ во-

просомъ и думать объ устройствѣ труда правительство республики вовсе не желаетъ — и работники могутъ дѣлать сами что хотятъ подъ условіемъ только сидѣть смирно. Такое заявленіе должно было начаться роспускомъ національныхъ мастерскихъ, которыя никакъ уже не могли вязаться болѣе съ системой, которую реакція считала теперь нужнымъ заявить, ибо пока существовали національныя мастерскія, до тѣхъ поръ они служили живымъ признакомъ, что республика считаетъ своею обязанностью заботиться о рабочемъ и устроить его положеніе. Напротивъ, разрушая эти мастерскія, государство явно и абсолютно отрекалось отъ признанія такого обязательства, а вмѣстѣ съ тѣмъ давало отставку и всѣмъ тѣмъ планамъ, какіе строились въ Люксенбургѣ. Но разрушить національныя мастерскія значило выбросить безъ пищи на улицу массу работниковъ, вызвать голодъ. Для того чтобы идти на такое дѣло, нужна была своего рода рѣшимость, передъ которой останавливались болѣе трусливые члены правительства, и самъ Тома, организаторъ мастерскихъ, предлагалъ теперь, не распуская ихъ, преобразовать съ помощью правительства въ рабочія корпораціи, по плану приближающемуся къ мыслямъ люксенбургской коммиссіи. Предложеніе это однако осталось втунѣ и реакція рѣшилась привести въ исполненіе трудную мѣру—распустить просто напросто мастерскія.

23 іюня Фаллу читалъ свой докладъ по этому предмету національному собранію, гдѣ предполагалось распустить мастерскія, выдавъ по 30 франковъ вознагражденія каждому работнику. Но въ то время, когда происходило это чтеніе, Парижъ уже покрывался баррикадами, шла уличная стрѣльба, раздавались крики народа: „хлѣба или свинцу“. „Тридцать франковъ, писалъ по этому случаю Прудонъ, въ обмѣнъ за вѣчность нищеты, это напоминало тридцать сребренниковъ, за которые Іуда предалъ Христа“.

Вмѣстѣ съ іюньскими безпорядками кончила свое существованіе исполнительная коммиссія, смѣнившая временное правительство и составленная большею частью изъ членовъ этого правительства и на мѣсто ея вступила диктатура Каваньяка, командовавшаго войсками и побѣдившаго іюньское возстаніе; но диктатура эта продолжалась въ настоящемъ смыслѣ всего одинъ день, пока длилась рѣзня; затѣмъ она стала лишь номинальною, и настоящими хозяевами положенія стали Тьеръ, Фаллу, Монталамберъ, Одилонъ-Барро, Беррье, все роялисты, т. е. уже открытая реакція. Тотчасъ же съ цѣлью устранить изъ національнаго собранія нѣкоторыхъ безпокойныхъ членовъ, была назначена коммиссія для производства слѣдствія надъ майскими и іюньскими событіями. Луи Бланъ, Ледрю Ролленъ и Косидьеръ были три члена, противъ которыхъ было предложено начать преслѣдованіе. Національное собраніе допустило его относительно Луи Блана 25 августа — въ ту же ночь Луи Бланъ бѣжалъ въ Лондонъ. Такъ кончилась политическая роль Луи Блана въ судьбѣ рабочихъ; въ политическомъ отношеніи роль бѣдная, исполненная ошибокъ и безхарактерности. Съ этихъ поръ вліяніе его оставалось живо лишь въ видѣ вызванныхъ и созданныхъ имъ ассоціацій, которымъ однако грозили скорыя невзгоды и угнетенія. Лудовикъ Наполеонъ былъ уже давно выбранъ въ число членовъ національнаго собранія, и партія его не безъ успѣха работала, чтобы создать его имени нужную силу, и когда эта сила стала ясною для всѣхъ и достаточно оперилась, то она потушила и эти послѣдніе остатки уцѣлѣвшей дѣятельности Луи Блана въ видѣ ассоціацій. Что же касается до прямаго вмѣшательства на пользу рабочаго дѣла, то само собою разумѣется, что разсчитывать на него послѣ іюньскихъ дней было совершенно безразсудно, и напротивъ совершенно ясно, что система вмѣшательства на этотъ разъ по крайней мѣрѣ совершенно доиграла

свою роль. Правда, Парижъ былъ впослѣдствіи перестроенъ и булонскій лѣсъ украшенъ прудами и каскадами трудомъ работниковъ, которыхъ не знали чѣмъ занять, но это вмѣшательство имѣло болѣе общаго съ идеей національныхъ мастерскихъ, чѣмъ съ вмѣшательствомъ, какъ его понимали въ Люксенбургѣ.

Теперь только, послѣ того какъ реакція стала выражать довольно явственно свою силу, Прудонъ, потерявшій также надежду, чтобы его выслушало правительство и превратило французскій банкъ въ банкъ народный, согласно плану изложенному выше, рѣшился испробовать собственными силами осуществить устройство кредита, которое составляло по его понятіямъ всю сущность рабочаго вопроса. Съ одной стороны теперь были, конечно, условія, которыя помогали успѣху такого дѣла. Для работниковъ, для которыхъ должны были разрушиться теперь всѣ надежды на Люксенбургъ, попытка Прудона была такимъ интереснымъ явленіемъ, которое по неволѣ должно было привлечь все ихъ вниманіе и соединить на себѣ послѣднія ихъ надежды на выходъ изъ труднаго положенія. Но съ другой стороны самъ Прудонъ, весьма хорошо указывавшій успѣхъ реакціи, едвали не долженъ былъ предвидѣть, что теперь реакція уже едвали потерпитъ успѣхъ его банка, если онъ только станетъ удаваться—словомъ, что дѣло, которое онъ начиналъ, начиналось имъ уже слишкомъ поздно и удобное къ тому время было упущено. Тѣмъ не менѣе банкъ состоялся и 31 января 1849 года Прудонъ явилъ у нотаріуса уставъ банка. На основаніи этого устава Прудонъ являлся основателемъ коммерческаго общества на акціяхъ, именуемаго обществомъ народнаго банка. Онъ долженъ былъ быть его директоромъ распорядителемъ. Цѣль банка была: 1) сдѣлать при посредствѣ кредита общедоступнымъ пользованіе капиталами, землями, орудіями и личнымъ трудомъ различнаго рода; 2) облег-

чить сбытъ продукта для производителей и нахожденіе работы для работниковъ.

Независимо отъ членовъ-акціонеровъ банка въ собственномъ смыслѣ, всякій призывался къ участію въ дѣлахъ банка, въ качествѣ члена-участника. Для этого требовалось только заявить готовность подчиниться требованіямъ банковаго устава и принимать бумаги банка.

Имѣя въ виду, что всякій продуктъ есть результатъ труда, капиталъ самъ по себѣ вовсе непроизводителенъ безъ приложенія къ нему труда, что всякая кредитная операція по существу своему представляетъ не созданіе новыхъ цѣнностей, а только обмѣнъ существующихъ, банкъ, будучи чисто кредитнымъ учрежденіемъ, можетъ дѣйствовать безъ капитала, но пока операціи банка недостаточно еще расширились и, примѣняясь къ существующимъ обычаямъ, банкъ начнетъ свои дѣйствія съ основнымъ капиталомъ, размѣръ коего опредѣляется въ пять милліоновъ франковъ, раздѣленныхъ на милліонъ акцій по пяти франковъ каждая.—Акціи эти будутъ именныя и безпроцентныя, взносы по нимъ могутъ производиться по частямъ. Погашеніе ихъ будетъ производиться постепенно по мѣрѣ развитія операцій общества. Общество считается окончательно открытымъ, когда будетъ разобрано по крайней мѣрѣ 10,000 акцій.

Банкъ производитъ свои операціи черезъ выпускъ безпроцентныхъ векселей на банкъ или бумажныхъ знаковъ различной номинальной цѣнности отъ пяти франковъ и ниже до ста франковъ и болѣе по усмотрѣнію. Знаки эти носятъ названіе bons de circulation.

Въ отличіе отъ обыкновенныхъ банковыхъ билетовъ, курсъ коихъ обезпечивается обязательнымъ для банковъ обмѣномъ ихъ на звонкую монету, обращеніе настоящихъ знаковъ основывается на обязательномъ пріемѣ ихъ вмѣсто всякаго рода упла-

ты всѣми лицами, изъявившими желаніе быть членами-участниками.

Независимо отъ того, означенные банки обезпечиваются коммерческими векселями, звонкой монетой, акціями банка, которыя обратно поступятъ въ банкъ въ обмѣнъ на эти знаки, и вообще всякаго рода цѣнностями, которыя поступятъ въ кассу банка въ обмѣнъ на эти знаки. Обмѣнъ же на звонкую монету зависитъ отъ усмотрѣнія банка.

Всякій изъ акціонеровъ и членовъ-участниковъ обязуется по преимуществу обращаться за покупками и заказами къ такимъ же акціонерамъ и членамъ-участникамъ общества и на оборотъ принимать заказы и доставлять свои произведенія тѣмъ же лицамъ по уменьшеннымъ цѣнамъ. Обмѣнъ въ этомъ случаѣ и совершается при посредствѣ знаковъ банка. Знаки эти выдаются банкомъ: 1) въ обмѣнъ на звонкую монету; 2) подъ коммерческіе векселя съ двумя надписями; 3) подъ склады товаровъ; 4) подъ коллективныя обязательства обществъ и рабочихъ артелей; 5) въ ссуду за поручительствомъ; 6) подъ ипотеки.

Величина учетнаго процента должна быть постепенно пополняема банкомъ по мѣрѣ развитія его операцій до наименьшаго размѣра, необходимаго на расходы по содержанію самаго банка, предварительно же и первоначально величина эта опредѣляется въ 2% за годъ. Банкъ поощряетъ своими ссудами устройство рабочихъ ассоціацій и даже самъ заботится объ устройствѣ таковыхъ, но послѣднія остаются учрежденіями совершенно отъ него независимыми; онъ заботится о сближеніи между собой производителей и потребителей; ведетъ и публикуетъ списки членовъ-соучастниковъ, публикуетъ промышленныя извѣстія и приступаетъ къ составленію спеціальной промышленной статистики. Банкъ наконецъ принимаетъ вклады на храненіе безъ процентовъ и на срокъ, а также на текущій счетъ.

Балансъ операцій банка сводится каждые шесть мѣсяцевъ.— Чистая прибыль присоединяется къ капиталу банка или употребляется на погашеніе акцій до того времени, когда общее собраніе признаетъ возможнымъ понизить учетъ до размѣра необходимаго на одно содержаніе банка.

Администрація банка состоитъ предварительно изъ 1) директора-распорядителя, 2) наблюдательнаго совѣта и 3) изъ общаго собранія. Директоромъ-распорядителемъ признается Прудонъ, онъ избираетъ себѣ отъ двухъ до четырехъ помощниковъ, кромѣ того при немъ состоитъ учетный комитетъ для разсмотрѣнія представляемыхъ къ учету цѣнностей; комитетъ этотъ имѣетъ голосъ лишь совѣщательный.

Наблюдательный совѣтъ контролируетъ всѣ счеты и наблюдаетъ за исполненіемъ распорядителемъ условій устава; онъ составляется изъ тридцати членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ. Одна треть ихъ мѣняется ежегодно по жребію. Наблюдательный совѣтъ можетъ выбрать изъ своей среды трехъ членовъ для спеціальнаго наблюденія за ходомъ счетной и распорядительной части въ банкѣ.

Общее собраніе составляется по большой мѣрѣ изъ тысячи выборныхъ отъ всѣхъ акціонеровъ и членовъ-участниковъ; выборы дѣлаются по профессіямъ, въ количествѣ сообразномъ съ числомъ избирателэй, принадлежащихъ къ данной профессіи. Обыкновенное общее собраніе созывается ежегодно въ первый мѣсяцъ года, экстраординарныя собранія по приглашенію директора-распорядителя или наблюдательнаго совѣта; общее собраніе 1) ревизуетъ счеты; 2) опредѣляетъ размѣръ учета; 3) разрѣшаетъ выпускъ новыхъ акцій; 4) измѣняетъ уставъ; 5) смѣняетъ, если признаетъ нужнымъ, директора-распорядителя и избираетъ новаго и пр. Оно рѣшаетъ по большинству голосовъ присутствующихъ членовъ.

Фирма Прудонъ и комп. и соотвѣтствующія съ этимъ условія придаются банку только предварительно до возможности преобразовать его въ настоящее анонимное общество.

Таковъ въ основныхъ чертахъ уставъ банка, начатаго Прудономъ. Взглядъ нашъ на его значеніе долженъ быть уже ясенъ читателю изъ предъидущихъ нашихъ разсужденій. Не вдаваясь поэтому въ новую оцѣнку лично, мы считаемъ лучше привести отзывъ о немъ, сдѣланный недавно однимъ солиднымъ и неувлекающимся нѣмецкимъ публицистомъ, котораго никто конечно не заподозритъ въ пристрастіи къ утопіямъ.—Вотъ что между прочимъ встрѣчаемъ мы объ этомъ банкѣ у Энглендера автора исторіи французскихъ ассоціацій.

„Въ 1829 году, братьями Мацель былъ основанъ банкъ, для непосредственнаго размѣна продуктовъ; не удивительно, что въ предположеніи Прудона о размѣнномъ банкѣ увидѣли сколокъ съ ихъ проэкта, тогда какъ въ сущности между системой братьевъ Мацель и банкомъ Прудона было мало общаго. Мацель буквально запрещалъ всякую куплю и продажу на деньги, желая довести торговые обороты до непосредственнаго обмѣна продуктовъ на продукты, напримѣръ, шляпы на пальто, сапоговъ на брюки. Цѣль же народнаго банка состоитъ въ безъучетномъ обращеніи торговыхъ обязательствъ. Тотъ имѣлъ въ виду непосредственное обращеніе продуктовъ, а Прудонъ обращеніе стоимости ихъ; главнымъ же принципомъ народнаго банка было пониженіе дисконта, тогда какъ обороты Мацеля должны были приносить 8%.

„Въ Парижѣ проэктъ этого банка возбудилъ общее вниманіе народа. Стали появляться сочувствующіе изъ всѣхъ ремеслъ, множество рабочихъ ассоціацій изъявило желаніе принять въ немъ участіе. Даже нѣкоторые представители богатой буржуазіи стали брать акціи. Въ 12 округѣ, то есть въ настоящемъ притонѣ

бѣдности, составлялись собранія, въ которыхъ обсуждался этотъ проэктъ. Они составили у себя особый комитетъ, „Comité de correspondance du 12 arrondissement“, изъ 12 членовъ, съ тѣмъ, чтобы уполномочить его войти въ сношенія съ народнымъ банкомъ и выяснить нѣкоторые пункты желающимъ взять акціи. Образовались также комитеты для народнаго банка во многихъ департаментскихъ городахъ, между которыми самымъ главнымъ былъ комитетъ города Ліона. Уставъ былъ явленъ 31 іюля. 23 марта 1849 года были опубликованы списки ремесленниковъ, уже поступившихъ въ банкъ. — Тамъ было 1613 мастеровъ и 8694 работника. 26-го марта по числу внесенныхъ уже задатковъ можно было видѣть, что число акціонеровъ въ Парижѣ простиралось до 11,355, въ Ліонѣ 1,054, въ Реймсѣ 168 и Безансонѣ 82. Такъ какъ банкъ вступалъ въ сношенія со множествомъ производителей какъ въ Парижѣ, такъ и въ департаментахъ, то могъ вслѣдствіе этого облегчить многимъ ассоціаціямъ покупку продуктовъ. Съ образованіемъ новаго комитета сношенія эти должны были увеличиваться, такъ что банкъ обѣщалъ со временемъ доставлять всѣ продукты по фабричнымъ цѣнамъ. Банкъ уже потому въ самомъ началѣ могъ сдѣлаться посредникомъ между ассоціаціями и производителями сырья, что основатели его были близко знакомы съ положеніемъ ассоціацій. Многія ассоціаціи обращались даже съ просьбою къ должностнымъ лицамъ банка провѣрить ихъ книги.

„Конечно, такое довѣріе работниковъ къ банку, основанному не на деньгахъ, а на довѣріи извѣстному принципу, показываетъ нѣкоторую степень образованности рабочихъ. Бумаги народнаго банка были не бумажными деньгами, а просто бумажнымъ товаромъ, трудовыми деньгами, и слѣдовательно деньгами всѣхъ работниковъ. Въ то время, какъ бумажныя деньги замѣняли золото и серебро, бумаги банка представляли: товары, продукты

и работу. Они замѣняли собой не одинъ какой либо извѣстный товаръ или извѣстную работу; а напротивъ, обезпечивали всѣ работы, соединяли всѣ производства. Работники поняли, что такая операція при участіи въ ней всего общества могла совершаться безъ денежнаго капитала, заключаясь въ одномъ посредничествѣ между производителями и потребителями.

„Еслибъ реакція дала только нѣсколько времени Прудону развить свой проэктъ и увеличить число участвующихъ, то банкъ бы удался, не смотря на свой небольшой капиталъ.

„Становились участниками банка по одному тому, что записывали свое имя, званіе и жилище, — обязываясь принимать при разсчетахъ банковыя бумаги.

„Для производства работъ и для сбыта продуктовъ можно легко обойтись безъ денегъ. Стоитъ только, чтобъ производитель и потребитель обязались принять при разсчетѣ бумаги какого либо мѣноваго банка. При настоящемъ порядкѣ вещей обмѣнъ совершается при посредствѣ денегъ, которыя производители достаютъ, платя большіе проценты, тогда какъ при прямомъ обмѣнѣ этотъ процентъ, эта даровая дань капиталисту должна была бы уничтожиться“

„Сначала работники полагали, что необходимо брать акціи для того, чтобъ сдѣлаться участниками банка. Хотя акціи были пущены по 5 франковъ и даже выдавались купоны по 50 сантимовъ; но все это было помѣхою для того, чтобъ въ банкѣ могло участвовать большое число лицъ. Но какъ только работники сообразили, что можно обойтись и безъ денежныхъ взносовъ, то число участниковъ значительно увеличилось и возрасло бы еще болѣе, еслибъ этому предпріятію было суждено созрѣть. Но реакція не допустила просуществовать ему долѣе трехъ мѣсяцевъ и банкъ долженъ былъ скоро ликвидироваться вслѣдствіе приговора Прудона къ трехлѣтнему тюремному за-

ключенію. Прудонъ воображалъ, что старое общество умерло, и каковъ же былъ его ужасъ, когда онъ почувствовалъ, что оно еще живо. „Еще не умерло, живо еще общество!“ съ отчаяніемъ воскликнулъ онъ въ своемъ листкѣ послѣ приговора къ трехлѣтнему заключенію и штрафу въ 10,000 франковъ. Этотъ крикъ отчаянія былъ принятъ многими за слабость съ его стороны.“

„Все это повело къ торжеству враждебныхъ Прудону партій.“

„Constitutionnel“ напримѣръ находилъ, что его отчетъ при ликвидаціи банка былъ весьма неудовлетворителенъ, и обвинилъ его въ томъ, что онъ изъ подписной суммы поставилъ въ расходъ издержки, сдѣланныя для основанія банка на сумму въ 8,147 франковъ и тѣмъ обманулъ акціонеровъ. „Presse“ смѣялась надъ тѣмъ, что было подписано только 17,933 франка, какъ будто банкъ основывался не для того, чтобъ производить операціи безъ капитала. Какъ будто Прудонъ не потому только ставилъ цифру въ 50,000 франковъ основнаго капитала, что по французскимъ законамъ каждое общество должно необходимо имѣть основной капиталъ и кромѣ того деньги требовались на покрытіе первыхъ издержекъ. Будто ни во что нужно считать то, что пролетаріи несли свои послѣдніе гроши въ бюро Banque du Peuple и множество акціонеровъ откладывали ежемѣсячно по 50 сантимовъ для того, чтобъ въ теченіи 10 мѣсяцевъ уплатить 5-франковую акцію, акцію, которая не должна была приносить процентовъ.“

„Чтобъ видѣть, до какой степени вѣренъ былъ бы успѣхъ банка, нужно упомянуть еще о другихъ доказательствахъ энтузіазма, съ которымъ былъ принятъ проэктъ его, и о готовности служить ему даромъ. Такъ напримѣръ тѣ, которые были хорошо знакомы съ финансовымъ правомъ и бухгалтеріею, работали даромъ; одинъ домовладѣлецъ предложилъ для него даровую квартиру; всѣ рабочія ассоціаціи стали доставлять различныя при-

надлежности, какъ-то: столы, книги и проч. отказываясь отъ денежнаго вознагражденія".

„Съ полнымъ достоинствомъ была произведена и ликвидація банка. Хотя Прудонъ объявилъ, что онъ выплатитъ всѣ акціи своими собственными средствами: тѣмъ не менѣе всѣ работники, внесшіе деньги, рѣшились нести сами потерю. Такимъ образомъ народный банкъ закрылся въ началѣ апрѣля 1849 года, просуществовавъ только два мѣсяца и неуспѣвъ еще покончить свои приготовленія."

„Опытъ этотъ однако не могъ во всякомъ случаѣ пройти безслѣдно для народа. Изъ него слѣдовалъ тотъ важный выводъ, что работники могутъ обойтись безъ капиталиста, ссужая другъ друга своими производствами. И это должно было послужить руководствомъ въ дальнѣйшемъ движеніи рабочихъ ассоціацій."

На этомъ печальномъ фактѣ, т. е. закрытіи банка и приговорѣ Прудона къ заточенію, мы кончимъ нашъ очеркъ его системы; скажемъ только нѣсколько общихъ словъ въ заключеніе.

Мы представили теперь читателю очеркъ дѣятельности двухъ публицистовъ, имена которыхъ имѣли несчастье соединить вокругъ себя довольно таки злобы и обвиненій, и что главное, и Прудонъ и Луи Бланъ преслѣдовались преимущественно, какъ политическіе агитаторы. Между тѣмъ и тотъ и другой были весьма плохими политическими героями, и гораздо болѣе были простыми учеными мыслителями, чѣмъ политическими практиками. Правда, мысль ихъ сосредоточена была на чисто практической сферѣ вопросовъ, но то, что они сдѣлали для этихъ вопросовъ, какъ теоретики, что они сдѣлали собственно говоря для науки, было несравненно важнѣе того, что имъ удалось оставить послѣ себя въ практической жизни.

То, что имъ удалось испробовать на практикѣ, нѣсколько попытокъ ассоціацій и попытка банка, было только примѣрами, могущими идти въ подтвержденіе правоты ихъ мыслей. Но за то дорогъ тотъ шагъ, который сдѣлала экономическая наука, благодаря ихъ трудамъ. Они своими усиліями помогли разрушенію тѣхъ предразсудковъ, которыми запаслось экономическое значеніе въ предыдущемъ своемъ періодѣ вмѣстѣ съ истичами и которые мѣшали ему двигаться далѣе. Они отдѣлили въ этомъ знаніи все, что клонилось въ немъ къ изысканію истины, отъ всего что примѣшалось въ это знаніе посторонняго, подъ вліяніемъ совершенно побочнымъ политическихъ цѣлей. Они показали, что подъ вліяніемъ такихъ совершенно стороннихъ политическихъ побужденій, экономисты дошли до совершеннаго искаженія тѣхъ принциповъ, на которыхъ основывалась ихъ наука, и показали, что благодаря такимъ искаженіямъ, экономисты дошли до прямаго отрицанія и противорѣчія основнымъ положеніямъ своей науки.

Наука, которую они застали, не имѣла, собственно говоря, прочныхъ выработанныхъ теоретическихъ началъ, до того не имѣла ихъ, что многіе до сихъ поръ отрицаютъ за ней право на названіе науки. То, что она признавала за теоретическія начала, было большей частью собраніемъ практическихъ примѣтъ, которыя какъ она предполагала, вели къ экономическому благосостоянію, т. е. къ увеличенію производства и потребленія и болѣе правомѣрному распредѣленію того и другаго. Такой примѣтой была для экономистовъ между прочимъ спекуляція, которая и служила для нихъ главнымъ началомъ хозяйственной политики. Между тѣмъ практическій ходъ экономическихъ отношеній сталъ указывать на противорѣчіе между похвальбой экономической науки началу конкурренціи и развивающейся въ обществѣ нищетой вмѣсто равномѣрности и благосостоянія, иначе

на невѣрность избраннаго и прославленнаго экономистами основанія хозяйственнаго успѣха. Экономисты должны были признать нищету за фактъ, но отказались отъ всякой попытки исправить и повѣрить свой сборъ практическихъ примѣтъ, подвергнуть его болѣе тщательному изслѣдованію. Подъ вліяніемъ совершенно побочнымъ политическихъ цѣлей, которыя они примѣшали въ дѣло науки, между ними составилась клика, которая стала называть посягательствомъ на прочность общественнаго порядка всякую попытку со стороны болѣе добросовѣстныхъ экономистовъ приступить къ болѣе точной и новой повѣркѣ экономическихъ истинъ. И большинство дѣйствительно вѣрило такимъ инсинуаціямъ. Между тѣмъ трудно было ожидать, чтобы имъ удалось, какими бы то ни было средствами, остановить науку отъ всякаго дальнѣйшаго развитія, убѣдить окончательно, что какая либо наука и тѣмъ болѣе такая бѣдная и молодая наука, какъ политическая экономія, можетъ считать себя совершенною и законченною и не требующею никакихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, не знающею никакихъ дальнѣйшихъ ошибокъ. Тѣмъ болѣе это было невѣроятно въ виду тѣхъ затрудненій, которыя складывались въ практическомъ мірѣ и невольно наталкивали сколько нибудь добросовѣстный и жаждущій истины умъ на дальнѣйшій анализъ экономическихъ положеній. Такой-то анализъ и былъ произведенъ рядомъ экономистовъ, въ средѣ которыхъ ярче всего выступили имена двухъ писателей, взгляды которыхъ мы только что изложили.

Подрыва существующихъ бытовыхъ основаній тутъ вовсе не было, какъ мы могли убѣдиться, — напротивъ, оставляя все на мѣстѣ, дѣятельность новыхъ изслѣдователей сосредоточилась, можно сказать, на одномъ всего вопросѣ, на вопросѣ объ отношеніи между трудомъ и капиталомъ.

Съ одной стороны предполагалось, что тотъ порядокъ, ко-

торымъ идутъ дѣла, есть въ полномъ смыслѣ порядокъ конкурренціи; это было первое положеніе. Съ другой—оказывался фактъ, что трудъ становится все въ большую и большую зависимость отъ капитала и угнетается капиталомъ.

Отсюда вытекалъ тотъ первоначальный выводъ, что конкурренція ведетъ стало быть къ подавленію труда капиталомъ, иначе къ положенію вредному, безъисходному.

Для однихъ такой выводъ былъ равносиленъ произнесенію окончательнаго приговора надъ конкурренціей, какъ терминомъ несостоятельнымъ, и требованію новаго термина, какъ основанія хозяйственныхъ отношеній.

Но рѣшеніе вопроса въ этой формѣ представлялось слишкомъ общимъ. Спрашивалось, какого же искать новаго термина, и гдѣ искать его; такое рѣшеніе открывало конечно значительный просторъ всякаго рода болѣе или менѣе произвольнымъ построеніямъ, если бы дѣло остановилось на такомъ общемъ рѣшеніи. Новый терминъ очевидно долженъ былъ быть такого свойства, чтобы при его помощи могло быть устранено это подавляющее вліяніе капитала на трудъ. Все вниманіе изслѣдователей должно было сосредоточиться поэтому на изысканіи средствъ къ устраненію такого ложнаго отношенія между трудомъ и капиталомъ, и тотъ терминъ, который бы недопускалъ такого вліянія, и долженъ былъ оказаться искомымъ.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ, когда къ нему приступили Луи Бланъ и Прудонъ. Прежде чѣмъ обратиться прямо къ отысканію новаго термина, они подвергли болѣе серьезному сличенію два первыя положенія, которыя подали начало всему процессу, вчиненному старой экономической теоріи. Луи Бланъ первый обнаружилъ, что между двумя означенными положеніями существуетъ полное противорѣчіе, вслѣдствіе котораго они ни въ какомъ случаѣ не могутъ существовать одновременно.

То есть, если признается за фактъ подавленіе труда капиталомъ и возрастающая зависимость труда отъ капитала, достигшая крайняго предѣла, то въ то же время, нельзя предположить существованія конкурренціи какъ факта никоимъ образомъ. Напротивъ, зависимость труда отъ капитала, и меньшаго капитала отъ большаго, служитъ неопровержимымъ признакомъ отсутствія на дѣлѣ конкурренціи, основнаго требованія экономистовъ и напротивъ, полное присутствіе монополіи. Настоящее зло стало быть вовсе не въ присутствіи конкурренціи, а въ ея полнѣйшемъ отсутствіи и въ монополіи. Поэтому, экономисты, защищающіе во что бы то ни стало, что экономическія дѣла идутъ какъ слѣдуетъ, или противорѣчатъ сами себѣ, или, не понимая слова конкурренція, защищаютъ вовсе не конкурренцію, а спекуляцію и монополію, и слѣдовательно основнымъ принципомъ теоріи старыхъ экономистовъ есть вовсе не конкурренція, какъ они увѣряютъ, а монополія и спекуляція. Послѣ этого, разсуждалъ Луи Бланъ, мы должны уже искать средствъ не противъ конкурренціи, а противъ монополіи. Мы должны слѣдовательно, совершенно согласно съ духомъ смитовской науки, прежде всего сдѣлать возможной ту конкурренцію, отъ невозможности которой проистекаетъ зло: этого мы можемъ достигнуть только поставивъ лицомъ къ лицу съ капиталомъ настоящихъ монополистовъ, капиталы значительнѣйшіе, а такіе капиталы могутъ составиться только черезъ ассоціацію мелкихъ капиталовъ или ассоціацію труда. Если это не можетъ быть достигнуто частнымъ образомъ, то на то вѣдь и существуетъ въ обществѣ коллективная правительственная власть, чтобы совершать вещи, которыя при всей ихъ необходимости обществу, не подъ силу частнымъ лицамъ. Вотъ что говоритъ собственно Луи Бланъ.

Ставя такимъ образомъ ассоціаціонный капиталъ въ конкурренцію съ личнымъ, производя ассоціацію капитала, мы дости-

гнемъ наконецъ такой солидарности между капиталами, въ которой не будетъ уже болѣе мѣста вопросу о конкурренціи или вопросу о монополіи. Читатель можетъ подумать, конечно, что такимъ образомъ мы достигнемъ только ассоціаціи капиталовъ, но не достигнемъ ассоціаціи труда, но мы подъ мелкимъ капиталомъ и разумѣемъ тутъ именно ничто иное, какъ трудъ, всегда представляющій собою какой либо капиталъ, но только слишкомъ ничтожный для самостоятельнаго производства.—Могутъ возразить далѣе, что ассоціація столь мелкихъ капиталовъ, какіе представляютъ собой трудъ, все-таки даетъ слишкомъ ничтожную сумму для того, чтобы установить производство, могущее конкуррировать съ существующими монополистами. Луи Бланъ и рѣшаетъ это сомнѣніе кредитной и выкупной помощью правительства ассоціаціонному труду, основаніемъ новыхъ предпріятій и поглощеніемъ старыхъ посредствомъ выкупа. Но тутъ-то именно, гдѣ рѣшеніе Луи Блана можетъ показаться слишкомъ общимъ, является на помощь Прудонъ со своими изслѣдованіями кредитнаго дѣла, и утверждаетъ, что законы кредита таковы, что руководствуясь ими, необходимый капиталъ, безъ всякаго вмѣшательства правительства, можетъ быть сдѣланъ доступнымъ не только коллективному труду, всегда представляющему больше ручательства, чѣмъ отдѣльное лицо, но и каждому работнику отдѣльно, для предпріятій, которыя выполнимы трудомъ отдѣльнаго человѣка. Какимъ путемъ Прудонъ предполагалъ это сдѣлать, это должно быть извѣстно уже изъ предъидущаго. Отсюда онъ шелъ далѣе Луи Блана и, не требуя непремѣнной абсолютной ассоціаціи капиталовъ, онъ полагалъ, что при расширеніи средствъ кредита, въ обществѣ можетъ сохраниться совершенно самостоятельная личная индивидуальная предпріимчивость, на ряду съ ассоціаціонной, вовсе не страдая отъ ея присутствія.

Такимъ образомъ дѣятельность Прудона и Луи Блана была ограничена рѣшеніемъ одного въ сущности вопроса—объ отношеніи между трудомъ и капиталомъ, рѣшить который вызывали ихъ обстоятельства; другихъ экономическихъ вопросовъ они почти не касались, еще менѣе касались они разрушительно другихъ не экономическихъ, а соціальныхъ вопросовъ, и тотъ вопросъ, которому они посвятили свою дѣятельность, рѣшили они гораздо послѣдовательнѣе экономистовъ самому понятію конкурренціи, которое экономисты, какъ оказалось въ послѣднемъ счетѣ, совершенно ложно выдавали за свое. Оба они во всякомъ случаѣ способствовали къ болѣе точному выясненію значенія этого начала. Признавъ оба сущность зла вовсе не въ этомъ началѣ, они разошлись въ окончательномъ взглядѣ на него, Луи Бланъ допустилъ конкурренцію въ тѣхъ видахъ, что она ведетъ въ послѣднемъ счетѣ при ассоціаціяхъ къ уничтоженію самой себя, Прудонъ въ томъ смыслѣ, что она при иномъ устройствѣ отношеній между трудомъ и капиталомъ не ведетъ вовсе къ тѣмъ послѣдствіямъ, какъ теперь и которыхъ опасался Луи Бланъ, т. е. къ монополіи, и напротивъ того приноситъ еще пользу. Вотъ пунктъ ихъ разлада, въ основномъ же взглядѣ на вопросъ о средствахъ рѣшить отношеніе между трудомъ и капиталомъ они сходны: и тотъ и другой видятъ это средство въ кредитѣ, устроенномъ общественнымъ путемъ или правительственнымъ, что конечно въ сущности все равно. Такимъ образомъ тѣ средства, которыми предлагали рѣшить вопросъ, не только были въ строгомъ смыслѣ экономическими, но даже не противорѣчили этому знаменитому кошмару экономистовъ, конкурренціи.

Вправѣ ли мы послѣ этого назвать ихъ сумасбродными агитаторами или мечтателями, или скорѣе добросовѣстными изслѣдователями, которые сдѣлали таки нѣчто для экономическаго

знанія? Можно опровергать ихъ, можно оспаривать, чтобы вопросы, ими тронутые, были ими разработаны съ той полнотой и совершенствомъ, съ какимъ бы это было желательно. Да вѣдь можетъ ли вообще наука экономическая похвастать хотя однимъ вопросомъ, который бы блисталъ такой полной и совершенной обработкой? Можно требовать дальнѣйшаго пополненія начатаго ими анализа, но объявлять ихъ недостойными вниманія и изученія сумасбродами — это старыя шутки, отъ которыхъ приходится въ настоящее время уже отказаться экономистамъ, столь долго защищавшимъ монополію, воображая, что они защищаютъ конкурренцію. Мы же напротивъ полагаемъ, что въ системахъ, изложенныхъ нами, мы разсмотрѣли все, что сдѣлала экономическая мысль для своего развитія за послѣднее время наиболѣе существеннаго, изложили заслуги тѣхъ писателей, которыя произвели въ экономической литературѣ реакцію противъ школы, закабалившей ее въ службу буржуазнымъ политическимъ тенденціямъ,— реакцію, которая вывела эту науку изъ этой кабалы на путь независимаго изслѣдованія истины, и которая поэтому естественно неправилась монополистамъ, разжившимся мелкимъ торгашествомъ и спекуляціей, содержателямъ игорныхъ домовъ и тому подобному люду, этой накипи на обществѣ, ненавидящей все, чего нельзя купить, и что не подчиняется карману, а слѣдовательно и независимую мысль.

Вотъ главная причина, способствовавшая такъ долго къ распространенію противъ означенныхъ писателей предубѣжденія въ общественномъ мнѣніи и удерживавшая дальнѣйшее развитіе науки на этомъ пути.

Но время безсмысленныхъ предубѣжденій почти можетъ быть названо миновавшимъ, и вопросъ объ отношеніи между трудомъ и капиталомъ станетъ на первомъ планѣ въ наукѣ, которая отрекалась до сей поры отъ него вовсе, и которая почтитъ

вѣроятно лучшей почестью первыхъ неутомимыхъ тружениковъ этого вопроса.

Вотъ прошло не болѣе пятнадцати лѣтъ, со времени разсказанныхъ нами событій, оказавшихся столь враждебными первымъ піонерамъ этого вопроса, и роли начинаютъ измѣняться. Ассоціаціонное движеніе, содѣйствуемое чисто рабочими кредитными учрежденіями, получаетъ въ настоящую минуту на нашихъ глазахъ замѣтное развитіе во Франціи и къ нему напрашивается уже съ своей помощью имперіализмъ и буржуазная партія. Съ той и съ другой стороны идутъ предложенія услугъ, имѣющія конечно скрытую цѣль овладѣть этимъ движеніемъ, предотвратить которое повидимому признаетъ та и другая сторона болѣе невозможнымъ. Но движеніе это, извѣрившееся горькимъ опытомъ въ помощь покровителей, старается всѣми силами пока избѣжать этой помощи. Оно недовѣрчиво смотритъ и на проэктируемые правительствомъ планы законодательства относительно ассоціацій, и на проэктируемые буржуазіей планы банковъ на буржуазные капиталы. Но во всякомъ случаѣ, такіе авансы со стороны прежнихъ враговъ рабочаго движенія доказываютъ значительную перемѣну во взглядахъ на настоящій вопросъ. Въ самой Англіи аристократизмъ дѣлаетъ все болѣе и болѣе уступокъ. И партіи, и правительство, кажется, начинаютъ приходить къ тому сознанію, что при настоящемъ строѣ политическихъ международныхъ отношеній среди постояннаго соревнованія и между правительствами, и между внутренними партіями, тѣ изъ нихъ и та партія окажутся впереди другихъ, то есть болѣе богатыми и сильными, которыя будутъ опираться на сочувствіе большинства націи и успѣютъ дальше другихъ подвинуть рѣшеніе вопроса объ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ. Заманчивость старой аристократической политики замѣтно теряетъ свою прежнюю силу, и стоитъ конечно кому ли-

бо зайти въ этомъ отношеніи далѣе другихъ для того, чтобы на тотъ же путь политики вступили и остальные, и конечно, среди такого направленія дѣлъ въ наибольшемъ проигрышѣ останется тотъ конкуррентъ, который вступитъ на этотъ путь послѣднимъ или который, еще хуже, станетъ задаваться въ настоящую пору аристократическими началами, сильно дискредитованными въ остальной Европѣ, съ которой ему волей или неволей придется конкуррировать. Лучше всего должно быть при такихъ условіяхъ положеніе такихъ конкуррентовъ, которымъ не предстоитъ бороться внутри своей страны ни съ какими предразсудками, затрудняющими вышеизложенный путь къ установленію лучшихъ отношеній между трудомъ и капиталомъ, но все это дѣла, надъ которыми прямо невластна литература. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что общее положеніе дѣлъ ближе къ рѣшенію вопроса, чѣмъ было пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Дѣло не дошло конечно еще до серьезной повѣрки кредитныхъ плановъ Прудона, но оно вѣроятно не минуетъ и этой повѣрки, и тогда читатель убѣдится на самомъ опытѣ, насколько было въ его соображеніяхъ правды, и насколько въ самомъ дѣлѣ иллюзій, какъ это утверждали его противники.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе 1

ГЛАВА I.

Общая характеристика Прудона какъ писателя. — Философія нищеты, или система экономическихъ противорѣчій . . . 11

ГЛАВА II.

Споръ съ Бастіа, статьи въ Voix du Peuple 59

ГЛАВА III.

Система Луи Блана въ теоріи и практикѣ. — Рабочій вопросъ и временное правительство. — Народный банкъ Прудона. — Общія соображенія о двухъ изложенныхъ системахъ . 111

ВСѢ
КНИГИ И НОТЫ
можно выписывать
черезъ
КНИЖНУЮ
ТОРГОВЛЮ
спеціально
для иногородныхъ
А. Я.
ПАПАФИДИНА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Б. Итальянская, № 8.
Каталоги высылаются
БЕЗПЛАТНО.